

Эдвард Бульвер-Литтон

**Кенелм Чиллингли,
его приключения и
взгляды на жизнь**

«Public Domain»

1873

Бульвер-Литтон Э. Д.

Кенелм Чиллингги, его приключения и взгляды на жизнь /
Э. Д. Бульвер-Литтон — «Public Domain», 1873

«Сэр Питер Чиллингги, владелец Эксмондема, баронет, член Королевского общества и Общества антикваров, принадлежал к старинному роду и был довольно крупным землевладельцем. Женился он рано, но отнюдь не по особой склонности к супружеской жизни, а лишь подчиняясь настоянию родителей. Они сами выбрали для него невесту. Их выбор мог быть лучше, мог быть и хуже, а ведь даже это вряд ли можно сказать о многих мужьях, выбирающих жен по личному, вкусу. Мисс Каролина Бразертон была во всех отношениях приличной партией. Она обладала порядочным состоянием, которое весьма облегчило покупку двух или трех ферм — предмета давнишних желаний семейства Чиллингги, так как этим приобретением они округляли свои владения...»

© Бульвер-Литтон Э. Д., 1873

© Public Domain, 1873

Содержание

Книга первая	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	15
Глава V	18
Глава VI	20
Глава VII	21
Глава VIII	23
Глава IX	28
Глава X	32
Глава XI	34
Глава XII	36
Глава XIII	39
Глава XIV	43
Глава XV	47
Книга вторая	50
Глава I	50
Глава II	51
Глава III	55
Глава IV	62
Глава V	64
Глава VI	68
Глава VII	70
Глава VIII	75
Глава IX	79
Глава X	85
Глава XI	87
Глава XII	89
Глава XIII	95
Глава XIV	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Бульвер-Литтон Эдвард Кенелм Чиллингги, его приключения и взгляды на жизнь

Edward Bulwer-Lytton

Kenelm Chillingly, his adventures and opinions

В издании Блэквуда текст романа был разбит на три тома.

* * *

Книга первая

Глава I

Сэр Питер Чиллингли, владелец Эксмондема, баронет, член Королевского общества¹ и Общества антикваров², принадлежал к старинному роду и был довольно крупным землевладельцем. Женился он рано, но отнюдь не по особой склонности к супружеской жизни, а лишь подчиняясь настоянию родителей. Они сами выбрали для него невесту. Их выбор мог быть лучше, мог быть и хуже, а ведь даже это вряд ли можно сказать о многих мужьях, выбирающих жен по личному, вкусу. Мисс Каролина Бразертон была во всех отношениях приличной партией. Она обладала порядочным состоянием, которое весьма облегчило покупку двух или трех ферм – предмета давнишних желаний семейства Чиллингли, так как этим приобретением они округляли свои владения. Кроме того, у мисс Бразертон были знатные родственники, и она внесла в семью Чиллингли тот особый светский тон, который приобретает молодая девушка, посещавшая балы три сезона подряд и только что вступившая в брак, делающий честь и ей самой и тем, кто ввел ее в свет. Будучи настолько хороша собой, чтобы вполне удовлетворить гордость мужа, она все же не была до такой степени красавицей, чтобы постоянно возбуждать его ревность. Ее считали превосходно воспитанной, иначе говоря она играла на фортепьяно, и всякий музыкант мог сказать, что у нее хорошая школа, но едва ли хоть один из них испытывал особое желание послушать ее игру вторично. Она писала акварелью достаточно хорошо, чтобы ей самой это доставляло удовольствие. Как многие дамы, она блистала знанием иностранных языков – французского и итальянского, и хотя чтение литературы на этих языках ограничивалось у нее небольшими отрывками из отдельных произведений, она произносила французские и итальянские слова с той непогрешимой правильностью, которой позавидовали бы даже Руссо и Ариосто. Какими еще качествами должна отличаться девица, чтобы ее считали очень хорошо воспитанной, я, право, затрудняюсь сказать, но совершенно уверен, что та, о которой идет речь, вполне отвечала всем необходимым для этого требованиям.

Для сэра Питера Чиллингли такая партия была не только приличной, но даже блестящей. Не менее выгодным был этот брак и для мисс Каролины Бразертон. Как и подобает образцовым супругам, эта превосходная чета жила в образцовом мире и согласии.

Вскоре после женитьбы, по смерти родителей – миссия которых на земле, после того как они женили своего наследника, надо полагать, была окончена, сэр Питер вступил во владение своими наследственными поместьями.

Девять месяцев в году молодые супруги проводили в Эксмондеме, остальные три – в Лондоне. Когда жизнь в Эксмондеме им становилась скучна, леди Чиллингли, да и он сам были рады вновь возвратиться в город, а когда им надоедало жить в городе, они были рады вернуться в Эксмондем.

За одним исключением, это был чрезвычайно счастливый брак. Леди Чиллингли настаивала на своем в пустяшных вопросах; зато в вопросах особой важности решающий голос всегда принадлежал сэру Питеру. Обычно пустяковые дела случаются каждый день, а важные – раз в три года. И раз в три года леди Чиллингли уступала сэру Питеру. Семейная жизнь, налаженная таким образом, всегда идет ровно и мирно. Но мы упомянули об одном исклю-

¹ Королевское общество (точнее: Лондонское королевское общество содействия естествознанию) – одна из наиболее старых научных организаций Англии (существует с 1660 г.).

² Общество антикваров – общество, содействовавшее изучению английской старины (создано в 1572 г.).

чении отрицательного свойства: не было того, что служило бы залогом их счастья. Вот уже четырнадцать лет сэр Питер и леди Чиллингги тщетно надеялись на появление маленького наследника.

Между тем при отсутствии прямого мужского потомка владения сэра Питера должны были перейти к одному дальнему родственнику. Этот предполагаемый наследник последние четыре года приобрел уверенность в том, что он уже теперь наследник фактический, и, хотя сэр Питер был гораздо моложе его и отличался завидным здоровьем, этот родич не раз уже выражал надежду на весьма скорое получение наследства. Когда сэр Питер задумал поменяться с соседним помещиком небольшими земельными участками, рассчитывая получить хорошую пахотную землю взамен ненужного ему леса, в котором ничего, кроме хвороста и кроликов, не водилось, — наследник категорически запротестовал. Он заявил, что кроличья охота — его страсть и что ему будет весьма кстати этот лес, который он рассчитывал получить в самом недалеком будущем — может быть, уже к следующему охотничьему сезону.

Он рьяно оспаривал привилегию сэра Питера производить обычную порубку и даже грозил подать на него в суд за нарушение его, наследника, прав. Словом, наследник родовых владений принадлежал к тому сорту людей, назло которым землевладельцы готовы жениться хоть в восемьдесят лет, в слабой надежде на прибавление семейства. Но не одни только соображения о переходе его владений в руки этого не слишком любезного родственника заставляли сэра Питера Чиллингги горевать об отсутствии малыша. Принадлежа к тому кругу провинциальных дворян, у которых многие политические мыслители отрицают особо развитый интеллект, присущий другим членам общества, сэр Питер тем не менее был очень начитан и даже склонен к умозрительной философии. Он мечтал о законном наследнике, которому мог бы передать свои знания и опыт. Будучи человеком добрым, он лелеял мысль, что этот наследник будет более усердно наделять род людской теми благами, которыми философы одаривают нас, когда крепко тузят друг друга. Так полный искр кремь оставался бы до скончания века холодным и бесполезным, если бы по нем не ударяли сталью. Словом, сэр Питер жаждал иметь сына, одаренного боевыми качествами, которых ему самому недоставало и которые так необходимы каждому искателю славы и уж особенно благожелательным философам.

Поэтому можно себе представить, какая радость охватила сердца обитателей Эксмондема и даже всех арендаторов в этом почтенном поместье, которые так же искренне любили владельца, как и ненавидели наследника, столь заботливого к кроликам, когда доктор супругов Чиллингги объявил, что «ее милость находится в интересном положении». Радость достигла апогея, когда в надлежащее время в колыбель торжественно положили младенца мужского пола.

Сэра Питера позвали к колыбели. Он вошел в комнату быстрым шагом, и лицо его сияло, но вышел он оттуда медленно, с нахмуренным лбом.

Ребенок, однако, вовсе не был уродом. Он явился на свет не с двумя головами, как это иногда будто бы случается, а был создан подобно всем детям. Это был очень здоровый красивый ребенок. А все-таки он чем-то напугал отца, так же как и кормилицу. У малютки был необычайно торжественный вид. Его глаза смотрели на сэра Питера с каким-то грустным упреком; губы были сжаты, и уголки их — скорбно опущены, словно он с неудовольствием размышлял о своей будущей судьбе.

Кормилица испуганным шепотом сообщила, что при появлении на свет он ни разу не крикнул. Он вступил во владение своей колыбелью с достоинством, присущим молчаливому горю. Более грустного и задумчивого выражения не могло быть у человеческого существа, если бы даже оно покидало мир, а не только еще вступало в него.

«Гм! — сказал самому себе сэр Питер, возвращаясь в уединение своей библиотеки. — Философ, дающий юдоли слез нового обитателя, берет на себя тяжкую ответственность...»

В эту минуту с соседней колокольни раздался радостный перезвон... Летнее солнце светило в окна, на лужайке среди цветов жужжали пчелы. Сэр Питер очнулся от задумчивости и выглянул в окно.

— В конце концов, — весело произнес он, — юдоль слез не лишена и некоторых радостей.

Глава II

В Эксмондеме шел семейный совет о имени, которое следовало дать необыкновенному ребенку, чтобы он мог войти в христианскую общину.

Младшая ветвь старинного рода Чиллингли состояла, во-первых, из неприятного наследника – шотландца по происхождению, носившего фамилию Чиллингли Гордон. Он был вдов и имел сына, трехлетнего ребенка, пребывавшего в счастливом неведении печальных последствий, которые ожидали его в будущем в связи с рождением законного наследника. Этого нельзя было, однако, сказать о его каледонском папаше³. Мистер Чиллингли Гордон принадлежал к числу тех людей, которые преуспевают в жизни, хотя никто не мог бы объяснить почему. Родителей он потерял еще в младенчестве. Они ничего ему не оставили, но родня позаботилась о ребенке, поместив его в Чартерхаусскую школу⁴. В этом знаменитом учебном заведении он ничем не отличился, однако по окончании школы государство взяло его под свое особое покровительство, предоставив должность секретаря в одном из департаментов.

С этих пор он неизменно преуспевал в жизни и стал наконец членом совета по таможенным сборам, с окладом в тысячу пятьсот фунтов стерлингов в год.

Теперь средства мистера Гордона позволили ему содержать жену, и он женился, однако с таким расчетом, чтобы она помогала ему содержать себя своим состоянием. Его выбор пал на вдову ирландского пэра, получившую после смерти мужа свою вдовью часть наследства, которая приносила две тысячи фунтов в год.

Через несколько месяцев после женитьбы Чиллингли Гордон застраховал жизнь жены, обеспечив себе, таким образом, в случае ее смерти ежегодный доход в тысячу фунтов. Но, так как она казалась женщиной цветущего здоровья и была даже несколькими годами моложе мужа, ежегодные страховые платежи могли стать излишней жертвой в настоящем ради малоосновательных расчетов на будущее.

Но сама жизнь доказала необыкновенную проницательность Чиллингли Гордона, так как жена его на второй год супружества, через несколько месяцев после рождения сына, умерла от болезни сердца, ускользнувшей от внимания врачей. Любящее сердце Гордона, без сомнения, заметило эту болезнь еще до того, как он решил застраховать жизнь жены, слишком драгоценную, чтобы после ее утраты не требовалось хотя бы даже маленького возмещения.

После этого доходы Гордона достигли двух тысяч пятисот фунтов стерлингов в год, и, следовательно, его денежные дела находились в отличном состоянии. Кроме того, он приобрел репутацию, позволившую ему играть в обществе более почетную роль, чем та, которую могло предоставить ему слишком разборчивое государство. Его считали человеком здравомыслящим, и его мнение по всем вопросам частного и общественного значения всегда имело вес. Само это мнение, если к нему отнестись критически, стоило немного, но провозглашалось оно самым внушительным тоном. Мистер Фокс⁵ сказал однажды, что «никто не был таким мудрым, каким казался лорд Сэрлоу⁶». Но даже лорд Сэрлоу не мог бы выглядеть

³ «...о его каледонском папаше.» – Каледония – старинное название Шотландии.

⁴ Чартерхаусская школа – закрытая школа привилегированного типа, существует с XVII в. на территории так называемого Чартерхауса (в Лондоне), т. е. «Дома картезианцев» (в этом здании некогда помещался картезианский монастырь).

⁵ Фокс Чарлз Джеймс (1749–1806) – английский политический деятель, пользовавшийся славой блестящего оратора и остроумца.

⁶ Сэрлоу Эдуард (1731–1806) – английский политический деятель. Его обманчиво привлекательная внешность послужила поводом для знаменитой шутки Фокса, которую приводит здесь Бульвер-Литтон.

умнее Чиллингли Гордона. Последний имел квадратную челюсть и рыжие косматые брови, которые он хмурил как-то особенно эффектно, высказывая свои «веские» мнения.

Он обладал еще и другим преимуществом, благодаря чему приобрел солидную репутацию. Мистер Чиллингли был очень неприятный человек. Он становился груб, если ему противоречили, а так как не многим нравится выслушивать грубости, ему противоречили очень редко.

Чиллингли Майверс, представитель младшей ветви рода, также был примечателен, но уже в ином смысле. Это был тридцатипятилетний холостяк, с необычайным презрением относившийся ко всем и ко всему на свете. Он был основателем и главным владельцем газеты «Лондонец», тон которой отличался тем же высокомерным презрением. Естественно, что эта газета пользовалась чрезвычайной популярностью у передовых людей того сорта, которые никем не восхищаются и ни во что не верят.

Мистер Чиллингли Майверс считал себя, как и все его окружавшие, человеком, который мог достигнуть необыкновенных успехов в любой отрасли литературы, если бы только соизволил употребить на это свои редкие дарования. Но он пока еще не удостаивал литературу своим вмешательством, почему и имел полное основание намекать, что, напиши он эпическую поэму, драму, роман, историческое сочинение или трактат по метафизике, – и имена Мильтона, Шекспира, Сервантеса, Юма⁷, Беркли⁸ просто перестанут существовать. Он считал весьма достойным сохранять свое литературное инкогнито, и даже в газете, которую основал, никто не знал наверняка, что именно он там пишет. При всем том Чиллингли Майверс был прямой противоположностью своему родственнику Чиллингли Гордону, то есть считался человеком очень умным и весьма приятным в обществе.

Преподобный Джон Столуорз Чиллингли был решительным сторонником мускульного христианства⁹ и сам являлся прекрасным представителем этой веры. Это был человек высокого роста, крепкого сложения, с широкими плечами и сильно развитыми икрами. Ему стоило лишь взглянуть на деиста¹⁰, чтобы разбить его в пух и прах.

Сьер де Жуэнвиль¹¹ в мемуарах о короле Людовике Святом¹² рассказывает, что однажды духовные лица и богословы созвали всех евреев некоего восточного города, чтобы научно доказать им истинность христианского учения. Некий рыцарь-калека, ходивший на костылях, получил позволение присутствовать на этом диспуте. Евреи во множестве откликнулись на приглашение. Один прелат вежливо обратился к ученому раввину с вопросом – верит ли он в непорочное зачатие Христа. «Конечно, нет», – ответил раввин, тогда благочестивый рыцарь, оскорбленный столь богохульным ответом, поднял костыль и сбил с ног раввина, а потом накинулся на остальных неверных, которых обратил в постыдное бегство.

⁷ Юм Дэвид (1711–1776) – английский философ и историк, стоявший на позиции субъективного истолкования принципов эмпиризма (основой познания считал идеалистически понимаемый опыт).

⁸ Беркли Джордж (1684–1753) – английский философ и епископ англиканской церкви, представитель субъективного идеализма, сводивший знание о внешнем мире к совокупности ощущений.

⁹ Мускульное христианство – выражение, связанное с деятельностью английского романиста и публициста Чарлза Кингсли (1819–1875), одного из представителей раннего «христианского социализма». Выражение «мускульное христианство» как намек на религиозно-социальные идеалы Кингсли появилось на страницах консервативного «Эдинбургского обозрения» в конце 50-х гг. Кингсли считал его обидным. У Бульвера-Литтона оно употреблено в ироническом смысле и обозначает тех, кто способен отстаивать свои взгляды с помощью кулаков.

¹⁰ Деист – последователь деизма, религиозно-метафизического мировоззрения, стремившегося сочетать принципы веры с требованиями разума. Выдающиеся передовые умы XVIII в. (Вольтер, Лессинг и др.) считали себя деистами. В середине XIX в. деизм уже перестает играть сколько-нибудь значительную роль. В тексте романа под деистами следует понимать представителей сект, унаследовавших от деизма некоторые рационалистические воззрения.

¹¹ Жуанвиль Жан (1224–1317) – французский историк, сопровождавший Людовика IX в крестовом походе, автор «Истории Людовика Святого».

¹² Людовик Святой – французский король Людовик IX (1215–1270, король с 1226 г.), вдохновитель и организатор крестовых походов в Египет и Тунис.

О поведении рыцаря донесли Людовику Святому с просьбой сделать ему соответствующее внушение, на что король вынес мудрое суждение:

«Если благочестивый рыцарь-человек ученый и может вескими доводами опровергнуть возражения неверного, пусть спорит честно. Но если благочестивый рыцарь не обладает достаточной ученостью и не может отразить доводы врагов христианства, тогда пусть он положит конец спору лезвием своего доброго меча».

В делах такого рода Джон Столуорз Чиллингли был одного мнения с Людовиком Святым. Он поощрял у своих сельских прихожан любовь к крикету и другим видам спорта. Но будучи искусным и смелым наездником, Джон никогда не охотился; характер у него был общительный: он не прочь был, например, и выпить в хорошей компании. Но его литературные вкусы отличались утонченностью, которая даже как-то не вязалась с представлением о мускульном христианстве. Он любил стихи и много читал, но ему не нравились Скотт¹³ и Байрон, которых он считал безвкусными пустозвонами, он уверял, что Поп¹⁴ не более как рифмоплет, а величайший английский поэт – это Вордсворт¹⁵. Классиков древности он недолюбливал, не признавал никаких достоинств за французской поэзией, об итальянской литературе не имел ни малейшего представления, зато кое-что смыслил в немецкой и надоедал всем и каждому своими восторгами по поводу «Германа и Доротеи»¹⁶ Гете. Жена его была невзрачная, скромная женщина, благоговевшая перед мужем. Она была искренне уверена, что в церкви не было бы раскола, если бы место архиепископа кентерберийского занимал ее муж. Впрочем, он и сам был того же мнения.

Кроме этих трех мужских особей рода Чиллингли, следует сказать еще о представительницах прекрасного пола. Поскольку миледи еще не покидала своей комнаты, их было в наличии три – все родные сестры сэра Питера и все старые девы. Может быть, одной из главных причин, почему они не вышли замуж, было их необыкновенное внешнее сходство. Жених, если бы таковой нашелся, оказался бы в затруднении, на какой из трех остановить выбор, и, может быть, просто побоялся бы, что на другой день после предложения он вместо невесты поцелует по ошибке какую-нибудь из ее сестер.

Все три были высокие, худые, с длинными костлявыми шеями. У всех были одинаково бесцветные волосы, ресницы, глаза и вообще весь внешний вид. Одевались они постоянно одинаково, всем цветам предпочитая ярко-зеленый. Так они оделись и сегодня.

Исходя из внешнего сходства, поверхностный наблюдатель легко мог прийти к заключению, что по характеру и складу ума сестры также ничем не различались. Их манеры были безупречны, с тем особым оттенком благопристойности, который присущ хорошо воспитанным женщинам. Их отношение к посторонним отличалось холодностью и сдержанностью, зато к родственникам, к людям, пользовавшимся их симпатией, и друг к другу они питали искреннюю привязанность.

Они были добры к бедным, которых, впрочем, считали существами совсем иного порядка, обращаясь с ними с той снисходительностью, какую обычно проявляют в обращении с бессловесными животными. Ум их питался из одного источника. Они читали одни и те же книги, которые делили на два сорта: романы и так называемые «хорошие книги». У них было обыкновение читать попеременно: сегодня – роман, завтра – «хорошую книгу»,

¹³ Скотт Вальтер (1771–1832) – английский писатель, создатель жанра исторического романа. Здесь идет речь о его романтических поэмах, написанных на средневековые сюжеты.

¹⁴ Поп Александр (1688–1744) – английский поэт и критик, представитель классицизма и просветительства.

¹⁵ Вордсворт (Уордсуорт) Уильям (1770–1850) – английский поэт-романтик. Его поэзии свойственны темы природы, сельской жизни, патриархального быта.

¹⁶ «Герман и Доротея» (1797) – поэма И. Гете о двух влюбленных, стилизованная автором в духе идиллий древнегреческого поэта Феокрита. Выражает отрицательное отношение Гете к французской революции, противопоставляя ей непритязательные идеалы бюргерского существования.

послезавтра – опять роман, и так далее, в том же порядке. Таким образом, если в понедельник воображение сестер было несколько разгорячено, во вторник они охлаждали его до надлежащей температуры, и если во вторник оно замерзало, в среду его согревали в теплой ванне.

Впрочем, романы, которые им доводилось читать, редко были способны разогреть воображение: их герои и героини могли служить образцами безукоризненного поведения.

Тогда как раз были в моде романы Джеймса¹⁷, и сестры в один голос уверяли, что «эти романы отец может смело дать прочесть своим дочерям».

Но хотя поверхностный наблюдатель и не усматривал никакого различия между тремя девицами и, видя их всех постоянно в зеленом, сказал бы, пожалуй, что они похожи друг на друга, как три горошины, тем не менее, приглядываясь к ним внимательней, можно было заметить у каждой свои особенности.

Мисс Маргарет, старшая из сестер, была наиболее властной. Она управляла их общим хозяйством – все трое жили вместе, – ей была доверена роль семейного казначея, она же имела решающий голос во всех спорных вопросах: приглашать ли на чай такую-то, отказать ли от места Мэри, куда ехать в октябре – в Бродстерс или в Сэндгейт¹⁸, – словом, мисс Маргарет олицетворяла волю этого маленького союза.

У мисс Сибиллы был более кроткий нрав и склонность к меланхолии. Обладая поэтическим складом ума, она время от времени писала стихи. Некоторые из них были напечатаны на атласной бумаге и продавались на благотворительных базарах. Провинциальные газеты отзывались об этих стихах благосклонно, отмечая в них «изящество утонченного и женственного ума».

Обе сестры соглашались, что Сибилла была гением в их семье, но, как все гении, недостаточно практична в обыденной жизни.

Мисс Сара Чиллингги, младшая из трех и только что вступившая в сорок четвертую весну своей жизни, считалась у них «милой малюткой, немного шаловливой, но такой душечкой, что ни у кого не достало бы духа бранить ее». Мисс Маргарет называла ее ветренницей, а мисс Сибилла посвятила стихотворение под названием: «Предостережение молодой девице об опасности светских удовольствий».

Сестры называли ее Сэлли; у остальных уменьшительных имен не было. Имя Сэлли¹⁹ связано с чем-то стремительным. Но такое представление о Сэлли в другой семье едва ли привилось бы, так как вряд ли можно было ожидать, что она быстро выпорхнет из гнезда.

Все три мисс Чиллингги, бывшие намного старше сэра Питера, жили на главной улице столицы родного графства, в прекрасном, хотя и старомодном кирпичном доме с огромным садом позади. У каждой из них был капитал в десять тысяч фунтов стерлингов, и если бы мистер Чиллингги Гордон мог жениться разом на трех, он не преминул бы это сделать и переписал бы круглую сумму в тридцать тысяч фунтов на себя. К его сожалению, многоженство еще не признано законом, хотя, если общественный прогресс не изменит своего теперешнего пути, кто знает, какого торжества над предрассудками предков может достигнуть мудрость наших потомков.

¹⁷ Джеймс Джордж (1801–1860) – популярный в середине прошлого века английский романист и историк.

¹⁸ Бродстерс, Сэндгейт – курортные городки в Англии.

¹⁹ Одно из значений слова «sally» (сэлли) – «военная вылазка» (англ.).

Глава III

– Друзья, – сказал Питер, стоя перед камином и обводя взглядом сидевших полукругом гостей, – в парламенте, прежде чем приступить к обсуждению билля, как мне кажется, сперва вносят его.

Он помолчал, потом позвонил и обратился к вошедшему слуге:

– Скажите кормилице, чтобы она принесла младенца.

Чиллингли Гордон. Право, сэр Питер, я лично не вижу в этом особой необходимости. Мы и так охотно верим в его существование.

Мистер Майверс. Произведению сэра Питера для охраны своей репутации выгодно сохранять инкогнито. *Omne ignotum pro magnifico*²⁰.

Джон Столуорз Чиллингли. Я не одобряю таких цинических замечаний. Разумеется, мы все желаем видеть будущего представителя нашего имени и рода на самой ранней стадии его существования. Кто не хотел бы взглянуть на источник Нила или Тигра, как бы ни был он мал?

Мисс Сэлли (*хихикает*). Хи-хи!..

Мисс Маргарет. Как тебе не стыдно, ветреница!

Наконец виновник торжества появляется на руках кормилицы. Все встают и окружают малютку-все, кроме Гордона, наследника в отставке.

Младенец встретил устремленные на него со всех сторон взгляды родственников с самым презрительным равнодушием. Мисс Сибилла первая нарушила молчание, высказав свое мнение о первенце сэра Питера. Торжественным шепотом она возвестила:

– Какое неземное и грустное выражение! Он как будто сожалеет, что покинул мир ангелов.

Джон Чиллингли. Очень мило сказано, кузина Сибилла. Но дитя должно быть мужественным. Она должно смело завоевать себе место среди других смертных, если хочет когда-нибудь вернуться к ангелам. И мне думается, так оно и будет: ребенок прекрасный!

Он взял его у кормилицы и, подбросив вверх, как бы взвешивая, весело сказал:

– Чудовищно тяжелый. К двадцати годам с ним не справится боксер весом в пятнадцать стоунов²¹.

С этими словами он подошел к Гордону, который, как бы желая показать, что его нисколько не интересуют дела семьи, сыгравшей с ним такую скверную штуку, родив этого ребенка, взялся за «Таймс», скрывшись за ее обширными листами. Пастор одной рукой вырвал у него «Таймс», а другой поднес малютку к самому носу возмущенного экс-наследника.

– Поцелуйте же его! – сказал он.

– Поцеловать? – воскликнул Чиллингли Гордон, отодвигая свое кресло назад. – Поцеловать? Фи, сэр, отойдите! Я никогда не целовал даже собственного ребенка и тем более чужого. Уберите от меня это существо, сэр, оно безобразно, у него черные глаза!

Сэр Питер, который был близорук, надел очки и наклонился над новорожденным.

– Верно, – сказал он, – у него черные глаза. Очень странно... необычайно. Это первый Чиллингли с черными глазами.

– У его маменьки черные глаза, – сказала мисс Маргарет, – он пошел в маму. Правда, он не так красив, как все Чиллингли, но вовсе не безобразен.

²⁰ Все неизвестное кажется великим (лат.). Майверс цитирует «Жизнеописание Агриколы» – первое сочинение римского историка Тацита (ок. 55 – ок. 117).

²¹ Стоун – мера веса, равная 14 английским фунтам, т. е. приблизительно 6,33 кг.

– Прелестное дитя, – вздохнула Сибилла, – и такое умное, не плачет.

– Ни разу не заплакал и не закричал с тех пор, как родился, благослови его господи, – сказала кормилица.

Она взяла ребенка от пастора и стала расправлять смявшиеся оборки чепчика.

– Можете идти, – сказал ей сэр Питер.

Глава IV

– Я согласен с мистером Шенди²², – заговорил сэр Питер, опять заняв свое место у камина, – что одна из самых ответственных задач, лежащих на родителях, – выбор имени, которое ребенок должен носить всю жизнь. Особенно важно это для баронетов. У пэров христианское имя, слившись с титулом, исчезает. Если человека называют мистером и если данное ему при крещении имя неблагозвучно или смешно, он вовсе не обязан выставлять его напоказ. Он может не печатать его на визитных карточках и ставить «мистер Джонс» вместо «мистер Эбенизер „Джонс“». Подписываясь под бумагами – конечно, кроме тех, которые требуют соблюдения всех формальностей, – он может ставить только начальную букву своего имени, например: «Ваш покорнейший слуга Э. Джонс». Всякий волен предполагать, что Э. означает или Эдуард, или Эрнест – имена невинные, не напоминающие о диссидентской церкви²³, как имя Эбенизер. Если юноша по имени Эдуард или Эрнест будет уличен в какой-нибудь нескромности, на его репутации не останется пятна, но если в таком же поступке будет уличен Эбенизер, его на всю жизнь ославят лицемером: это оскорбит общественное мнение так же, как если бы известный праведник вдруг оказался простым грешником. Но баронету не уйти от своего имени, оно не может оставаться в забвении, не может сократиться до инициала. Оно ярко блистает в свете дня. И если баронета окрестили Эбенизером, он так и будет «сэр Эбенизер», со всеми опасными последствиями, случись ему поддаться тем искушениям, которым подвержены и баронеты. Но, друзья мои, необходимо учесть не только действие, которое звук имени оказывает на других, – еще важнее, быть может, действие, которое имя оказывает на нас самих. Есть имена, ободряющие и ободряющие человека, другие, напротив, способны привести его в уныние и парализовать все стремления. Я сам служу печальным примером, подтверждающим эту истину. Как вы знаете, в нашем роду старшего сына всегда нарекали Питером. Я стал жертвой этой семейной традиции. Никогда не было сэра Питера Чиллингги, хоть чем-нибудь замечательного среди своих ближних. Это имя давило мертвым грузом на мой ум, на мою энергию. В списке знаменитых англичан, кажется, нет ни одного с именем сэра Питера, разве только сэр Питер Тизл, да и тот существует только в комедии.

Мисс Сибилла. А сэр Питер Лели?

Сэр Питер Чиллингги. Этот живописец вовсе не англичанин. Он родился в Вестфалии, знаменитой окошками. Я ограничиваю свои замечания сынами нашей родины. Надо сказать, что в других странах имя Питер не убивает гения его носителя. Почему? А потому, что там оно звучит иначе, Пьер Корнель – великий человек, но, спрошу я вас, будь он англичанином, могли бы вы представить себе отца европейской трагедии, носящего имя Питер Кроу?²⁴

Мисс Сибилла. Это невозможно.

Мисс Сэлли. Хи-хи!

Мисс Маргарет. Нечего смеяться, ветреный ребенок.

Сэр Питер. Я не позволю назвать Питером моего сына!

Мистер Чиллингги Гордон. Если человек настолько глуп – а нельзя сказать наверняка, что ваш сын, кузен Питер, будет уж очень умен, – что на него может действовать звук

²² Шенди. – Речь идет о романе английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», в котором много места уделено обстоятельствам рождения и выбору имени героя романа.

²³ Диссидентская церковь. – Так называют религиозные объединения, отколовшиеся от государственной англиканской церкви (протестанты, реформаты), а также различные секты.

²⁴ Игра слов: *corneille* (корнэй) – по-французски «ворона», *crow* (кроу) – по-английски «ворона».

собственного имени, и вы хотите, чтобы он весь свет перевернул вверх дном, то уж лучше назовите его Юлием Цезарем, или Ганнибалом, или Атилой, или Карлом Великим.

Сэр Питер (*который по невозмутимости стоит выше всего остального человечества*). Напротив, если вы навяжете человеку одно из таких громких имен, славу которого у него нет надежды затмить, вы раздавите его этой тяжестью. Представьте себе современного поэта по имени Джон Мильтон или Уильям Шекспир, – ведь он не осмелился бы напечатать даже сонета. Нет, имя следует выбирать, избегая крайностей: смешное, незначительное имя так же неудобно, как слишком громкое. Поэтому я приказал повесить вон там, на стене нашу семейную родословную. Рассмотрим ее повнимательнее: может быть, среди самих Чиллингги или их родственников найдется имя, достойное будущего главы нашего дома, не слишком легковесное, но и не слишком обременительное.

Сэр Питер подошел к изображению фамильного древа – красивому свитку пергамента, наверху которого был изображен фамильный герб Чиллингги. Он был прост, как все старинные гербы: три серебряные рыбы на лазурном поле и над ними голова сирены. Все столпились посмотреть на родословную, кроме Гордона, продолжавшего читать «Таймс».

– Я никогда не мог толком разобрать, какие это рыбы, – сказал преподобный Джон Столуорз. – Конечно, не шуки, как на гербе семейства Хотофт: у них прямо-таки устрашающий вид, способный испугать всех будущих Шекспиров!

– Мне думается, это лини, – промолвил мистер Майверс. – Линь – рыба, умеющая обеспечить себе безопасную жизнь благодаря тому, что она философски предпочитает скромное и незаметное существование в глубоких ямах и в иле.

Сэр Питер. Нет, Майверс, это елец – рыба, которая раз завелась в пруду, то уж никогда оттуда и не выведется. Вы можете выкачать воду, вы можете спустить ее. «Ну, – скажете вы, – теперь не будет ельца». Но как бы не так! Не успеете вы оглянуться, как ваш пруд уже снова кишит ельцом. Так что более подходящей эмблемы для нашего рода нельзя было и придумать. Сколько всяких политических волнений и революций произошло в Англии со времен Гептархии, а порода Чиллингги все та же и сидят они на том же месте. Их почему-то не разорило нашествие норманнов, они держали лены при Эвдо Сенешале так же спокойно, как и при короле Гарольде. Они не участвовали ни в крестовых походах, ни в войне Алой и Белой розы, ни в гражданской войне между Карлом Первым и парламентом. Как ельца не разлучить с водой, так и Чиллингги нельзя было оттащить от земли и землю – от Чиллингги. Может быть, я и неправ, но мне хотелось бы, чтобы новый Чиллингги был чуть меньше похож на ельца.

– Ах, – воскликнула мисс Маргарет, которая, взобравшись на стул, рассматривала родословную в лорнет, – я не вижу ни одного красивого имени, кроме Оливера!

Сэр Питер. Этот Чиллингги родился в эпоху протектората Оливера Кромвеля и назван так в его честь, равно как его отец, родившийся в царствование Иакова I, был окрещен Джеймсом²⁵. Наши три рыбки всегда плыли по течению. Что ж, Оливер – имя неплохое, но оно имеет привкус радикальных доктрин.

Майверс. Я этого не думаю. Оливер Кромвель круто расправлялся с радикалами и их доктринами. Но лучше поищем имя, звучащее не так страшно и революционно.

– Нашел, нашел! – закричал пастор. – Вот потомок сэра Кенелма Дигби и Венеции Стэнли. Сэр Кенелм Дигби! Прекрасный образец мускульного христианства. Он умел сражаться так же хорошо, как и писать. Правда, немножко чужак, но настоящий джентльмен. Назовите мальчика Кенелмом.

– Прелестное имя, – сказала мисс Сибилла. – Оно дышит романтикой.

²⁵ Джеймс – английская форма имени Иаков.

– Сэр Кенелм Чиллингги – что ж, звучит... как бы это сказать... внушительно, – согласилась мисс Маргарет.

– И имеет то преимущество, – заметил мистер Майверс, – что, хотя оно связано с представлением о человеке благородном и доблестном, – что должно вызвать у ребенка желание соревноваться со своим тезкой в этих качествах, оно в то же время не настолько знаменито, чтобы это соперничество было невозможно. Известно, что сэр Кенелм Дигби был образованный и благородный джентльмен, но если принять во внимание его глупые суеверия относительно порошков, благотворно действующих на нервную систему, и прочего, то, конечно, в наше время не нужно быть гением, чтобы стать с ним на одном уровне. Да, давайте остановимся на Кенелме. Сэр Питер все еще раздумывал.

– Конечно, – заговорил он после некоторого молчания, – конечно, память о Кенелме связана с довольно причудливыми поступками: например, его женитьба на прекрасной Венеции была, в сущности, необдуманным шагом. Я хотел бы, чтоб мой сын не слишком увлекался женской красотой, а женился на особе почтенной, достойного нрава и безукоризненного поведения.

Мисс Маргарет. Разумеется, на британской матроне!

Все три сестры (хором). Разумеется, разумеется!

– Но, – продолжал сэр Питер, – в сущности, я и сам не без чудачеств, и чудачества, в общем, вещь довольно невинная. А так как малютка не собирается жениться завтра, у нас еще будет время обсудить этот вопрос. Кенелм Дигби был человек, которым может гордиться самое почтенное семейство, и при этом, как ты сказала, Маргарет, Кенелм Чиллингги действительно звучит недурно. Прекрасно, назовем его Кенелмом Чиллингги!

Таким образом, мальчика окрестили Кенелмом, после чего его печальное личико еще более вытянулось.

Глава V

Прежде чем родственники разъехались, сэр Питер пригласил мистера Гордона в свою библиотеку.

– Кузен, – начал он самым любезным тоном, – я не осуждаю вас за отсутствие родственных чувств или даже обычного человеческого отношения к новорожденному.

– Вы меня не осуждаете, кузен Питер? Еще бы! По-моему, я выказываю вполне родственные чувства, насколько этого можно ожидать от меня, принимая во внимание обстоятельства.

– Я понимаю, – продолжал сэр Питер со своей обычной кротостью, – что после четырнадцати лет бездетного супружества появление у нас этого маленького создания должно было вас неприятно удивить. Но, если принять во внимание, что я намного моложе вас и нет оснований предполагать, что я непременно должен умереть раньше, последствия этой неожиданной перемены обстоятельств могут скорее отразиться на вашем сыне, чем на вас лично. И вот об этом-то я и собираюсь сказать вам несколько слов. Вам хорошо известно, что закон не разрешает мне отказать по завещанию что-либо из моих земельных владений вашему сыну, – все получает законный прямой наследник. Но я намерен с настоящего времени уделять для вашего сына некоторую долю моих доходов. Я люблю часть года проводить в Лондоне, но теперь я откажусь от лондонского дома и тем самым сокращу свои расходы. Если я доживу до таких лет, какие господь дарует человеку, возможно, мне удастся скопить для вашего сына порядочную сумму, что хоть отчасти вознаградит его.

Мистера Гордона это великодушное предложение вовсе не смягчило. Все же он ответил гораздо вежливее обычного:

– Мой сын будет вам очень обязан, если ему когда-нибудь придется воспользоваться вашим завещанием. – Помолчав, он добавил с веселой улыбкой: – Множество детей умирает, не достигнув двадцати одного года.

– Но я слышал, что ваш сын вполне здоровый ребенок.

– Мой сын, кузен Питер? Я думал не о моем сыне, а о вашем. У ребенка слишком большая голова – меня не удивит, если у него откроется водянка. Я не хочу вас пугать, но он, конечно, может умереть очень скоро, и мало вероятно, чтобы леди Чиллингли подарила вам второго сына. Итак, простите меня, но я все-таки по-прежнему буду следить за тем, чтобы соблюдались мои права, и, как это ни прискорбно, все-таки не могу допустить, чтобы вы без моего ведома срубили в лесу хотя бы одно дерево.

– Глупости, Гордон! Как пожизненный владелец Эксмондема, я имею право вырубить хоть весь лес, кроме декоративных насаждений.

– Ну, не советую это делать, кузен! Я уже предупреждал вас, что в таком случае мне придется обратиться к помощи закона, хотя я, конечно, вовсе не желаю с вами ссориться. Права остаются правами, и я вынужден защищать их. Надеюсь, решение суда, каково бы оно ни было, не изменит наших с вами родственных и дружеских отношений. Но меня ждет экипаж – как бы не опоздать к поезду!

– Прощайте, Гордон. Пожмем друг другу руки.

– Пожмем руки? Ах да, конечно, конечно! Кстати: проезжая мимо сторожки привратника, я заметил, что она нуждается в основательном ремонте. Мне кажется, вы ответственны за исправное состояние строений. Прощайте!

«Вот толстокожая свинья! – подумал сэр Питер, когда его кузен ушел. Трудно справиться с обыкновенной свиньей, но со свиньей такого рода совсем уж не сладить. Тем не менее сын вовсе не должен страдать за прегрешения отца. Надо сейчас же решить, что мне удастся отложить для него. В конце концов Гордону, бедняге, не повезло! Надеюсь,

он не вздумает действительно подать на меня в суд. Терпеть не могу судов. Червяк всегда извивается, особенно попав в паутину».

Глава VI

Несмотря на зловещее предсказание экс-наследника, юный Чиллингли вполне благополучно и даже с достоинством прошел все ступени младенческого существования. Он перенес корь и коклюш с философским равнодушием. Постепенно приобретая дар слова, он, надо сказать, не слишком злоупотреблял этой особой принадлежностью человеческого рода.

В раннем детстве он был необыкновенно молчаливым ребенком, словно его воспитывали в школе Пифагора. Но, очевидно, он мало говорил, чтобы больше думать. Кенелм внимательно наблюдал за всем окружающим и глубоко размышлял над своими наблюдениями. К восьми годам мальчик стал несколько разговорчивее, и приблизительно в это время изумил свою мать вопросом: «Мама, скажи, тебя не тяготит порой сознание что ты – личность?»

Леди Чиллингли – я чуть было не сказал «кинулась», но леди Чиллингли никогда не кидалась – леди Чиллингли несколько менее величественной походкой, чем обычно, отправилась к сэру Питеру и, дословно повторив ему необыкновенный вопрос сына, добавила:

– С мальчиком становится трудно, слишком он умен для того, чтобы с ним занималась женщина. Надо отдать его в школу.

Сэр Питер был того же мнения. Но где ребенок мог услышать такое мудреное слово, как «личность», и как пришел ему в голову столь странный метафизический вопрос?

Сэр Питер призвал к себе Кенелма и, к своему удивлению, убедился, что мальчик, имея свободный доступ в библиотеку, ухитрился прочесть там «Опыт о человеческом разуме» Локка и теперь готов был вступить в спор с этим философом по поводу учения о врожденных идеях. С серьезнейшим видом ребенок заявил:

– Потребность есть идея, и если, только что родившись, я почувствовал потребность в пище и знал, к кому за ней обратиться, хотя меня этому не учили, то, конечно, я явился на свет с врожденной идеей.

Хотя сэр Питер кое-что и смыслил в метафизике, он был совершенно ошеломлен и тщетно чесал в затылке, так и не придумав подходящего объяснения разницы между идеями и инстинктами.

– Дитя мое, – сказал он наконец, – ты не соображаешь, о чем говоришь. Ступай, показывайся лучше на своем черном пони. И впредь не читай ничего без моего или маминого разрешения. Возьмись-ка за «Кота в сапогах».

Глава VII

Сэр Питер приказал заложить экипаж и поехал к преподобному Джону Столуорзу. Эта доблестная духовная особа жила в нескольких милях от усадьбы, и сэр Питер из всех родственников только с ним одним советовался о домашних делах.

Он нашел пастора в кабинете, в котором мало что говорило о духовной профессии хозяина. Над камином висели перчатки для бокса, рапиры для фехтования, во всех углах стояли биты для крикета и удочки. На стенах висело несколько гравюр, портрет Вордсворта, рядом с ним – изображения двух призовых скакунов и лестерширского короткого быка, за которого пастор получил приз на сельскохозяйственной выставке: преподобный Джон сам трудился на своей земле и разводил скот на ее богатых пастбищах. По обеим сторонам знаменитого четвероногого висели портреты Хукера и Джереми Тейлора. Несколько небольших полок были заставлены красиво переплетенными книгами. У открытого окна стояли жардиньерки с цветами: цветы пастора славились по всей округе. Вся обстановка комнаты говорила о человеке с опрятными привычками и постоянными вкусами.

– Кузен, – сказал сэр Питер, – я приехал посоветоваться с вами.

И он рассказал о необыкновенном умственном развитии Кенелма Чиллингги.

– Вы видите, его имя начинает оказывать на него слишком сильное действие. Ему нужно поступить в школу, но в какую – частную или государственную?

Джон Столуорз. Много можно сказать за и против той и другой. В государственной школе, надо полагать, Кенелма перестанет тяготить «сознание его собственной личности»; вернее всего, он его там вовсе утратит. Недостаток государственной школы состоит именно в том, что индивидуальный характер заменяется общим. Разумеется, учитель не может заниматься индивидуальным развитием каждого мальчика. Все умы бросают в одну большую форму, и они выходят оттуда одного типа. Воспитанники Итона могут быть умны или глупы, но и в том и в другом случае остаются итонцами, Государственная школа способствует созреванию таланта, но душит гений. Кроме того, государственная школа не годится для единственного сына – наследника хорошего поместья: она развивает привычки к своеволию и расточительности, а ваше имение требует заботливого управления. Не годится, чтобы наследник влезал в долги за счет наследства. В общем, я против того, чтобы Кенелм воспитывался в государственной школе.

– Ну что ж, отдадим его в частную.

– Постойте, – сказал пастор, – и частная школа имеет свои недостатки. Трудно разводить больших рыб в маленьких прудах. В частных школах почти отсутствует соревнование между учениками, их энергия не находит себе выхода. Жена директора такой школы обычно вмешивается в воспитание детей и непомерно их балует. В этих школах не воспитывают мужества, не приучают почитать старших, и мальчишки слишком мало дерутся. Из способного парня получается педант, из мальчика с более слабыми умственными способностями – примерная девица в брюках. Эта система не воспитывает в человеке мужества. Нет, тезка и потомок Кенелма Дигби не должен воспитываться в частной школе.

– Насколько я понял из ваших рассуждений, – сказал сэр Питер с присущим ему благодушным спокойствием, – Кенелма Чиллингги вовсе не следует отдавать в школу.

– Да, похоже на то, – признался пастор. – Но, если хорошенько подумать, можно найти компромисс. Бывают школы, соединяющие в себе лучшие стороны государственных и частных: они стремятся поощрять и развивать умственную и физическую энергию учащихся, и в то же время там не стараются подогнать ум и характер детей под одну мерку. Например, я знаю школу, директор которой один из первых ученых в Европе; оттуда вышло много замечательных людей. Директор умеет с первого взгляда определить способности ребенка

и, воспитывая его, принимает их во внимание. Он учит детей не только гекзаметрам и сапфическим строфам: ученики основательно знакомятся со всей древней и современной литературой. Он и сам хороший писатель и тонкий критик – большой поклонник Вордсворта. На драки смотрит сквозь пальцы, его воспитанники прекрасно умеют действовать кулаками, и среди них нет юнцов, которые в пятнадцать лет уже постигли науку подписывать долговые обязательства. Мертонская школа – самое подходящее место для Кенелма.

– Благодарю, – сказал сэр Патер. – Приятно, когда находишь человека, способного принимать решения за тебя. Сам я нерешителен и во всех домашних делах предоставляю командование мною леди Чиллингли.

– Хотел бы я видеть женщину, которая вздумала бы командовать мною! воскликнул бравый пастор.

– Но вы ведь женаты не на леди Чиллингли. А теперь пойдемте в сад, взглянем на ваши георгины.

Глава VIII

Юного противника локковских философских теорий отправили в школу Мертон и зачислили соответственно его заслугам в предпоследний класс.

Когда Кенелм приехал домой на рождественские каникулы, он казался угрюмее обычного. Действительно, на лице его отражалось какое-то тайное, всепоглощающее горе. Все же он сказал, что школа ему очень нравится, но от описания подробностей уклонился. На следующий день, рано утром, он сел на своего черного пони и поехал в дом пастора. Преподобный Джон пребывал во дворе своей фермы и осматривал волов, когда туда явился Кенелм и без всяких предисловий объявил:

– Сэр, я обещан и умру, если вы не поможете мне восстановить мою честь в собственных глазах.

– Мой милый мальчик, не говори так. Пойдем-ка ко мне в кабинет.

Как только они вошли в комнату, пастор старательно закрыл дверь и, взяв Кенелма за руку, повернул его, к свету; он тотчас увидел, что у мальчика действительно тяжело на душе. Взяв его за подбородок, пастор бодрым тоном сказал:

– Голову выше, Кенелм! Я уверен, что ты не сделал ничего недостойного джентльмена.

– Не знаю. Я дрался с мальчишкой чуть повыше меня, и он меня побил. Но я не сдавался, а потом уже не мог стоять на ногах, и другие мальчишки подняли меня. А этот парень – страшный драчун... Зовут его Батт... Он сын адвоката... Зажал мою голову под мышкой и колотил, колотил... Я снова вызвал его на драку после каникул... И если вы не поможете мне вздуть его как следует, я никогда больше ни на что не буду годен... да, никогда! Это разобьет мое сердце.

– Я рад слышать, что у тебя хватило мужества вызвать его. Ну-ка, покажи, как ты сжимаешь руку в кулак. Что же, недурно. Теперь стань в позицию и бей меня – да сильнее, сильнее! Эх ты, так не годится! Ты должен наносить удары прямо и точно. Да и стоишь ты не так, как надо. Ну-ка, перенеси опору на левую носу – прекрасно! Надень перчатки, я преподам тебе урок бокса.

Пять минут спустя миссис Джон Чиллингли, войдя в комнату, чтобы позвать мужа завтракать, была поражена, увидев его без сюртука, отражающим удары Кенелма, который налетал на него, как молодой тигр. Добрый пастор в эту минуту, конечно, представлял собой прекрасный образец мускульного христианства, но, уж конечно, мало походил на тех христиан, которые становятся архиепископами Кентерберийскими.

– Боже милостивый! – пролепетала перепуганная миссис Джон Чиллингли и как добрая жена бросилась защищать мужа. Схватив Кенелма за плечи, она стала трясти его изо всех сил.

Пастор, который уже порядком запыхался, даже обрадовался этому вмешательству и, надевая сюртук, сказал:

– Завтра мы это повторим. А теперь пойдем завтракать.

Но и во время завтрака лицо Кенелма по-прежнему не прояснилось, он говорил мало, а ел еще меньше. После завтрака он потащил пастора в сад и сказал:

– Мне думается, сэр, что, может быть, с моей стороны нечестно по отношению к Батту брать эти уроки, и если это так, я уж лучше обойдусь без них...

– Твою руку, дружок! – восторженно вскричал пастор. – Недаром тебя называли Кенелмом. Вполне естественно желание человека, как и всякого другого животного, победить противника, и здесь он, кажется, настойчивее всех живых тварей, кроме разве петуха и перепела. Но человеку, который называется джентльменом, должно быть свойственно желание

побить своего противника честным путем. Джентльмен скорее согласится, чтоб его самого побиили, чем будет драться нечестно. Ведь ты именно это хотел сказать?

– Да, – твердо ответил Кенелм. И философски заметил, – это само собой разумеется, потому что, если я побью кого-либо нечестным путем, это будет означать, что, в сущности, я совсем его не побил.

– Превосходно! Но предположим, что ты и какой-нибудь другой мальчик готовите к экзамену «Комментарии» Цезаря или таблицу умножения, и тот, другой способнее тебя, но ты добросовестно выучил заданное, а он нет. Скажи, в этом случае ты тоже поступил нечестно?

Кенелм подумал немного, потом решительно сказал:

– Нет.

– Понятие честности не меняется, идет ли речь о твоих мозгах или кулаках. Тебе ясно?

– Да, сэр. Теперь ясно.

– Во времена, когда жил твой тезка сэр Кенелм Дигби, джентльмены носили шпаги и учились, как обращаться с ними, потому что при ссорах они часто должны были пускать их в ход. В наши дни уже никто, по крайней мере в Англии, не дерется на шпагах. Наш век – век демократизма, и когда приходится драться, ты должен ограничиваться кулаками. И если Кенелм Дигби учился фехтовать, то Кенелм Чиллингли обязан учиться боксу. Когда джентльмен поколотит ломового извозчика вдвое выше ростом, но не умеющего драться как следует, мы не называем такой поступок нечестным: он только лишний раз подтверждает ту истину, что знание – сила. Итак, дружок, завтра я опять преподам тебе урок бокса.

Кенелм сел на своего пони и вернулся домой. Его отец прогуливался по саду с книгой.

– Папа, – обратился к нему Кенелм, – объясни мне, как джентльмен должен писать другому джентльмену, с которым он не поладил и не хочет мириться, если ему нужно сообщить тому что-нибудь по поводу их ссоры?

– Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Перед тем, как меня отдали в школу, ты как-то говорил, что поссорился с лордом Хотфортом. Ты сказал тогда, что он осел и ему следует об этом написать. Так вот, ты ему так прямо и написал: «Вы – осел»? Объясни, именно так джентльмен и должен писать другому джентльмену?

– Право, Кенелм, ты задаешь странные вопросы. Но тебе следует знать – и чем раньше, тем лучше, – что там, где грубый и невоспитанный человек станет просто ругаться, лицо образованное пускает в ход иронию. Когда один джентльмен считает другого джентльмена ослом, он не говорит ему этого прямо, а лишь дает это понять в самых тонких выражениях. Лорд Хотфорт считает, что я не имею права удить форель в ручье, который протекает по его земле. Меня очень мало интересует ловля форелей, но мое право ловить рыбу в этом ручье не подлежит сомнению. Конечно, он осел, раз вздумал поднимать этот вопрос. Не затей он такой глупой истории, я, может быть, ни разу и не воспользовался бы своим правом. Но тут уж я должен ловить его форель просто из принципа.

– И ты написал ему?

– Написал.

– Как же ты написал, папа?

– Ну, приблизительно в таком роде: «Сэр Питер Чиллингли имеет честь приветствовать лорда Хотфорта и считает своим долгом сообщить его светлости, что он советовался с лучшими юристами по поводу своих прав на рыбную ловлю и просит извинения, если осмелится предложить лорду Хотфорту тоже посоветоваться с юристом, прежде чем оспаривать эти права».

– Спасибо, папа, теперь я понял...

В этот вечер Кенелм написал следующее письмо:

«Мистер Чиллингли имеет честь приветствовать мистера Батта и считает своим долгом сообщить, что берет уроки бокса, и просит извинения, если осмелится предложить мистеру Батту также брать уроки бокса, прежде чем драться с мистером Чиллингли в следующем семестре».

– Папа, – сказал Кенелм на следующее утро, – мне нужно написать школьному товарищу, которого зовут Батт. Он сын адвоката, которого все зовут судьей. Но я не знаю его адреса.

– Это легко уладить, – сказал сэр Питер, – судья Батт – человек известный, и его адрес можно найти в судебном справочнике.

Адрес был – «Блумсбери-сквер». Кенелм послал туда свое письмо и скоро получил следующий ответ:

«Ты просто нахальный болван, и я вздую тебя до полусмерти.
Роберт Батт».

Это вежливое послание окончательно подавило угрызения совести у Кенелма Чиллингли, и он стал ежедневно брать уроки мускульного христианства у преподобного Джона Столуорза.

После каникул Кенелм поехал в школу, и чело его уже не было омрачено заботами. Через три дня он написал преподобному Джону:

«Любезный сэр, я отколотил Батта. Знание – сила!
Любящий Вас Кенелм.
P. S. После того как я побил Батта, я с ним помирился».

С этого времени Кенелм стал преуспевать. Похвальные письма от знаменитого директора школы так и сыпались на сэра Питера. К шестнадцати годам Кенелм стал старшиной школы и по окончании ее привез домой письмо от своего Орбилия с надписью «секретно». Сэр Питер прочел:

«Любезный сэр Питер Чиллингли!

Меня никогда так не тревожила будущая карьера моих воспитанников, как карьера Вашего сына. Юноша столь талантлив, что из него легко может выйти великий человек. Но он настолько своеобразен, что может стать известным всему свету своими странностями. Выдающийся педагог доктор Арнольд говорит, что разница между мальчиками заключается не столько в дарованиях, сколько в энергии. У Вашего сына есть дарования, есть и энергия, а в то же время ему кое-что недостает для успеха в жизни, ему не хватает способности сходиться с людьми. Нрав у него меланхолический и поэтому нелюдимый. Он никогда не будет действовать заодно с другими. По натуре он довольно ласков; другие мальчики любят Вашего сына, особенно маленькие, которые считают его героем, но у него нет ни одного близкого друга. Что касается его знаний, то он хоть сейчас мог бы поступить в колледж и непременно там отличится, если только захочет приложить к этому хоть небольшие усилия. Но я осмелюсь подать Вам совет: пусть он еще пару лет знакомится с жизнью. Это привьет ему более практические взгляды на действительность. Хорошо бы послать его к частному наставнику, не педанту, а человеку светскому, понимающему в литературе, и лучше всего в столицу. Словом, я хочу сказать, что мой юный: воспитанник непохож на всех остальных. Если Вы не сумеете сблизить его с людьми, он, обладая качествами, с которыми можно сделать в жизни немало, боюсь, не, сделает ничего. Простите за смелость, с какою я к Вам

обращаюсь, и припишите ее только исключительному участию к судьбе Вашего сына.

Искренне Вам преданный Уильям Хоргон».

Получив это письмо, сэр Питер не стал созывать семейный совет, так как его три незамужние сестры едва ли могли сказать что-либо путное. Что же касается мистера Гордона, то он в конце концов все-таки подал в суд на сэра Питера, обвинив его в порубке леса, и так как дело свое он, конечно, проиграл, то немедленно заявил сэру Питеру, что больше не считает его родственником и презирает как человека. Это было сказано не совсем в таких выражениях, а в более прикрытых, но тем самым еще более язвительных. Оставались еще двое Чиллингли. Сэр Питер пригласил Майверса на неделю поохотиться в Эксмондеме, а пастора Джона попросил навестить его.

Мистер Майверс приехал. Шестнадцать лет, протекавшие с тех пор, как он впервые был представлен читателю, мало изменили его наружность. Он любил говорить, что в молодости светский человек должен казаться старше своих лет, а в среднем возрасте и до самой смерти – моложе. И сам открывал секрет, как этого достигнуть: «Надевайте пораньше парик, и вы никогда не будете седым».

Не в пример большинству философов, Майверс применял свои теории на практике. В расцвете юности он стал носить парик такого фасона, которому не страшно было время, то есть не кудрявый и щегольской, а с прямыми волосами и без всяких претензий. С того дня, как он надел этот парик – ему тогда было двадцать пять лет, – он стал казаться тридцатипятилетним. Таким он казался и теперь, когда ему уже стукнуло пятьдесят.

– Я намерен, – говорил он, – оставаться тридцатипятилетним всю жизнь. Прекрасный возраст! Пусть говорят, что мне больше, но я не стану в этом признаваться. Никто не обязан сам себя обличать.

У мистера Майверса были еще другие афоризмы на эту серьезную тему. Один из них гласил: «Никогда не соглашайтесь быть больным. Никогда не признавайтесь ни себе, ни другим, что вы больны, и никогда не признавайтесь в этом самому себе. Болезнь – такая вещь, которой человек обязан противиться с самого начала. Не давайте ей пробраться в ваше тело. Но сообразуйтесь со своим здоровьем и, выяснив, какой именно образ жизни для вас полезнее, соблюдайте его в точности». Майверс ни за что не пропустил бы своей обычной пешей прогулки в парке перед завтраком, хотя, поехав в Сент-Джайлс в экипаже, он мог спасти бы этим Лондон от гибели.

Другой афоризм Майверса таков: «Если вы хотите всегда быть молодым, живите в столице и никогда не оставайтесь в провинции больше чем на несколько недель. Возьмите для сравнения двух человек одинакового сложения и возраста, скажем, лет двадцати пяти. Пусть один живет в Лондоне и ведет регулярный образ жизни английского клубмена, другой же проводит все время в какой-нибудь сельской местности, какую обычно нелепо называют здоровой. Взгляните на обоих, когда они достигнут сорокапятилетнего возраста. Лондонец сохранил фигуру – у сельского жителя образовалось брюшко. У лондонца прекрасный, ровный цвет лица – кожа на лице сельского жителя обветренная, а может быть, и дряблая».

Третья аксиома Майверса была такого рода: «Никогда не обзаводите семью – ничто так не старит, как семейные радости и родительские узы. Не множьте своих забот и замкните жизнь самым тесным кругом. Зачем прибавлять к чемодану ваших неприятностей еще шляпные картонки леди и целый фургон для детской? Не будьте честолобивы – это приводит к подагре. Честолобие требует от человека больших лишений и ничего не дает ему взамен до той поры, когда он уже перестает чему-либо радоваться».

Интересно еще такое его изречение: «Свежий ум способствует физической свежести. Впитывайте в себя лишь сегодняшние идеи, вчерашние отбрасывайте. А что касается

завтрашних, то будет достаточно времени обдумать их, прежде чем завтра превратится в сегодня».

Сохранив здоровье и молодость соблюдением всех этих правил, Майверс появился в Эксмондеме *lotus, teres*²⁶, но не *rotundus*²⁷. Это был человек среднего роста, стройный, прямой, с правильными четкими, хотя и мелкими чертами лица, тонкими губами и превосходными зубами, ровными и белыми, чему был обязан отнюдь не зубному врачу. Ради зубов он избегал кислых вин, особенно рейнвейна, сладких блюд и горячих напитков. Он даже чай пил холодным. «Есть две вещи в жизни, говорил Майверс, – которые мудрец должен сохранять ценой всевозможных жертв: здоровый желудок и эмаль зубов. Для многих бедствий есть утешение, но при несварении желудка и зубной боли вас не утешит уже ничто».

Литератор, он в то же время оставался человеком светским и в той и другой деятельности достиг таких результатов, что его боялись как литератора и любили как светского человека. Как литератор он презирал свет, как светский человек – литературу. Но себя уважал как представителя того и другого.

²⁶ Целый, плотный (лат.).

²⁷ Округлый (лат.).

Глава IX

Вечером третьего дня после приезда Майверса он сам, пастор и сэр Питер сидели в гостиной. Пастор расположился в кресле у огня и покурил коротенькую пенковую трубку. Майверс растянулся на кушетке, с наслаждением вдыхая аромат одной из своих отборных «трабукос». Сэр же Питер не курил никогда.

Пастор славился искусством готовить пунш. Поэтому была заранее приготовлена горячая вода. На столе стояли спиртные напитки, лежали лимоны. Бремя от времени пастор прихлебывал из стакана, сэр Питер делал то же, но несколько реже. Само собой разумеется, Майверс пунша не пил: возле него на стул поставили стакан и большой графин с ледяной водой.

Сэр Питер. Кузен Майверс, у вас было достаточно времени, чтобы присмотреться к Кенелму и составить себе мнение, соответствует ли его характер описанию директора.

Майверс (*вяло*). Да-а...

Сэр Питер. Я обращаюсь к вам как к светскому человеку: что, по вашему мнению, надо делать с мальчиком? Послать его к такому наставнику, какого предлагает директор? Кузен Джон не согласен с директором, он полагает, что странности Кенелма по-своему совсем неплохи и что их вовсе не следует преждевременно подавлять соприкосновением со светскими наставниками и лондонскими мостовыми.

– Да, – еще более вялым тоном повторил Майверс. После некоторого молчания он добавил: – Давайте послушаем пастора Джона.

Пастор отложил трубку, осушил четвертый стакан пунша и, откинув назад голову, принял задумчивый вид – как великий Колридж, когда произносил монолог. Потом он начал, немного гнусава:

– На заре жизни...

Тут Майверс пожал плечами, заворочался на кушетке и закрыл глаза со вздохом человека, готового покорно выслушать скучную проповедь.

– На заре жизни, когда роса...

– Я так и знал, что выпадет роса, – не выдержал Майверс. – Дорогой, осушите ее, пожалуйста, скорей – ничего не может быть вреднее росы. Мы понимаем, что вы хотите сказать, а именно: «Мальчик в шестнадцать лет юн и свеж». Ну, он действительно юн и свеж; продолжайте, что дальше?

– Если вы намерены перебивать меня своими обычными циничными замечаниями, – сказал пастор, – зачем тогда вы просили меня говорить?

– Это была ошибка, прошу прощения. Но кто мог знать, что вы станете говорить так пышно и цветисто? «Заря жизни». Что за вздор на самом деле!

– Кузен Майверс, – вмешался сэр Питер, – вы сейчас не критикуете слог Джона в своем «Лондонце». Прошу вас помнить, что заря жизни сына – пора, серьезная для отца, и нельзя губить дело в зародыше. Продолжайте, Джон!

Пастор добродушно продолжал:

– Я постараюсь приспособить свой слог к вкусу моего критика. Когда мальчику шестнадцать и жизнь его только началась, встает вопрос, должен ли он так рано менять взгляды, присущие юности, на взгляды людей зрелых? Следует ли ему уже приобретать знание света, обычное в людях зрелого возраста? Я этого не думаю. По-моему, гораздо лучше оставить его подольше в обществе поэтов. Пусть он наслаждается великолепными надеждами и чудесными грезами, мечтает о героях, которых будет ставить себе в образец, когда придет его пора вступить в свет взрослым мужчиной. Есть две великие школы для воспитания характера: реалистическая и идеалистическая. Я сторонник второй. Она делает человека смелее,

свободнее, выше, когда он займет место в обыденной жизни, которую называют реальной. Поэтому я не советовал бы отдавать потомка сэра Кенелма Дигби до поступления в колледж светскому человеку, весьма вероятно – какому-нибудь цинику вроде кузена Майверса, живущему в лабиринте каменных лондонских улиц.

Мистер Майерс (*понемногу разгораясь*). Прежде чем погрузиться в трясину споров о преимуществах реалистического и идеалистического воспитания, мне кажется, надо решить, кого вы хотите сделать из Кенелма. Когда мне приходится заказывать обувь, я зараннее решаю, будут ли это лакированные туфли для придворного бала или прочные башмаки для прогулки, и я не прошу сапожника прочесть мне вводную лекцию о различных видах передвижения, для которых может быть использована кожа. Если вы желаете, сэр Питер, чтобы Кенелм сочинял чувствительные стишки, – послушайте пастора Джона, если вы желаете набить ему голову всяким пастушеским вздором о невинной любви, что может кончиться его женитьбой на дочери мельника, послушайте пастора Джона, если вы желаете, чтоб он вступил в жизнь слабоумным простофилей, который будет подписывать векселя, когда какой-нибудь молодой бездельник попросит поручиться за него, – послушайте пастора Джона. Словом, если вы желаете, чтобы способный малый вырос невинной горлинкой, легковверным простаком или сентиментальной бабой, – можете вполне довериться советам пастора Джона.

– Я вовсе не хочу сделать из своего сына что-нибудь в этом роде.

– Тогда не слушайте пастора Джона – и дело с концом.

– Нет. Ведь я еще не выслушал вашего совета, что же делать с Кенелмом, если считать советы Джона неприемлемыми?

Майверс колебался. Казалось, он был в замешательстве.

– Дело в том, – сказал пастор, – что Майверс всегда придерживается одного принципа, который проводит и в своей газете: находить недостатки во всем, что делается на свете, никогда не предлагая способов их искоренения.

– Это правда, – откровенно признался Майверс, – страсть к разрушению редко уживается со страстью к созиданию. Как «Лондонец», так и я сам в своей политике скорее разрушители. Мы можем превратить здание в мусор, но мы не беремся сделать из мусора здание. Мы критики и, как вы сами говорите, не такие дураки, чтобы компрометировать себя проектами преобразований, которые могут быть раскритикованы другими. Однако для вас, кузен Питер, – с условием, что вы не будете разглашать сказанного мною и что, приняв мой совет, никогда не будете упрекать меня, если дело обернется худо, как это бывает с большинством советов, я отступлю от своих правил и рискну высказать свое мнение.

– Принимаю ваши условия.

– Дело вот в чем. С каждым новым поколением рождается и система новых идей. Чем раньше человек проникнется идеями, которые будут оказывать влияние на людей его поколения, тем больше у него преимуществ в соревновании с современниками. Если Кенелм в шестнадцать лет понимает дух времени, а поступив в колледж, застанет там молодых людей восемнадцати или двадцати лет, которые только еще готовятся понять то же самое, он произведет необыкновенное впечатление глубиной рассуждений и знанием действительной жизни, а это впоследствии будет для него чрезвычайно важно. Идеи, – влияющие на молодое поколение, никогда не рождаются в среде людей этого поколения: они возникают в предшествующем поколении, обычно – как создание меньшинства, презираемого большинством, которое впоследствии все же проникается ими. Следовательно, шестнадцатилетний юноша, если он хочет постичь идеи эпохи, должен общаться с человеком высокого ума, в котором они зародились уже лет двадцать – тридцать назад. Поэтому я того мнения, что Кенелма надо поселить у человека, который может преподавать ему новые идеи. Я стою также за то, чтобы он в это время жил в столице. При наших обширных связях он может

познакомиться не только с новыми идеями, но и с выдающимися людьми разных профессий. Великое дело общаться с умными людьми – бессознательно заимствуешь их способ мышления. Есть еще другое преимущество, тоже немаловажное, когда рано начинаешь вращаться в хорошем обществе. Молодой человек научается светскому обращению, самообладанию, находчивости, он не так легко попадает впросак и меньше склонен к порокам и расточительности, если вступает в жизнь, уже приобретя вкус к обществу утонченному, под руководством людей, умеющих его для нас выбрать. Впрочем, я зашел слишком далеко. И вам надо как можно скорее согласиться с моим советом, потому что вы знаете, какой у меня противоречивый характер: вероятно, завтра я буду отрицать то, что высказал сегодня.

На сэра Питера убедительное красноречие кузена произвело сильное впечатление. Пастор молча курил свою пенковую трубку, и, когда сэр Питер предложил ему высказаться, он промолвил:

– Если это программа для воспитания джентльмена-христианина, то мне кажется, что христианину как таковому совсем не уделено внимания.

– В наш век, – невозмутимо ответил Майверс, – мало кто обращает внимание на эту сторону воспитания. Тенденция к светскому воспитанию возникла как естественная реакция на воспитание духовное, развивавшееся в атмосфере вражды одних церквей с другими. А поскольку враждебные стороны никогда не придут к соглашению, как именно следует внушать религиозные чувства, лучше вообще отказаться от всякого преподавания или же изъять религию из программ школьного обучения.

– Ваши принципы, может быть, и применимы в гигантском деле народного образования, – сказал сэр Питер, – но Кенелму, происходящему из рода, всегда принадлежавшего к государственной церкви, это не годится. Он должен воспитываться в вере своих предков без обиды для диссидентских церквей.

– А к какой, собственно, церкви он должен принадлежать? – спросил Майверс. – К высокой, низкой, умеренной, пьюзеитской, ритуалистической или какой-либо иной официальной церкви? Какая сейчас в моде?

– Ну, хватит! – сказал пастор. – Ваши насмешки неуместны. Вы прекрасно знаете, что одна из заслуг нашей церкви – ее веротерпимость: она не рассматривает малейшее отступление от общепринятого мнения как преступную ересь. Но если сэр Питер отдаст своего шестнадцатилетнего сына наставнику, в программу преподавания которого не входит религия, он заслуживает сурового наказания. И, – продолжал пастор, мрачно глядя на сэра Питера и машинально засучив рукава, – я, пожалуй, не отказался бы от удовольствия самому отколотить его.

– Потихоньку, Джон, – продолжал сэр Питер, отодвигаясь, – потихоньку, любезный родственник! Конечно, мой наследник не должен воспитываться как язычник. Майверс просто подшучивает над нами. Скажите, Майверс, есть ли среди ваших лондонских друзей человек ученый и светский, но настоящий христианин?

– Христианин – в смысле принадлежности к государственной церкви?

– Ну да.

– И который согласился бы взять Кенелма в качестве ученика?

– Разумеется, я задаю вам этот вопрос не из праздного любопытства.

– У меня есть уже на примете такой человек. Он первоначально готовил себя к духовному сану и поэтому обладает большими богословскими знаниями. Но, после скорпостижной смерти старшего брата, он получил в наследство небольшое поместье, бросил мысль о сане, приехал в Лондон и там дорогой ценой набрался опыта. Он, по натуре щедрый, легко поддавался обману, скоро запутался в долгах – и поместье отдали в опеку в пользу кредиторов, а ему стали выплачивать четыреста фунтов в год. К этому времени он уже был женат и имел двух детей. Нужда заставила его взяться за перо, и он вскоре сделался одним из самых

талантливых журналистов. Это – тонкий ученый, блестящий писатель, ему воздают должное многие общественные деятели. Он настоящий джентльмен и принимает в своем доме лучшее общество. Попад один раз в беду, он теперь никому не даст себя провести. Житейский опыт, в общем, достался ему не слишком дорого. Нет более остроумного и образованного светского человека. Триста фунтов в год, которые вы станете платить ему за Кенелма, придутся ему очень кстати. Зовут его Уэлби, и живет он на Честер-сквере.

– Без сомнения, сотрудник «Лондонца»! – саркастически заметил пастор.

– Да, это так. Он пишет нам статьи на классические, богословские и метафизические темы. Хотите, я дня на два приглашу его сюда? Вы увидите его, сэр Питер, и сможете сами судить о нем.

– Ну, что ж, я согласен.

Глава X

Уэлби приехал: и сразу всем понравился. Это был человек воспитанный, вежливый и приветливый. Он был лишен педантизма, однако каждый скоро убеждался, что Уэлби – весьма начитан и в некоторых областях его знания отличаются большой глубиной. Пастора он восхитил своими комментариями к Златоусту, сэра Питера ослепил познаниями о британских древностях, Кенелма пленил готовностью беседовать о самой спорной из наук, именуемой метафизикой. Большой успех имел он также у леди Чиллингли и трех сестер, которых пригласили, чтобы они могли познакомиться с ним. Зная толк и в романах и в «хороших книгах», он дал девицам список невинных сочинений обоего рода, а леди Чиллингли рассказал немало анекдотов из светской жизни, пересыпая их новейшими *bons mots*²⁸ и самыми последними сплетнями. Короче говоря, Уэлби был одним из тех блестящих людей, которые могут украсить своим присутствием любое общество. Человек с разочарованной душой, он, однако, умел скрыть свое разочарование под маской постоянно ровного и безмятежного состояния духа. Прежде он питал большие и небезосновательные надежды на блистательную карьеру богослова и проповедника; наследство, которое досталось ему, когда он достиг двадцати трех лет, изменило характер его честолюбия. Личность Уэлби была настолько обаятельна, что он сразу приобрел популярность в обществе и благодаря живому нраву быстро забыл о своих прежних стремлениях, довольствуясь успехом в свете и наслаждаясь жизнью.

Когда обстоятельства вынудили его извлекать доход из своих литературных дарований, он всецело посвятил себя сотрудничеству в газетах и журналах, отказавшись от всякой мысли о большом и серьезном научном труде, который мог занять слишком много времени, а выгоду дать небольшую. Его популярность в обществе оставалась неизменной, и, может быть, боязнь потерять лестную для него репутацию талантливого человека и была подлинной причиной того, что он не решался взяться за какое-нибудь капитальное сочинение. Он не презирал, как Майверс, всех и все на свете, но смотрел на людей и на их дела, как равнодушный зритель смотрит из окна гостиной на переполненные толпой, шумные улицы. Его нельзя было назвать *blase*²⁹, но он был совершенно *desillusionne*³⁰.

Когда-то он был настроен весьма романтически, но его характер так пропитался серыми тонами жизни, что романтизм стал даже оскорблять его вкус, как яркое пятно на темной ткани. В своих критических суждениях, поступках и образе мыслей он сделался настоящим реалистом.

Но пастор Джон ничего этого не замечал, потому что Уэлби терпеливо и без возражений выслушивал его похвалы идеалистическому воспитанию. Мистер Уэлби не любил спорить о частностях и только как критик обнаруживал задор и язвительную придирчивость, свойственную его саркастическому уму.

Пастор и сэр Питер учинили ему настоящий экзамен, касающийся его религиозных взглядов, и Уэлби с честью его выдержал. Но среди тумана богословской учености личное мнение мистера Уэлби как-то растворилось в высказываниях отцов церкви. На самом деле в вопросах религии он был таким же реалистом, как и во всем остальном, и на христианство смотрел как на одно из проявлений цивилизации, к которому следует относиться с должной почтительностью, как и к другим видам цивилизации: свободе печати, представительному политическому строю, обязательным белым галстукам и черным фракам на балах и т. п. Поэтому он причислял себя, по его собственному выражению, к «эклектическому христиан-

²⁸ Остротами (лат.).

²⁹ Пересыщенный (фр.).

³⁰ Разочарованный (фр.).

ству», приспособляя деистические доктрины к учению церкви, и, таким образом, создавал для себя если не особую веру, то некий личный религиозный устав.

В конце концов голоса всех Чиллингги были отданы в его пользу. Уезжая, он взял с собою Кенелма, с тем чтобы тот приобщался к новым идеям, которым предстояло владеть над его поколением.

Глава XI

Полтора года оставался Кенелм у этого выдающегося наставника. За это время он поглотил немало ученых книг и часто встречался со знаменитыми людьми – писателями, юристами и учеными. При всём этом он много бывал в свете.

Знатные дамы, подруги молодости его матери, ухватились за него, окружили вниманием, советами, ласками – особенно одна из них, маркиза Гленэлвон, которая питала к Кенелму неизменное чувство благодарности: ее младшего сына, товарища Кенелма по Мертонской школе, Кенелм как-то раз вытащил из воды. Бедный мальчик впоследствии умер от чахотки, и горе матери после утраты – ребенка еще более усиливало ее привязанность к Кенелму.

Леди Гленэлвон считалась одной из первых звезд лондонского светского общества. Ей шел уже пятидесятый год, но она была еще хороша собой, при этом прекрасно образована, умна и добра душой, какими изредка бывают светские дамы. Одна из тех женщин, которым нет равных в умении научить светскому обращению и возвысить характер молодых людей, призванных играть значительную роль в жизни. Леди Гленэлвон была очень недовольна собой, видя, что ей не удастся пробудить благородное честолюбие в наследнике рода Чиллингли.

Кенелм обладал весьма привлекательной наружностью. Он был высок и по-юношески строен. Пропорциональность его сложения скрывала исключительную физическую силу, основанную скорее на стойкости организма, нежели на развитии мышц. Хотя лицу его недовсоставало приятней юношеской округлости, оно, однако, не лишено было своеобразной, мрачной и суровой красе. Его черты нельзя было назвать правильными, но лицо поражало яркой оригинальностью, большими черными выразительными глазами и какой-то неуловимой смесью нежности и грусти в спокойной улыбке. Он никогда не смеялся громко, но хорошо понимал юмор, и это читалось в его взглядах. От него можно было услышать странные, неожиданные вещи, которые вызывали улыбку. Но если бы не лукавый блеск в глазах, он не мог бы произносить их с более невинным и серьезным видом, чем монах-траппист, когда, подняв голову над могилой, которую роет, он возглашает свое «*memento mori*»³¹.

В его лице было: что-то притягательное. Женщинам оно казалось полным романтического чувства. Они думали, что человек с таким лицом должен легко влюбляться и его любовь будет исполнена поэзии и страсти. Но он, как юный Ипполит, оставался равнодушен к женским чарам. Кенелм восхищал пастора тем, что продолжал свои атлетические занятия и даже сделался знаменит в школе бокса, которую аккуратно посещал, как и подобает лондонскому джентльмену.

Он приобрел много знакомств, но друзей у него все еще не было. А между тем все, с кем он сталкивался, неизменно чувствовали к нему симпатию. Хотя Кенелм и не отвечал взаимностью на эту симпатию, но и не отталкивал ее.

Голос его и манеры всегда отличались мягкостью, от отца он унаследовал все его невозмутимое спокойствие – дети и собаки инстинктивно привязывались к нему.

Расставшись с Уэлби, Кенелм явился в Кембридж, пропитанный новыми идеями, которые распускались, как молодые ростки. Он поражал других первокурсников, а иногда приводил в недоумение и самих профессоров колледжей Троицы и св. Иоанна.

При этом Кенелм все больше замыкался в себя, избегая общения со сверстниками. В самом деле, он был умен не по летам и после лучшего столичного общества не находил большой прелести в студенческих ужинах и попойках.

³¹ Помни о смерти (лат.).

Время от времени он оправдывал свою славу отличного боксера – чаще всего это случилось, когда какого-нибудь шуплого студента обижал здоровенный молодец. Тут мускульное христианство Кенелма проявляло себя в полном блеске. В академических занятиях он не особенно старался отличиться. Тем не менее одним из первых сдал выпускные экзамены, получил две университетские награды и хороший диплом, после чего вернулся домой еще более странным и угрюмым молодым человеком – словом, стал еще менее похож на других людей. Из нитей собственного сердца он соткал вокруг себя одиночество и притаился в нем, тихий и настороженный, как паук в паутине.

Благодаря ли природному темпераменту или воспитанию под эгидой таких наставников, как Майверс, для которого новые идеи означали полное пренебрежение ко всему старому, или Уэлби, который принимал рутину настоящего как реалистическую и презирал всякие пророчества будущего как идеалистические, – характерной чертой ума Кенелма стало спокойное безразличие ко всему. В нем трудно было обнаружить те стимулы, которые обычно побуждают человека к действию: тщеславие или честолюбие, жажду похвал или жажду власти. Для женского очарования он до сих пор был неуязвим. Сам не испытывал любви, он, однако, много читал о ней, и эта страсть казалась ему непонятым помрачением человеческого рассудка и бесславным отречением от невозмутимого спокойствия духа, необходимого мужчине.

Одна красноречивая книга в пользу безбрачия под названием «Приближение к ангелам», написанная выдающимся оксфордским ученым Децимусом Роучем, произвела на юношеский ум Кенелма такое сильное впечатление, что, будь он католиком, то непременно сделался бы монахом. Если у него и была склонность, то только к отвлеченной истине, то есть к тому, что он считал истиной. А так как то, что представляется истиной одному, непременно кажется ложью другому, это пристрастие влекло за собой ряд неудобств и даже опасностей, как читатель убедится из следующей главы.

В то же время, чтобы вернее оценить последующее поведение Кенелма, умоляю тебя, о чистосердечный читатель – хотя какой же читатель бывает чистосердечен! – умоляю тебя вспомнить, что Кенелм был переполнен новыми идеями, которые при столкновении с глубоким и враждебным потоком старых идей образуют сильные волны, подобные морскому прибою.

Глава XII

В Эксмондеме – большое торжество: праздновалось великое для мира событие, заключающееся в том, что Кенелм Чиллингли соблаговолил прожить в этом мире двадцать один год.

Молодой наследник произнес речь перед фермерами и другими лицами, допущенными к пиршеству, – речь, мало способствовавшую оживлению среди гостей. Он говорил уверенно и с полным самообладанием, удивительным в юноше, в первый раз обращавшемся к толпе. Но речь его была не из веселых.

Главный арендатор предложил тост за здоровье наследника, естественно упомянув о длинном ряде его предков. Гости неустанно восхваляли достоинства его отца как человека и землевладельца и предсказывали счастье и удачу будущей карьеры сына, основываясь отчасти на превосходных качествах его родителя, отчасти на его собственных успехах в университете.

Кенелм Чиллингли в своем ответе широко использовал новые идеи, которые должны были оказать влияние на подрастающее поколение и с которыми он так основательно ознакомился по газете Майверса и в беседах с Уэлби.

На вопросе о предках он останавливался недолго. Он заметил, что какой-нибудь род или династия может необычайно долго процветать в любом уголке мира, не выказывая умственных способностей выше тех, которые можно обнаружить в сменяющихся урожаях овощей.

– Совершенно верно, – сказал он, – что Чиллингли живут в этом месте на протяжении вот уже почти четверти всемирной истории, считая с того времени, когда, по мнению сэра Исаака Ньютона, произошел потоп. Но, насколько можно судить по летописям, свет не сделался от их существования ни умнее, ни лучше. Они рождались, чтобы есть, а когда больше не могли есть, умирали. Справедливость требует добавить, что в этом они были ничуть не хуже своих ближних. Ведь многие из нас, здесь присутствующих, – продолжал юный оратор, – родились только для того, чтобы умереть, и раз мы должны это признать, единственным утешением для нашей уязвленной гордости может быть лишь уверенность, что наше потомство едва ли обретет в мироздании большее значение, чем мы сами.

Покончив с этим философским взглядом на собственных предков в частности и человеческий род вообще, Кенелм Чиллингли дал ясный анализ похвал, расточаемых его отцу как человеку и землевладельцу.

– Как человек, – сказал он, – отец мой, без сомнения, заслуживает лучших слов, какие человек вообще может сказать о человеке. Но что такое человек, даже в самом лучшем его виде? Эмбрион, жалкий, борющийся за существование недоразвитый эмбрион, главное достижение которого заключается в смутном сознании того, что он всего лишь эмбрион и ничего не может сделать для своего усовершенствования, пока не перестанет быть человеком, то есть не сделается другим существом, приобретя другую форму существования. Можно хвалить собаку, потому что она законченное *ens*³², а не эмбрион. Но хвалить человека, забывая, что он, в сущности, не что иное, как эмбрион, из которого впоследствии выйдет совершенно иная форма, равно противно как библейской вере в современное несовершенство человека, так и психологическому и метафизическому изучению человеческого интеллекта, предназначенного, очевидно, для целей, каковые человеку не суждено осуществить, пока он остается человеком. Не подлежит сомнению, что мой отец такой же несовершенный эмбрион, как и все присутствующие, и, подумав, вы, конечно, скажете, что это очень мало

³² Сущее (лат.).

говорит в его пользу. Даже если взять хваленое физическое сложение человека, то, как вам известно, и самый совершенный из нас, согласно последним научным данным, не что иное, как потомок какого-нибудь отвратительного волосатого животного, вроде гориллы, которая, в свою очередь, произошла от мелкого морского животного, напоминающего двугорлую бутылку. И вернее всего, что рано или поздно мы все будем истреблены в процессе смены видов.

Что же касается заслуг, приписываемых моему отцу как землевладельцу, я положительно не могу согласиться с панегириками, которые вы ему так необдуманно расточаете. Всякий здравомыслящий человек должен согласиться с тем, что первая обязанность землевладельца думать не только о своих арендаторах, но и о всей нации вообще. Он обязан заботиться о том, чтобы его земля давала обществу как можно больше. Для этого землевладелец должен отдавать свои фермы с торгов, добиваясь самой высокой ренты, какую только он может получить от разумных арендаторов. В наше время передовой метод соревнования в ходу даже среди людей, профессия и компетентность которых не поддаются обычной проверке. К счастью, в земледелии принцип соревнования для отбора лучших людей встречается меньше затруднений, чем хотя бы в дипломатии, где, например, Талейрана могли бы отстранить за то, что он не знал иностранных языков, а тем более в армии, где нельзя было бы дать высший чин такому офицеру, как Марлборо, который не умел грамотно писать. Но в области земледелия – другое дело. Землевладельцу нужно только узнать, кто может дать большую плату, у кого капитал солиднее и кто беспрекословно станет подчиняться всем строгостям закона о соблюдении контрактов, составленного самыми учеными агрономами. Следуя этим правилам, рекомендуемым либеральнейшими экономистами нашего века, среди которых некоторые до того либеральны, что вовсе отрицают право собственности на землю, – следуя этим мудрым правилам, говорю я, землевладелец исполняет свой долг перед родиной. Он привлекает арендаторов, которые с помощью своих капиталов могут доставить обществу больше продуктов, что можно проверить, заглянув в их текущие счета в банках и учтя обеспечения, которые они могут дать. Об этом же свидетельствует строгость арендных условий, разработанных Либихом и впоследствии возведенных Читти в закон. Но на земле моего отца сидит множество арендаторов с малыми сельскохозяйственными знаниями и с еще меньшими капиталами, не знающих Либиха и страшщихся Читти, и никакая сыновняя любовь не может заставить меня сказать по совести, что мой отец хороший землевладелец. Свои симпатии к отдельным людям он поставил над долгом перед обществом. Вопрос, друзья мои, идет вовсе не о том, попадет или не попадет горсть таких арендаторов, как вы, в рабочий дом. Вопрос идет о потребителе. Производите ли вы максимальное количество зерна для потребителя?

– При всем моем уважении к самому себе, – продолжал оратор, все больше горячась, а холод, которым от него веяло, замораживал его слушателей, – при всем уважении к самому себе, я не отрицаю, что благодаря весьма несовершенной и чрезмерно сжатой образовательной программе я получил то, что в Кембриджском университете называется отличиями, но вы не должны рассматривать этот факт как залог моих успехов в жизни. Некоторые совершенно никчемные люди, особенно узколобые и ханжи, достигают в университете еще гораздо больших отличий, чем те, что достались на мою долю.

Тем не менее я благодарю вас за все те вежливые слова, которые вы сказали по моему адресу и по адресу моей семьи, но я постараюсь пройти свой путь до могилы, неизбежной для всех нас, со спокойным равнодушием к тому, что люди будут говорить обо мне во время такого короткого пути. Чем скорее, друзья мои, дойдем мы до конца нашего земного странствования, тем легче нам будет избежать неприятностей, огорчений, грехов и болезней. И, когда я пью за ваше здоровье, вы должны понять, что в действительности я желаю вам скорейшего освобождения от тех зол и бед, которым подвержена наша плоть и которые

с годами все усугубляются, так как в старости, при упадке сил и способностей, едва ли приходится говорить о добром здоровье. За ваше здоровье, джентльмены!

Глава XIII

На другой день после праздничного ликования сэр Питер и леди Чиллингги держали долгий совет по поводу странностей своего наследника, придумывая способ заставить его глядеть на мир более оптимистически или по крайней мере поменьше выказывать столь непопулярные чувства, хотя бы и согласные – сэр и леди Чиллингги, разумеется, не говорили этого прямо – с новыми идеями, которым предстояло управлять веком. Придя наконец к некоему решению по этому щекотливому предмету, они рука об руку пошли искать сына. Кенелм редко завтракал с ними. Он вставал рано и обычно долго бродил в одиночестве, прежде чем его родители поднимались с постели.

Достойная чета нашла Кенелма на берегу ручья, извивавшегося по парку Эксмондема. Забросив удочку, Кенелм сидел, сладко позевывая и, очевидно, находя в этом своеобразное облегчение.

– Ты любишь ловить рыбу, мой мальчик? – дружелюбно обратился к нему сэр Питер.

– Ничуть, – ответил Кенелм.

– Так почему же ты удишь? – спросила леди Чиллингги.

– Потому что я не знаю ничего другого, что нравилось бы мне больше. Ах, вот оно что! – сказал сэр Питер. – Дорогая моя, весь секрет странностей Кенелма заключен в этих словах: ему нужно развлечение. Вольтер справедливо говорит: «Развлечение есть одна из потребностей человека». И если Кенелм станет развлекаться, как все другие молодые люди, он, естественно, перестанет от них отличаться.

– В таком случае, – серьезно сказал Кенелм, вытаскивая из воды маленькую, но юркую форель, угодившую прямо на колени леди Чиллингги, – в таком случае я предпочитаю вовсе не иметь развлечений. Меня не интересуют нелепые поступки других. Инстинкт самосохранения принуждает меня интересоваться своими собственными.

– Кенелм! – воскликнула леди Чиллингги с волнением, которое она вообще обнаруживала очень редко. – Сейчас же убери прочь эту мокрую гадость! Положи удочку и слушай, что говорит тебе отец. Твое странное поведение внушает нам серьезное беспокойство.

Кенелм снял форель с крючка, положил ее в корзинку и, подняв на отца свои большие глаза, сказал:

– Что же в моем, поведении вызывает ваше неудовольствие?

– Не неудовольствие, Кенелм, – ласково поправил его сэр Питер, – а, именно беспокойство: твоя мать выразилась совершенно точно. Видишь ли, дорогой мой, я хочу, чтобы ты отличился в какой-либо области. Ты можешь быть представителем графства, как твои предки. Я ожидал вчерашнего праздника, как прекрасного случая представить тебя твоим будущим избирателям. Ораторское дарование очень ценится в свободной стране – почему бы тебе не быть оратором? Демосфен говорит: дикция, дикция и дикция составляет ораторское искусство. А ты говоришь ясно, изящно, классически просто.

– Извини, дорогой отец! Демосфен говорит не о манере произнесения речи или выступлении в обычном смысле этого слова, а об актерском выступлении *υποκρισία*³³, об искусстве произносить притворные речи, отсюда происходит у нас слово «лицемерие»³⁴. Лицемерие, лицемерие и лицемерие! Вот, по мнению Демосфена, три тайны искусства оратора. Неужели ты хочешь, чтобы я стал трижды лицемером?

– Кенелм, мне стыдно за тебя. Ты прекрасно знаешь, что только посредством метафоры можно придать слову великого афинянина такой смысл. Но если согласиться с тобой

³³ Лицемерии (греч.).

³⁴ По-английски – *hypocrisy*.

в том, что искусство оратора означает не произнесение речи, а выступление, то есть исполнение роли, мне станет понятным, почему твой ораторский дебют не был успешен. Ты произнес речь превосходно, но играл роль неудовлетворительно. Оратор должен нравиться, примирять, убеждать, располагать к себе. Ты же поступил как раз наоборот, и хотя ты произвел большое впечатление, оно настолько не в твою пользу, что теперь ты провалился бы на любых выборах в Англии.

– Не знаю, верно ли я тебя понял, дорогой отец, – сказал Кенелм таким грустным и сострадательным тоном, каким благочестивый служитель церкви выговаривает какому-нибудь отпетому седовласому грешнику, – но неужели ты советуешь своему сыну умышленно лгать из личной выгоды?

– Умышленно лгать? Ах ты дерзкий щенок!

– Щенок? – задумчиво, без малейшего негодования повторил Кенелм. – Щенок? Что ж, породистый щенок обычно походит на своих родителей.

Сэр Питер расхохотался.

Леди Чиллингли с достоинством встала, отряхнула платье, раскрыла зонтик и удалилась, не сказав ни слова.

– Послушай, Кенелм, – сказал сэр Питер, когда успокоился, – твои увертки и смешные выходки могут забавлять такого чудака, как я, но для светской жизни они не годятся. И каким образом в твои юные годы, когда тебе посчастливилось вращаться в самом просвещенном обществе и пользоваться руководством наставника, знакомого со всеми новейшими идеями, которым суждено влиять на труды государственных деятелей, – каким образом ты мог произнести такую глупую речь – я совершенно не понимаю.

– Дорогой отец, позволь мне уверить тебя, что идеи, которые я развивал в своей речи, и есть те новейшие и популярнейшие, о которых ты говоришь. Только обычно они звучат еще проще, или, вернее сказать, еще глупее, чем это вышло у меня. Ими питают общественное мнение «Лондонец» и подобные ему газеты самого либерального направления, предназначенные для развития умов.

– Кенелм, Кенелм, да ведь такие идеи способны перевернуть вверх дном весь свет!

– Новые идеи всегда переворачивают вверх дном старые. И сам мир в конце концов не что иное, как идея, переворачивающаяся вверх дном с каждым столетием.

– Из-за тебя я, кажется, скоро возненавижу слово «идея». Брось метафизику и изучай реальную жизнь.

– Именно реальную жизнь я и изучал под руководством мистера Уэлби. Он провозвестник реализма. Ты же предлагаешь мне изучать притворную, фальшивую жизнь. Что ж, я готов, если это доставит тебе удовольствие. В сущности, это должно быть очень приятно. Реальная жизнь не очень-то весела; скажем прямо, она – прескучная штука.

И Кенелм снова зевнул.

– Неужели у тебя нет друзей среди университетских товарищей?

– Друзей? Безусловно, нет. Но полагаю, что у меня есть враги, которые, по правде говоря, ничем не хуже друзей, только они не причиняют такой боли.

– Ты хочешь сказать, что был в Кембридже совершенно одинок?

– Нет, почему же, в мою жизнь много вносил Аристофан и кое-что конические сечения и гидростатика.

– Античные авторы и научные книги? Сухая компания!

– По крайней мере невинней любителей выпить. Скажи, ты когда-нибудь бывал пьян?

– Пьян?

– Я пробовал однажды напиться в компании молодых товарищей, которых ты рекомендуешь мне в друзья. Мне это плохо удалось. На другой день я проснулся с головной болью. Университетская жизнь вообще способствует головной боли.

– Кенелм, мой мальчик, для меня ясно одно: ты должен отправиться путешествовать.

– Как тебе угодно, отец. Марк Антоний говорит, что для камня все равно, бросают его вверх или вниз. Когда же я должен отправиться в путь?

– Очень скоро. Разумеется, необходимы кое-какие приготовления – прежде всего тебе нужен спутник. Я не говорю: гувернер – ты слишком умен да уже и не в том возрасте, чтобы нуждаться в гувернере, – но кто-нибудь твоих лет, приятный, разумный и благовоспитанный.

– Моих лет? А что, лицо это будет мужского или женского пола?

Сэр Питер попытался нахмурить брови, но мог только произнести с важным видом:

– Женского! Если я сказал, что ты уже вырос для гувернера, то это потому, что до сих пор ты, по-видимому, мало поддавался женским чарам. Могу я узнать, включил ли ты в свои научные занятия предмет, которым не овладел вполне еще ни один мужчина – изучение женщины?

– Да, конечно. Ты ничего не имеешь против, если я поймаю еще одну форель?

– Бог с ней, с твоей форелью! Итак, ты изучал женщин. По правде говоря, я этого не предполагал. Где же и когда ты постигал эту отрасль науки?

– Когда? С десяти лет. Прежде всего в своем собственном доме, а потом в колледже. Тише: кажется, клюнула! – И еще одна форель, покинув родную стихию, прыгнула прямо на нос сэру Питеру, откуда была торжественно препровождена в корзинку.

– С десяти лет, в моем доме? Это, должно быть, вертихвостка Джейн, младшая горничная...

– Джейн? Нет, сэр: Памела, мисс Байрон, Кларисса – все женщины Ричардсона, которые, по словам Джонсона, «заставляли страсти подчиняться велениям добродетели». Надеюсь, что утверждение Джонсона не ошибочно, ибо я нашел всех этих женщин в твоих личных комнатах.

– Вот как! – сказал сэр Питер. – Только и всего.

– Все, что я помню из того времени, когда мне было десять лет, ответил Кенелм.

– А у мистера Уэлби или в колледже, – робко продолжал сэр Питер, – твое знакомство с женщинами было такого же рода?

Кенелм покачал головой.

– Гораздо хуже. В колледже женщины были совсем испорченные.

– Еще бы, когда такое множество молодых людей гонялось за ними!

– Очень немногие гонялись за женщинами, о которых я говорю, их скорее избегали.

– Тем лучше.

– Нет, отец, тем хуже; без близкого знакомства с этими женщинами нечего и поступать в колледж.

– Выражайся яснее.

– Всякий получающий классическое образование волей-неволей знакомится с их обществом: Пиррой, Лидией, Гликерой, Коринкой и многими в таком же роде. Ну, а потом – что ты скажешь о женщинах Аристофана?

– Что ж, ты водил знакомство только с женщинами, которые жили две или три тысячи лет назад, а может, никогда и не жили? Неужели тебе никогда не случалось увлекаться подлинной женщиной?

– Подлинной женщиной? Я никогда не встречал такой, никогда не встречал женщины, которая не притворялась бы с той самой минуты, как ей велели быть пайнкой, скрывать чувства и лгать – если не словами, то лицом. Но раз я должен изучать фальшивую жизнь, конечно, мне придется познакомиться и с фальшивыми женщинами.

– Уж не было ли у тебя несчастной любви, что ты с такой горечью отзываешься о прекрасном поле?

– С горечью? Почему же! Спроси любую женщину, и она под присягой признает, да еще с гордостью, что всегда была, есть и будет притворщицей.

– Я рад, что мать не слышит тебя. Но ты скоро станешь думать иначе. А пока перейдем к другому делу. Нет ли молодого человека нашего круга, с которым тебе приятие было бы путешествовать?

– Конечно, нет, я ненавижу ссоры.

– Как хочешь. Но тебе нельзя ехать совсем одному. Надо подыскать для тебя хорошего слугу. Сегодня же напишу в Лондон о твоём отъезде, и, надеюсь, через неделю все будет готово. Что касается денег на расходы, сам укажи сумму: ты никогда не был расточителен, и... мальчик мой, я тебя люблю! Забавляйся, веселись и возвращайся, излечившись от странностей, но сохранив честь.

Сэр Питер наклонился и поцеловал сына в лоб. Кенелм был растроган. Он встал, обнял отца и с нежностью тихо сказал:

– Если я когда-нибудь почувствую искушение поступить низко, мне стоит только вспомнить, чей я сын, и я буду спасен.

Он снял руку с плеча отца и пошел один вдоль ручья, забыв об удочке.

Глава XIV

Молодой человек продолжал идти по берегу ручья, пока не дошел до конца парка. Там, на травяном бугре, один из прежних владельцев Эксмондема, который был большим любителем наблюдать людей, выстроил нечто вроде бельведера, откуда открывался приятный вид на большую дорогу внизу.

Наследник Чиллингги машинально поднялся на бугор, вошел в беседку и сел там, задумчиво подперев рукой подбородок. Беседку эту редко удостаивал своим посещением человек – ее всегдашними обитателями были пауки. Здесь поселилась целая колония этих трудолюбивых созданий. Паутина, почерневшая от пыли и украшенная крылышками, лапками и остовами многих незадачливых воздушных путников, густо покрывала углы и подоконники, фестонами свисала с шаткого стола, о который облокотился молодой человек, и чертила круги и ромбы между проломанными спинками стульев весьма почтенного возраста.

Один большой черный паук, вероятно, старейший обитатель бельведера и поэтому завладевший лучшим местом у окна, всегда наготове предложить вероломный прием всякому крылатому гостю, которому захотелось бы свернуть с большой дороги ради прохлады и отдыха, – при появлении Кенелма вылез из каких то недр и замер неподвижно в центре своего плетения, уставившись на пришельца. По-видимому, он размышлял, так ли уж велик этот странный незнакомец.

«Вот чудесное доказательство мудрости провидения, – подумал Кенелм. Когда множество существ соединяются в общество или класс, сейчас же тайный дух несогласия вкрадывается в сердца членов этого общества, мешая им действовать дружно и успешно на общую пользу. „Блохи, действуя единодушно, могли бы стащить меня с постели“, – сказал знаменитый Каррен, и если б все пауки, этой республики соединились и разом напали на меня, я, несомненно, пал бы жертвой их общих усилий. Но пауки, хотя живут они в одном месте, принадлежат к одной породе и наделены одними инстинктами, никогда не объединяются даже для того, чтобы напасть на бабочку: каждый ищет своей собственной выгоды, мало думая об обществе. И до чего же жизнь каждого существа похожа на круг в том отношении, что может касаться другой только в одной точке! Нет, я сомневаюсь, касается ли она другой жизни даже в одной точке, – ведь между атомами и то есть пространство, и притом всякое я эгоистично».

Тут одинокий оратор, высунувшись из окна, стал смотреть на дорогу. Это было прекрасное шоссе, прямое, и ровное, всегда содержавшееся в порядке, что достигалось с помощью подорожных сборов, которые взимались на заставах через каждые восемь миль. Дорога с обеих сторон была красиво обложена дерном, а у подножия бугра, на котором стояла беседка, какой-то доброжелательный Чиллингги в средние века устроил небольшой фонтан для усталых путников.

Возле фонтана, под тенью огромной ивы, стояла грубая каменная скамья, возвышавшаяся над обширным пространством хлебных полей, лугов, отдаленных пригорков, таявших в мягких лучах летнего солнца. По дороге двигалась телега с людьми, сидевшими прямо на соломе: старуха, хорошенькая девушка, двое детей. Проехал дюжий фермер, отправлявшийся на рынок в своем шарабане. За ним три одноколки везли пассажиров на ближайшую станцию железной дороги, а дальше ехал верхом красивый молодой человек, рядом с ним гарцевала изящная молодая девушка, а позади – слуга. Легко было догадаться, что молодой человек и девушка – влюбленная пара. Это было видно по его пламенным взглядам и по тому, как он нашептывал что-то, явно предназначавшееся ей одной, судя по ее потупленным взорам и густому румянцу.

– Увы, они не задумываются о своей судьбе! – прошептал Кенелм. Сколько бед и волнений эти маленькие жертвы готовят себе и своему потомству! Если б я мог ссудить им «Приближение к ангелам» Децимуса Роуча!

На несколько минут дорога опустела и затихла, потом откуда-то справа послышалась бодрая песенка, которую не то пел, не то декламировал звучный голос с необыкновенно четким произношением, благодаря чему до Кенелма долетели все слова:

Черный Карл отодвинул тяжелый засов,
Глянул он на зеленый лес.
По тропинке к нему – впереди свора псов
Ехал рыцарь фон Ниренштейн.
Пел он, пел он, весело пел он...
Так тропинкой к нему – впереди свора псов
Ехал рыцарь фон Ниренштейн³⁵

Кенелм затаил дыхание, прислушиваясь к этому голосу, кто-то пел по-английски, но на немецкий лад. Взглянув на дорогу, он увидел вышедшую из-под тени буков, нависших над оградой парка, фигуру? не совсем вязавшуюся с представлением о рыцаре Ниренштейне, но все же довольно живописную. На человеке этом было поношенное платье из ярко-зеленого сукна, высокая тирольская шляпа, сумка за плечами, а возле него бежал белый шпиц, очевидно с больными ногами, но прилагавший все силы, чтобы перегнать хозяйина хоть на несколько шагов; по дороге он даже успевал обнюхать все изгороди в поисках крыс, мышей и прочей мелкой дичи.

К тому времени, как путник довел припев до конца, он поравнялся с фонтаном и приветствовал его радостным восклицанием. Спустив сумку с плеча, он наполнил водой железный ковш, привязанный рядом, потом кликнул собаку, которую называл Максом, и протянул ей ковш. Только после того, как собака утолила жажду, напился и ее хозяин. Потом, сняв шляпу и смочив виски и лицо, он сел на скамейку, а шпиц лег на траву у его ног.

После некоторого молчания путник опять затянул припев, но теперь он пел тише и медленнее, короткими отрывками, добавляя к стиху новую строфу. Было видно, что он старался либо припомнить, либо просто сочинить продолжение и скорее всего был занят последней, более трудной задачей.

«Ты скажи, рыцарь Карл, почему ты пешком,
А не на сером коне?»
– «Серый конь», гм, «на сером коме»...
«Лихая беда заглянула в мой дом
И коня не оставила мне!»

– Ну, так сойдет, прекрасно!

– Нечего сказать «прекрасно»! Не очень-то он привередлив! – пробормотал Кенелм. – Все же такие путники не каждый день проходят по большой дороге. Пойду поболтаю!

Он тихо вылез в окно, спустился с бугра, вышел через скрытую зеленью калитку на дорогу и незаметно стал возле путника под раскидистой ивой.

Незнакомец умолк. Может быть, ему надоело сплетать рифмы, а может быть, сам этот процесс нагнал на него то мечтательное настроение, которое так свойственно всем поэтам.

³⁵ Здесь и далее стихотворные переводы Д. Горфинкеля.

Но красота ландшафта привлекла его внимание, и он залюбовался лесом и полями, уходящими все дальше и дальше к цепи холмов, на которых как бы покоилось небо.

– Мне хотелось бы услышать всю немецкую балладу, – неожиданно прозвенел в тишине голос Кенелма.

Путник вздрогнул и обернулся. Кенелм увидел мужчину в полном расцвете сил, с кудрями и бородой темно-каштанового цвета, с блестящими голубыми глазами и каким-то особым, неизъяснимым очарованием и в чертах и в выражении лица, приветливого и чистосердечного, не лишенного благородства и внушавшего невольное уважение.

– Прошу извинения, что прервал вас, – сказал Кенелм, приподнимая шляпу, – но я слышал, как вы пели, и хотя похоже, что стихи с немецкого, я не помню, чтобы мне приходилось читать что-либо подобное у тех известных немецких поэтов, которых я знаю.

– Это не перевод с немецкого, сэр, – возразил незнакомец. – Я просто пытался в стихах выразить некоторые свои мысли и настроения, навеянные этим прекрасным утром.

– Стало быть, вы поэт? – сказал Кенелм, присаживаясь на скамью.

– Я не смею называть себя поэтом, – я только стихотворец.

– Да, сэр, я согласен, тут есть различие. Многие современные поэты, которых считают первоклассными, в сущности чрезвычайно плохие стихотворцы. Со своей стороны, я охотней признал бы их хорошими поэтами, если б они вовсе не сочиняли стихов. Ну, а конец вашей баллады, услышу я его?

– Увы, конец баллады еще не придуман! Содержание ее довольно сложное, а порывы моего вдохновения непродолжительны.

– Что ж, это говорит в их пользу – хотя бы тем, что выгодно отличает вашу поэзию от той, которая теперь в моде. Вы, кажется, нездешний. Могу я спросить, куда вы держите путь с вашей собакой?

– Сейчас у меня свободное время, и я намереваюсь пробродить все лето. Я иду далеко, буду странствовать до сентября. Жизнь среди летних полей чудесное препровождение времени.

– В самом деле? – наивным тоном спросил Кенелм. – А мне сдается, что еще задолго до сентября вам успеют надоест и поля, и ваш пес, и вы сами. Хотя, конечно, у вас еще кое-что в запасе – вы будете сочинять стихи, что говорят, очень приятно и увлекательно для тех, кто этим занимался, начиная с нашего старого друга Горация, который во время своих летних прогулок по прорезанным ручьями рощам Тибра превращал тяжеловесные алкеевы строфы в сладчайший мед, и до кардинала Ришелье, любившего на досуге, когда не нужно было рубить головы вельможам, развлечься невинным рифмоплетством. Неважно, хороши или плохи стихи, если дело идет лишь о том удовольствии, которое они доставляют автору. Ришелье так же наслаждался своим творчеством, как Гораций – своим, хотя виршам Ришелье далеко до Горациевых стихов.

– Конечно, в ваши годы, сэр, и при вашей очевидной образованности...

– Скажите – «культуре»: это слово теперь в моде.

– Ну хорошо, при вашей очевидной культуре, вы, должно быть, писали стихи?

– Латинские – да, а случалось – и греческие. Мне приходилось сочинять их в школе, но это меня мало занимало.

– Попробуйте писать английские.

Кенелм покачал головой.

– Нет, не стоит. Всяк сверчок знай свой шесток.

– Ну хорошо, оставим стихотворство. Но не находите ли вы радость в одиноких летних прогулках, когда вся природа принадлежит вам одному? Разве не наслаждение примечать все быстрые, мимолетные перемены на ее лице: ее смех, улыбку, слезы, даже угрюмость?

– Если под природой понимать лишь совокупность происходящих вне нас механических явлений, я возражал бы против применения к ней таких выражений, какие мы употребляем, говоря о женщине: ее смех, ее улыбка и прочее. С таким же основанием можно говорить о смехе и улыбке паровой Машины. Но не будем вдаваться в крайности. Я согласен, что уединенные прогулки в прекрасную погоду, среди меняющегося ландшафта могут доставить некоторое удовольствие. Вы говорите, что у вас сейчас свободное время. Следовательно, можно предположить, что у вас есть какое-нибудь постоянное занятие, которому вы посвящаете то время, когда вы не на отдыхе?

– Да, я не совсем бездельник. Иногда я работаю, хотя и не так прилежно, как следовало бы. «Жизнь серьезна», – говорит поэт. Но, кажется, мы с собакой, достаточно отдохнули, а так как нам предстоит еще долгий путь, я должен проститься с вами.

– Боюсь, – сказал Кенелм серьезным и кротким тоном, к которому он иногда прибегал и который, заметно отличаясь от общепринятой условной вежливости, не был лишен своеобразной привлекательности, – боюсь, что оскорбил вас своим вопросом. Он мог показаться вам любопытством, а может быть, даже бестактностью. Примите мои извинения – я редко встречался с интересными людьми, вы были приятным исключением.

Говоря это, Кенелм протянул путнику руку, которую тот сердечно пожал.

– Я был бы просто грубияном, если бы обиделся на ваш вопрос. И, может быть, это я покажусь вам дерзким, если, как старший, осмелюсь предложить вам совет. Не презирайте природу и не смотрите на нее как на паровую машину: вы найдете в ней весьма приятного и общительного друга, если захотите познакомиться поближе. А для этого, раз вы молоды и сильны, нужно только одно: перекинуть сумку через плечо и сделаться таким же странником, как я.

– Благодарю вас за совет, и, надеюсь, мы еще встретимся и вновь поделимся мыслями о предмете, который вы называете природой, предмете, на который наука и искусство смотрят разными глазами. Если, по мнению художника, природа имеет душу, почему же не иметь ее и паровой машине? Искусство наделяет душой всякий материальный предмет, который оно созерцает, наука превращает все уже одаренное душой в материю. Прощайте, сэр!

Тут Кенелм быстро повернул назад, а путник безмолвно и задумчиво пошел своей дорогой.

Глава XV

Под сенью старых деревьев, посаженных его далекими предками, Кенелм медленно возвращался домой. Путь по зеленым лужайкам, по берегу журчащего ручья, казалось, был гораздо приятнее и мог внушать более спокойные мысли, чем пыльная дорога, по которой теперь плелся оставленный им путник. Но человек, склонный к мечтательности, сам рисует себе пейзажи и по-своему окрашивает небеса.

«Давно мною владеет странное стремление, – рассуждал сам с собой Кенелм Чиллингли, – отрешиться от своего я, влезть, так сказать, в шкуру другого человека, немного обновить свои мысли и чувства. Свое я всегда остается своим я, вот почему мне так часто приходится зевать. Но если я не могу влезть в шкуру другого человека, мне остается только попробовать сделаться так непохожим на самого себя, как это только возможно. Посмотрим, что же такое мое я. Я – Кенелм Чиллингли, сын и наследник богатого джентльмена. Но человек с дорожной сумкой за плечами, ночующий в придорожных гостиницах, вовсе непохож на Кенелма Чиллингли, особенно, если у него пусто в кармане и не всегда хватает на обед. Может быть, такой человек ярче воспринимает жизнь – ведь скучнее моего взгляда на жизнь и быть не может. Ну, мое я, мужайся: мы с тобой испробуем этот способ!»

Все заметили, что в следующие два дня Кенелм был необыкновенно любезен. Он зевал реже обыкновенного, гулял с отцом, играл в пикет с матерью и казался более похожим на других людей. Сэр Питер был в восторге. Он приписывал эту счастливую перемену своим приготовлениям к предстоящему путешествию Кенелма, Гордый отец деятельно переписывался со своими знатными лондонскими друзьями и просил у них рекомендательных писем для Кенелма ко всем европейским дворам. Были заказаны чемоданы со всякими новейшими усовершенствованиями. Уже договаривались с опытным лакеем, знающим чуть ли не все иностранные языки и даже умеющим готовить французские кушанья. Словом, все, что требовалось для вступления молодого патриция в большой свет, уже было сделано, как вдруг Кенелм Чиллингли исчез, оставив на столе в библиотеке следующее письмо к сэру Питеру:

«Дорогой отец!

Повинуясь твоему желанию, я отправляюсь на поиски подлинной жизни и подлинных людей или по крайней мере лучшей их имитации. Умоляю тебя, прости, что я начинаю эти поиски по-своему. Я достаточно насмотрелся на леди и джентльменов – они должны быть очень схожи во всех частях света. Ты желаешь, чтобы мне было весело. Я попытаюсь выяснить, возможно ли это. Леди и джентльмены меня не забавляют, и чем более они типичны, тем скучнее мне кажутся. Дорогой отец, я отправляюсь искать приключений, как Амадис Галльский, Дон Кихот, Жиль Блаз, Родерик Рэндом, словом, как единственные люди, искавшие подлинной жизни, люди, существовавшие только в книгах. Я отправляюсь пешком, я отправляюсь один. Я взял больше денег, чем следовало бы мне тратить, потому что каждый человек должен приобрести опыт, который на первых порах обходится недешево. В общем, я положил в бумажник пятьдесят фунтов, а в кошелек – пять соверенов и семнадцать шиллингов. Этой суммы по-настоящему должно бы хватить мне на год, но я, наверно, по неопытности спущу ее в один месяц, так что ее совсем не стоит принимать во внимание. Раз ты предложил мне самому назначить себе содержание, я очень прошу тебя сегодня же отдать распоряжение твоему банкиру выплачивать по моим чекам пять фунтов в месяц, то есть шестьдесят в год. С этими деньгами я с голоду не умру, а если мне понадобится

больше, для меня будет только приятным развлечением самому заработать их. Пожалуйста, не посылай за мной погоню, не устраивай розысков, не тревожь домашних, не возбуждай толков соседей, упоминая о моем плане или о своем удивлении. Я непременно время от времени буду вам писать.

Придумай сам, что сказать моей милой матушке. Если ты скажешь ей правду, – как, разумеется, сделал бы я, если бы говорил с ней сам, – моя просьба окажется тщетной, и я стану предметом пересудов всего графства. Но ты, я знаю, не считаешь ложь безнравственной, когда она удобна, как в настоящем случае.

Я рассчитываю быть в отсуствии год или полтора, а если продолжу свое путешествие, то уже таким способом, какой предложил ты. Тогда я займу свое место в „лучшем“ обществе, попрошу тебя уплатить мои издержки и стану лгать, как этого требует фальшивый свет, населенный иллюзиями и управляемый притворством.

Будь счастлив, дорогой отец. И знай: если я попаду в беду и буду нуждаться в друге, ты будешь первым, к кому я обращусь. Пока у меня нет на свете других друзей, а при осторожности и удаче я надеюсь избежать такой неприятности, как появление нового друга.

Любящий тебя Кенелм.

Р. S. Милый отец, я распечатаваю письмо, чтобы еще раз пожелать тебе счастья и сказать, с какой любовью расцеловал я твои старые меховые перчатки, которые нашел на столе».

Когда сэр Питер дошел до этой приписки, он снял очки и вытер их: они были влажны.

Потом он погрузился в глубокие размышления. Я говорил, что сэр Питер был человек ученый, кроме того, человек неглупый, от души сочувствовавший многим странностям сына.

Что сказать леди Чиллингли? Эта достойная женщина не сделала ничего такого, за что ее следовало бы лишиться доверия мужа – особенно в том, что касалось ее единственного сына. Она была добродетельной, отличалась безукоризненной нравственностью и манерами, преисполненными достоинствами, настоящая супруга баронета. Всякий, увидевший ее в первый раз, назвал бы ее «ваша милость». Заслужила ли эта почтенная особа, чтобы ею пренебрегали в упорядоченном семейном кругу? Совесть сэра Питера громко ответила: «нет», но, когда, положив совесть в карман, сэр Питер рассмотрел этот вопрос с точки зрения светского человека, он почувствовал, что сообщить леди Чиллингли содержание письма сына будет с его стороны величайшей глупостью. Если б она узнала, что Кенелм скрылся, позоря этим семейное имя, никакая супружеская власть, кроме разве такого жестокого злоупотребления этой властью, как отлучение от общего стола и супружеского ложа, не могла бы помешать леди Чиллингли созвать конюхов, разослать их во все стороны со строгим приказом доставить беглеца живым или мертвым, прибить к стенам объявления: «Скрылся из дома...» – и прочее. Полиция наводила бы по телеграфу справки во всех городах, и эта огласка потом преследовала бы Кенелма Чиллингли всю жизнь неопределенными намеками на преступные наклонности и помешательство. На него вечно указывали бы как на «человека, который пропадал». А ничего не может быть неприятнее, как пропасть и опять появиться, вместо того чтобы оказаться убитым. Все газеты напустились бы на него, Трей, Бланш и Милка именем общественной благопристойности потребовали бы исчерпывающих объяснений, почему он цел и вернулся, но никаких объяснений не приняли бы: жизнь, может быть, и спасена, но репутация потеряна.

Сэр Питер схватил шляпу, но не затем, чтобы решить – лгать или не лгать подруге сердца, но чтобы обдумать, какого рода ложь легче дойдет до ее сердца. Нескольких шагов

взад и вперед по террасе было достаточно, чтобы придумать наиболее правдоподобное вранье, – доказательство, что сэр Питер был опытный враль. Он вернулся в дом, прошел в гостиную ее милости и в небрежной веселостью сказал:

– Мой старый приятель, герцог Клервил отправляется в Швейцарию со всем семейством. Его младшая дочь леди Джейн – миловидная девушка, она была бы недурной партией для Кенелма.

– Помню леди Джейн – младшая дочь Клервила, с белокурыми волосами. В последний раз я видела ее еще милым ребенком. Она все нянчилась с прелестной куклой, подаренной ей императрицей Евгенией. Да, для Кенелма это действительно хорошая партия.

– Я рад, что ты согласна со мной. Как ты думаешь, не будет ли это удобным случаем сблизить молодых людей, если Кенелм поедет за границу вместе с герцогом?

– Разумеется.

– Стало быть, ты одобришь мои действия – герцог уезжает послезавтра, и я поспешил отправить Кенелма в Лондон с письмом к моему старому другу. Извини Кенелма за то, что он уехал, не простившись с тобой. Ты знаешь, он странный юноша, хотя и прекрасный сын. Поняв, что мне удастся уговорить его, я решил ковать железо, пока горячо, и отправил Кенелма с курьерским поездом в девять часов утра – я боялся, что если позволить ему промедлить, то он передумает.

– Неужели Кенелм уехал? Боже мой!

Сэр Питер потихоньку вышел из комнаты и, позвав своего камердинера, сказал:

– Я послал мистера Чиллингли в Лондон. Уложите вещи, какие ему могут понадобиться, чтобы их можно было выслать ему сейчас же, как только он напишет.

Так, с помощью отца, разумно уклонившегося от истины, этот примерный правдолюбец Кенелм Чиллингли спас честь дома и свою собственную репутацию, от огласки и розысков полиции. Он не был «пропавшим человеком».

Книга вторая

Глава I

Кенелм Чиллингги покинул родительский дом на рассвете, прежде чем в доме проснулись.

«Нет сомнения в том, – думал он, шагая по пустынным тропинкам, – что я начинаю знакомиться с миром, как поэт начинает знакомиться с поэзией, то есть как подражатель и плагиатор. Я подражаю странствующему стихотворцу, как, без сомнения, он в свое время начинал с подражания какому-нибудь другому стихотворцу. Но если во мне есть что-либо свое, оригинальное, оно не замедлит обнаружиться. В конце концов сочинитель стихов вовсе еще не сочинитель идей. Идея путешествовать пешком восходит к сказочным временам. Геркулес, например, добрался до неба пешком³⁶. Однако как пустынен мир в этот час! Может быть, именно поэтому такой час самый прекрасный из всех».

Тут Кенелм остановился и осмотрелся вокруг. Лето было в самом разгаре. Солнце всходило над дальними пологими холмами. Каждая росинка на изгородях ярко сверкала. В небе – ни облачка. Над зелеными всходами пшеницы поднялся одинокий жаворонок. Его пение разбудило других птиц. Еще несколько минут, и зазвенел хор веселых голосов. Кенелм благоговейно снял шляпу и склонил голову в безмолвной благодарности творцу.

Около девяти часов Кенелм вошел в город, отстоявший от родного дома на двенадцать миль. Он умышленно направился именно туда, так как там его мало знали и он мог, не привлекая к себе особого внимания, сделать необходимые покупки. Он надел в дорогу охотничий костюм, как самый простой и удобный тем, что в нем он меньше походил бы на джентльмена. Однако сам покрой этого костюма придавал Кенелму такой вид, что каждый работник, встречавшийся ему по дороге, в знак приветствия притрагивался к шляпе. Притом, кто станет носить охотничий костюм в половине июля, кроме лесничего или джентльмена, имеющего разрешение на охоту?

Кенелм вошел в большой магазин готового платья и купил себе одежду, какую по воскресеньям носят мелкие землевладельцы и фермеры полусюртук-полупиджак из черного сукна, такой же жилет, прочные плисовые панталоны, пестрый шарф, небольшой запас белья и шерстяных чулок, гармонизовавших с остальным нарядом. Он приобрел также кожаную сумку, достаточно большую, чтобы в ней уместились весь его гардероб и две-три книжки, которые вместе с гребешками и щетками унес в карманах, так как дома среди множества чемоданов не нашлось ни одной дорожной сумки.

Совершив эти покупки и заплатив за них, Кенелм быстро прошел через город и в предместье остановился перед скромной гостиницей, которая привлекла его внимание вывеской: «Закуска для человека и скота». Он вошел в небольшую общую комнату, где пол был посыпан песком. Здесь в этот час никого не было. Заказав себе завтрак, Кенелм с аппетитом съел хлебец стоимостью в четыре пенса и пару крутых яиц.

³⁶ «Геркулес ... добрался до неба пешком.» – Имеется в виду одиннадцатый подвиг героя греческой мифологии Геракла (Геркулеса), когда, отправившись за золотыми яблоками дев Гесперид, он добрался до края земли, где титан Атлант держал на своих плечах небесный свод.

Глава II

Подкрепившись, он опять отправился в путь и, сойдя с дороги в густой лес, переменял костюм, в котором вышел из дома, на только что купленный. Затем с помощью двух больших камней опустил снятое платье в небольшой, но глубокий пруд, на который набрел в заросшей кустарником лощинке, где зимой водилось много бекасов.

– Теперь я начинаю думать, что действительно вышел из своего я. Я в шкуре другого человека, ибо что такое шкура, как не одежда души, а что такое одежда, как не более приличная шкура? Своей природной шкуры стыдится каждая цивилизованная душа. Показывать ее считают верхом неприличия все, кроме самых первобытных дикарей. Если б самая чистая душа на земле – римский папа или архиепископ Кентерберийский – прошла по Стрэнду в шкуре, данной ей природой, эту душу, безусловно, повели бы к судье, обвинение против нее поддержало бы общество борьбы с пороком и ее посадили бы в тюрьму за нарушение приличий. Я теперь решительно в шкуре другого человека. Кенелм Чиллингги, я больше не «остаюсь, преданный вам», а «с глубоким почтением ваш покорный слуга».

Легким шагом, с поднятой головой, преображенный таким образом путник выбежал из леса на пыльную дорогу.

Он шел около часа, изредка встречая прохожих, как вдруг услышал справа громкий и пронзительный крик:

– Помогите, помогите! И не пойду, говорю вам, не пойду!

Прямо перед Кенелмом у ворот с пятью поперечными жердями стояла задумчивая серая лошадка, запряженная в красивую тележку. Поводья свободно лежали на шее лошадки – она, очевидно, привыкла стоять спокойно, когда ей приказывали, и рада была случаю отдохнуть.

Крики: «Помогите, помогите!» возобновились и смешались с голосом более грубым, в котором слышались гнев и угрозы. Очевидно, ни один из этих двух голосов не принадлежал лошадке. Кенелм заглянул в ворота и в нескольких шагах от себя увидел на лугу хорошо одетого мальчика, вырывавшегося из рук толстого, средних лет мужчины, который тащил его силой. Рыцарская натура тетки доблестного сэра Кенелма Дигби тотчас пробудилась, Кенелм перепрыгнул через ворота, схватил мужчину за ворот и закричал:

– Как вам не стыдно! Что вы делаете с бедным мальчиком? Отпустите, его!

– Какого черта ты вмешиваешься? – закричал с пеной у рта толстяк, сверкая глазами. – Уж не ты ли этот негодяй? Да, конечно, тот самый. Ну, задам же я вам, молокососы!

Все еще держа мальчика одной рукой, толстый мужчина другой нанес Кенелму такой удар, от которого его лицо не пострадало только благодаря основательному знакомству с приемами бокса и природному проворству молодого человека. Но и толстяку пришлось плохо. Удар был ловко отражен, а затем Кенелм отплатил за него на корнуоллский лад быстрым движением правой ноги, и – *procumbit humi bos*³⁷³⁸ – его противник плашмя грохнулся на землю.

Обретя таким образом свободу, мальчик схватил Кенелма за руку и потащил по полю, не переставая кричать:

– Уйдем, уйдем, пока он не встал! Спасите меня! Спасите!

Прежде чем Кенелм успел опомниться от удивления, мальчик дотащил его до ворот, прыгнул в тележку и закричал:

– Садитесь, садитесь! Я править не умею. Садитесь! Да скорей, скорей!

– Но... – начал было Кенелм. – Садитесь, или я сойду с ума!

³⁷ Распростерт на земле бык (лат.).

³⁸ *Procumbit humi bos* – цитата из «Энеиды» римского поэта Вергилия (песнь V, 481).

Кенелм повиновался; мальчик отдал ему поводья, а сам схватил бич и хлестнул лошадку. Та помчалась изо всех сил.

– Стой! Стой! Стой, вор!.. Мошенник!.. Эй! Воры! Воры! Воры! Стой! кричал позади толстяк.

Кенелм невольно повернул голову и на секунду увидел своего соперника, который взгромоздился на ворота и отчаянно размахивал руками. Потом опять взвился хлыст, лошадь помчалась бешеным галопом, тележка затряслась, накрываясь и подскакивая, и не раньше, чем они проехали милю, Кенелму удалось завладеть хлыстом и настолько успокоить лошадь, что она пошла умеренной рысью.

– Молодой человек, – сказал Кенелм, – может быть, вы будете так добры и объясните мне, в чем дело.

– После! Поедьте скорее, пожалуйста! Я вам хорошо заплачу, щедро заплачу.

– Я знаю, что в практической жизни услуга и плата всегда идут рядом, серьезно сказал Кенелм, – но мы отложим вопрос о плате, пока ты мне не скажешь, в чем, собственно, должна заключаться услуга. Прежде всего, объясни, куда я должен тебя везти. Мы подъезжаем к месту, где расходятся три дороги. По которой ехать?

– О, я не знаю! Вот верстовой столб. Я хочу ехать в... Но это секрет. Вы меня не выдадите? Обещайте, поклянитесь!

– Я клянусь, только когда разъярен, что, к сожалению, бывает очень редко. И я ничего не обещаю, пока не узнаю, что я должен обещать. Не стану я также возить убежавших мальчишек в чужих экипажах, если не узнаю толком, что везу их в надежное место, где их встретят папа с мамой.

– У меня нет ни папы, ни мамы, – печально сказал мальчик, и губы его задрожали.

– Бедный мальчик! Верно, этот грубый скот – твой школьный учитель, и ты удираешь домой от порки?

Мальчик расхохотался; его милый серебристый смех весело отозвался в ушах Кенелма Чиллингли.

– Нет, он меня не высечет, и он не школьный учитель, он хуже...

– Возможно ли? Кто же он такой?

– Дядя.

– Гм! Жестокость дядей вошла в поговорку, по крайней мере так было в классические времена; взять хотя бы Ричарда III³⁹ – единственного образованного человека во всем своем роде.

– Классические времена, Ричард III... – проговорил пораженный мальчик и внимательно посмотрел на задумавшегося, возницу. – Кто вы? Вы говорите как джентльмен.

– Прошу прощения. Постараюсь больше так не говорить.

«Итак, – подумал Кенелм, – это становится забавным. Какое удовольствие влезть в чужую шкуру, да еще в чужую тележку!»

– Вот мы и доехали до столба, – сказал он. – Если ты убежал от дяди, то пора сообщить мне, куда же ты направляешься.

Мальчик высунулся из тележки и, посмотрев на придорожный столб, весело захлопал в ладоши.

– Прекрасно, я так и думал!.. «До Тор-Хэдема восемнадцать миль». Эта дорога – в Тор-Хэдем.

– Неужели ты думаешь, что я повезу тебя восемнадцать миль?

³⁹ Ричард III (1452–1485) – английский король, захвативший престол после смерти своего брата Эдуарда IV (1483) и заточивший в Тауэр своих малолетних племянников, сыновей Эдуарда. Там они вскоре были убиты, видимо, по приказанию Ричарда. Ричард III является героем одноименной исторической хроники Шекспира.

– Надеюсь.

– К кому же ты едешь?

– Я вам сейчас скажу, но поезжайте, пожалуйста, поезжайте! Я не умею править лошадью и никогда не правил, а то бы я вас не просил. Пожалуйста, не бросайте меня! Если вы джентльмен, вы так не поступите, а если вы не джентльмен, у меня в кошельке лежат десять фунтов, и вы их получите, как только я благополучно приеду в Тор-Хэдем. Не мешкайте, дело идет о моей жизни!

Мальчик снова начал всхлипывать. Кенелм повернул лошадку к Тор-Хэдему, и мальчик сразу успокоился.

– Вы добрый, милый человек, – сказал мальчик, вытирая глаза. – Но из-за меня вы делаете большой крюк!

– У меня нет никаких особых дел; мне все равно, ехать в Тор-Хэдем, где я никогда не был, или в любое другое место. Я просто брожу по белу свету.

– У вас тоже нет ни папы, ни мамы? Вы ведь ненамного старше меня.

– Молодой человек, – сказал Кенелм, – я взрослый, а вам, кажется, около четырнадцати лет.

– Как это забавно! – воскликнул мальчик. – Не правда ли, как это забавно?

– Нисколько не будет забавно, если меня присудят к каторжным работам за кражу тележки у твоего дяди и десяти фунтов у его маленького племянника. Кстати, твой вспыльчивый родственник, должно быть, имел в виду кого-то другого, когда пытался сбить меня с ног. Он спросил: «Уж не ты ли этот негодяй?» Скажи же, кто этот негодяй? Он, очевидно, пользуется твоим доверием.

– Негодяй? Это самый благородный, самый великодушный... Но о нем будет речь потом, я вас представлю, когда мы приедем в Тор-Хэдем. Подхлестните лошадку, она едва тащится!

– Мы поднимаемся в гору – добрый человек должен щадить скотину.

Ни ловкость, ни красноречие не помогли Кенелму добиться от юного спутника более подробных объяснений, и по мере приближения к цели путешествия оба вовсе замолкли. Кенелм серьезно задумался над тем, что опыт первого же дня «реальной жизни» в чужой шкуре подверг некоторой опасности его собственную.

Он сбил с ног почтенного и, очевидно, зажиточного человека, увез его племянника и самовольно распорядился имуществом этого человека, то есть его тележкой и лошадью. Всему этому Кенелм, конечно, сможет дать вполне удовлетворительное объяснение, когда предстанет перед мировым судьей, но каким образом это сделать? Снова влезть в свою обычную шкуру и признать, что он – Кенелм Чиллингги, университетский медалист, наследник благородного имени и десяти тысяч годового дохода? Но тогда какой скандал! А он не терпел скандалов. Станут говорить, что он влип. А он само слово «влипнуть» считал вульгарным и недостойным благородного английского языка. Ему пришлось бы объяснить, зачем он переоделся в такое платье, в каком ни одного старшего сына баронета – даже будь этот баронет из самых захудалых дворян, которого первому министру вздумалось рекомендовать королеве для пожалования ему звания выше мистера – никто никогда не видывал, разве только в том случае, если он бежал на золотые прииски. Мог ли наследник Чиллингги, знатного рода, герб которого – три рыбы на лазурном поле – относился к самому раннему периоду английской геральдики в царствование Эдуарда III⁴⁰, – мог ли он оказаться в таком щекотливом положении, не опозорив тем самым холодную и древнюю кровь «трех рыб»?

⁴⁰ Эдуард III (1312–1377) – английский король (с 1327) из династии Плантагенетов. При нем началась так называемая Столетняя война с Францией.

А потом лично для Кенелма, независимо от «трех рыб», какое унижение! Он отказался от того вступления в действительную жизнь, которое готовил ему отец, и упрямо выбрал себе иной путь, взяв всю ответственность на себя. И вот в тот же день в какую глупую историю он попадает! Чем оправдать свое поведение? Дрянной мальчишка, то рыдавший, то смеявшийся, и вместе с тем такой хитрый, что сумел обвести Кенелма Чиллингли вокруг пальца, заставил его, человека, который воображал себя гораздо умнее своих родителей, человека, получившего почетные отличия в университете, человека с самым серьезным характером, человека с таким критическим складом ума, что ни в искусстве, ни в природе не было закона, в котором он не нашел бы ни сучка, ни задоринки, – впутаться в историю, о которой было не слишком приятно размышлять.

Сам мальчик, когда Кенелм время от времени поглядывал на него, начинал казаться ему каким-то чертенком. Иногда он громко смеялся, иногда тихонько плакал, иногда замолкал, казалось, погружаясь в думы. Дважды, когда они приближались к Тор-Хэдему, Кенелм слегка толкал мальчика локтем, говоря:

– Мой милый, я должен поговорить с тобой.

И дважды мальчик, отстраняясь, задумчиво отвечал:

– Тише! Я думаю.

Так, совсем загнав бедную лошадку, они въехали в Тор-Хэдем.

Глава III

– Теперь, юный сэр, – спокойным, но решительным тоном сказал Кенелм, мы в городе, куда я должен был вас отвезти. И пришло время нам с вами проститься.

– Нет, нет, побудьте, со мною еще немного. Мне становится страшно – я так одинок.

И мальчик, который до тех пор уклонялся от малейшего прикосновения Кенелма, ласково прижался, к нему и взял его под руку.

Я не знаю, что читатели, до сих пор думали о Кенелме Чиллингли, но среди всех изгибов и извилин его причудливого: нрава был один путь, который вел прямо к его сердцу – стоило только быть слабее его и просить его покровительства.

Он вдруг повернулся, не думая больше о нелепости своего положения, и ответил:

– Ах ты звереныш этакий! Ну ладно, будь что будет, а я не брошу тебя в беде. Но следует подумать и о бедной лошадке. Хотя бы ради нее скажи, где нам остановиться.

– Право, не могу сказать, я никогда здесь не был. Поищем какой-нибудь спокойный отель. Поезжайте медленно – может быть, по дороге мы увидим что-нибудь подходящее.

Тор-Хэдем – большой город и, хотя он официально не считался главным городом графства, но по бойкости торговли, уличному движению, шуму и суете мог бы им стать. Прямая улица, по которой лошадка подвигалась так медленно, словно тащила триумфальную, колесницу на священный холм⁴¹, казалась особенно оживленной. Перед прекрасными фасадами и зеркальными окнами магазинов толпился народ, очевидно, не только для дела, но и для удовольствия, ибо значительная доля прохожих принадлежала к прекрасному полу. Женщины были нарядно одеты, многие – молоды, а некоторые и красивы. Дело в том, что за два дня до того в город прибыл ее величества гусарский полк, и между офицерами полка и прекрасным полом гостеприимного города возникло естественное соревнование, кто больше пронзит и ранит сердец. Прибытие этих героев, чья профессия – сокращать враждебное и увеличивать дружественное население, дало толчок всем тем развлечениям, которые сводят вместе молодых людей: состязаниям по стрельбе из лука и ружья, концертам, балам, объявленным в афишах, которые были прибиты к стенам и читам, а также выставлены в окнах магазинов.

Мальчик с большим интересом выглядывал, из тележки и внимательно рассматривал эти объявления, пока наконец у него не вырвалось взволнованное восклицание:

– А я был прав, это здесь!

– Что здесь? – спросил Кенелм. – Отель?

Его спутник не отвечал, но Кенелм, проследив за взором мальчика, увидел огромную афишу:

ЗАВТРА ОТКРЫВАЕТСЯ ТЕАТР

РИЧАРД III – МИСТЕР КОМПТОН!

– Спросите, где этот театр, – прошептал мальчик и отвернулся.

⁴¹ «...словно тащила триумфальную колесницу на священный холм...» – Триумф в республиканском Риме являлся высшей наградой победоносному полководцу и назначался, как правило, сенатом. В день триумфа полководец во главе своего войска въезжал в Рим на колеснице, запряженной четверкой белых коней, и направлялся на Капитолийский холм, где происходили установленные церемонии и где предавали смерти знатных пленников, шествовавших в цепях за колесницей победителя.

Кенелм остановил лошадку, спросил первого прохожего о театре, и тот посоветовал ему повернуть направо. Вскоре на углу унылого и пустынного переулочка показалось безобразное, полуразвалившееся здание с портиком штукатурной лепки, посвященное драматическим музам. На стенах были прибиты афиши, на которых имя Комптона выделялось гигантскими буквами. Мальчик вздохнул.

– Теперь, – сказал, он, – поищем отель как можно ближе к театру.

Однако никакой гостиницы, если, не считать маленького, сомнительного вида трактира, поблизости не виднелось, и только, довольно далеко от театра, на старинной и пустынной площади они увидели опрятный свежестроенный дом, на фасаде которого большими мрачными, черными буквами было выведено: Отель «Трезвость».

– Остановимся здесь, – сказал мальчик. – Как вы думаете, этот отель подойдет нам? На вид он очень тихий.

– Сама могила не могла бы выглядеть тише, – ответил Кенелм.

Мальчик потянул за поводья и остановил лошадку. Она находилась в таком состоянии, что малейшего прикосновения было достаточно, чтобы остановить ее, но лошадка печально повернула голову, словно сомневаясь, отвечают ли сено и овес правилам отеля «Трезвости».

Кенелм спрыгнул с тележки и вошел в дом. Опрятная женщина вышла к нему навстречу из-за какого-то остекленного помещения, должно быть, изображавшего бар, только тут не было горячительных напитков, составляющих beau ideal⁴², и лишь виднелись два больших графина с холодной водой и стаканы a discretion⁴³, а также несколько блюд с сухим печеньем. Женщина вежливо спросила Кенелма, что ему угодно.

– Угодно? Я лично выбрал бы другое выражение, – с обычной серьезностью ответил Кенелм, – но вы можете сделать «угодное» моей лошади – то есть той, которая стоит у дверей вашей гостиницы, – если дадите ей стойло и овса, а этому молодому человеку и мне комнату и обед.

– Обед? – повторила хозяйка. – Обед?

– Тысячу извинений, сударыня, но если слово «обед» приводит вас в негодование, я беру его назад и скажу вместо этого: «что-нибудь поесть и попить».

– Попить? Это – отель «Трезвость», сэр.

– О, если здесь не едят и не пьют, – гневно воскликнул Кенелм, ибо он умирал с голоду, – то честь имею кланяться!

– Позвольте, сэр, мы здесь и едим и пьем. Но мы простые люди и не держим крепких напитков.

– Даже стакана пива? – У нас только имбирное пиво. Спиртные напитки строго воспрещены. У нас есть чай, кофе и молоко. Но большинство наших посетителей предпочитает чистую воду. А что касается еды, сэр, – все, что вы прикажете.

Кенелм покачал головой и уже собрался уходить, когда мальчик соскочил с тележки и, услышав разговор, жалобно закричал:

– Что это значит? Кому нужны спиртные напитки? Довольно будет и воды. А что касается обеда – не все ли равно, что есть. Пожалуйста, сударыня, дайте нам отдельную комнату, я ужасно устал.

Последние слова были сказаны так ласково и так мило, что хозяйка тотчас переменяла тон и пробормотала: «Бедный мальчик!» А потом добавила еще тише: «Какое у него хорошенькое личико!» – кивнула головой и повела приезжих наверх по очень опрятной старомодной лестнице.

⁴² Прекрасный идеал (фр.).

⁴³ По усмотрению (фр.).

– А как насчет лошади и тележки? – спросил Кенелм, который почувствовал укор совести, когда подумал, как они дурно поступили с лошадыю, и ее хозяином.

– Что касается лошади и тележки, сэр, вы найдете в нескольких шагах отсюда конюшню Джукса. У нас нет помещения для лошадей. Наши, посетители чаще приходят пешком, но у Джукса вы найдете отличную конюшню.

Кенелм отвел лошадь в указанную конюшню, подождал, пока ее там поводили, чтобы дать ей остыть, вытерли и накормили овсом – ибо Кенелм Чиллингги был сострадателен к бессловесным тварям! Лишь после этого он вернулся в отель «Трезвость», зверски голодный. Его ввели в небольшую гостиную с ковриком посередине, с шестью небольшими плетеными стульями и гравюрами на стенах, изображавшими пагубное действие спиртных напитков на различных представителей человеческого рода. Некоторые из них походили на привидения, другие на чертей, и все вокруг них говорило о нищете и упадке, в резком контрасте с изображением счастливых семейств – улыбающихся жен, дородных мужей, румяных детей, символизирующих блаженное состояние членов Общества трезвости. Но внимание Кенелма больше всего привлекал стол со скатертью безукоризненной белизны и приборами на двоих.

Мальчик стоял у окна и, казалось, смотрел на небольшой аквариум, в котором помещалось множество разных созданий: мелких рыбок, пресмыкающихся и насекомых, наслаждавшихся удовольствиями трезвости в ее естественной стихии, что не мешало им, разумеется, время от времени угощаться друг другом.

– Что нам дадут поесть? – спросил Кенелм. – Я думаю, на кухне уже все готово.

Он сильно дернул за шнур звонка. Мальчик отошел от окна. При этом Кенелм был поражен грациозностью его движений. Теперь, когда он был без шляпы, отдохнул и смыл пыль с нежных румяных щек, его наружность значительно выиграла. Несомненно, это был очень красивый мальчик, который, став мужчиной, заставит страдать много женских сердец. С видом милостивого превосходства, присущего лишь особам королевского звания или основанного на значительном старшинстве лет, этот юный джентльмен приблизился к строгому наследнику Чиллингги, протянул ему руку и сказал:

– Сэр, вы поступили благородно, и я вам искренне признателен.

– Ваше королевское высочество, я ценю, что вы удостоиваете меня благосклонности, – низко поклонившись, ответил Кенелм Чиллингги. – Но заказали ли вы обед? И что нам подадут? Здесь, кажется, никто не является на звонок. Раз это отель «Трезвость», то, вероятно, все слуги пьяны.

– Почему это они станут пить вино в отеле «Трезвость»?

– Почему? Да потому, что вообще люди, на что-либо претендующие, часто оказываются совсем не тем, за кого себя выдают. Человек, разыгрывающий праведника, непременно – грешник, а человек, хвастающий тем, что он грешник, непременно какой-нибудь бесхарактерный, глупый плакса с видом святоши, который и выдает в нем притворщика. Честь мужчины требует, что, будь он грешником или праведником, он не хвалился бы этим. Представь себе святого Августина⁴⁴, заявляющего во всеуслышание, что он праведник, или Роберта Бернса⁴⁵, объявляющего себя грешником. И хотя, мой юный друг, ты, по всей вероятности, еще не читал Стихов Роберта Бернса и, уж наверно, даже в руках не держал «Исповеди» святого Августина, поверь мне на слово, что оба они были очень милые люди. При несколько ином воспитании и житейском опыте Берне мог бы написать «Исповедь»,

⁴⁴ Августин (называемый «Блаженным») (354–430) – один из «отцов церкви»; прославился ученостью и борьбой с ересями. Основанный им нищенствующий монашеский орден носил название ордена августинцев. «Исповедь» – автобиографическое сочинение Августина, где он рассказывает о грехах и заблуждениях своей юности.

⁴⁵ Бернс Роберт (1759–1796) – великий шотландский поэт, автор стихов и песен, близких по духу и форме народной поэзии.

а святой Августин – стихи. Силы небесные! Я умираю с голоду. Ну, что же ты заказал к обеду и когда его наконец подадут?

Мальчик, широко раскрыв свои и без того огромные карие глаза, внимательно слушал все то, что покровительственным тоном говорил о Роберте Бернсе и святом Августине его высокий приятель в плисовых панталонах и пестром шарфе, но при последних словах Кенелма опустил голову с виноватым и пристыженным видом:

– Мне жаль, что я не подумал об обеде. Мне следовало лучше позаботиться о вас. Хозяйка спросила меня, чего мы хотим, а я сказал: «Все равно», и хозяйка бормотала при этом что-то про себя.

– Ну, что же она обещала? Бараньи котлеты?

– Нет... цветную капусту и рисовый пудинг.

Кенелм Чиллингги никогда не бесновался и не ругался. В тех случаях, когда более грубые существа человеческой породы бесновались и ругались, он выказывал неудовольствие лишь выражением лица, до такой степени мрачным и печальным, что оно могло бы смягчить даже сердце гирканского тигра⁴⁶. Кенелм повернулся к мальчику и прошептал:

– Цветная капуста! Погибаю! – Опустившись на плетеный стул, он спокойно добавил: – Вот она, человеческая благодарность!

Мальчик был явно поражен в самое сердце горькой кроткостью этого упрека. В его голосе были слезы, когда он пролепетал:

– Пожалуйста, простите меня, я показал себя неблагодарным! Сейчас же побегу и узнаю, что будет к обеду.

С этими словами он исчез.

Кенелм остался на месте. Он предался грезам или скорее созерцанию своего внутреннего существа, как этого умеют достигать индийские дервиши путем продолжительного поста. Appetit мужчин сильного телосложения нельзя удовлетворить цветной капустой и расовым пудингом. Примером этому может служить Геркулес, чудовищный аппетит которого служил предметом шуток классических поэтов. Не знаю, мог бы. Кенелм Чиллингги победить Геркулеса в драке и в чревоугодии, но, во всяком случае, когда Кенелм принимался за то или другое, Геркулесу пришлось бы приложить все силы, чтобы не быть побитым.

После десятиминутного отсутствия мальчик явился, сияя от радости. Он похлопал Кенелма по плечу и весело сказал:

– Я заставил их разделить целую баранью ногу на котлеты, кроме того, будет цветная капуста, огромный рисовый пудинг, яйца и ветчина. Не горюйте! Сию минуту все подадут.

– А-а! – только и произнес Кенелм.

– Право, это добрые люди, они не имели намерения морить вас голодом, но постоянные их посетители, кажется, предпочитают хлеб и овощи. Тут даже создано целое общество вегетарианцев. Хозяйка называет их философами.

При слове «философы» Кенелм встрепенулся, как опытный охотник при крике: «Лиса! Ату ее!»

– Философы! – сказал он. – Нечего сказать, хороши философы! О, невежды, не знающие даже устройства человеческих зубов! Послушай, дружок, если б вымерло все человечество, что, по уверениям ученых авторитетов, непременно когда-нибудь случится – и неплохое это было бы дело, кстати сказать! – если бы, говорю я, от людей ничего не осталось, кроме зубов и больших пальцев, философ той высшей породы, которая заменит человеческую, тотчас увидит в этих остатках все характерные свойства и всю историю человека. Сравнивая его большие пальцы с когтями орла и тигра, а также с копытом лошади, он скажет:

⁴⁶ «Гирканский тигр.» – Гиркания – древнее название местности, лежащей к югу от Каспийского моря, а на востоке простирающейся до Амударьи (совр. Азербайджан).

«Владелец этого пальца должен был владычествовать над существами с когтями и с копытами». Ты можешь сказать, что у обезьян есть большой палец. Это правда, но сравни-ка большой палец обезьяны с пальцем человека – могла ли самая крупная обезьяна с самым большим пальцем построить Вестминстерское аббатство⁴⁷? Но даже и пальцы еще мало говорят о человеке – то ли дело его зубы! Посмотри на его зубы.

Тут Кенелм разинул рот и обнаружил два ряда белоснежных зубов, столь приспособленных для жевания, что самый искусный зубной врач пришел бы в отчаяние, поняв, что не мог бы создать ничего подобного.

– Посмотри, говорю я, на его зубы!

Мальчик невольно отступил.

– Разве эти зубы принадлежат жалкому едоку цветной капусты? И разве мучная пища дала бы владельцу таких зубов звание главного истребителя всего живого? Нет, друг мой, нет, – продолжал Кенелм, сомкнув челюсти, но все еще приближаясь к мальчику, который при каждом его шаге отступал к аквариуму, нет, человек потому и властелин мира, что из всех созданий он пожирает наибольшее количество самых разнообразных существ. Зубы человека показывают, что он одинаково может жить как в самом знойном, так и в самом холодном поясе, потому что может поедать все то, чего другие существа есть не могут. Это доказывается строением его зубов. Тигр может съесть оленя – это может и человек, но тигр не может съесть угря, а человек может. Слон может есть цветную капусту и рисовый пудинг – это может есть и человек, но слон не может есть бифштекс, а человек может. Словом, человек может жить повсюду, потому что благодаря устройству своих зубов может есть, все! – заключил Кенелм, делая огромный шаг к мальчику. – И если нет ничего другого, человек съедает подобного себе.

– Перестаньте, вы пугаете меня! – крикнул мальчик. – Ага, – прибавил он, всплеснув руками с чувством радостного облегчения, – вот наконец и бараньи котлеты!

В комнату вошла весьма опрятная, славно только что вымытая, средних лет служанка с блюдом в руках. Поставив его на стол и сняв крышку, она сказала вежливо, хотя и холодно, как подобает существу, питающемуся салатом и водой:

– Хозяйка очень сожалеет. Она заставила вас ждать, но она думала, что вы вегетарианцы.

Положив своему юному другу солидную котлету, Кенелм взял себе другую и серьезно ответил:

– Передайте вашей хозяйке, что если б она прислала нам только овощи, я съел, бы вас. Передайте ей, что хотя человек отчасти существо травоядное, в основном он все же плотояден. Передайте ей, что хотя свинья ест капусту и тому подобное, но, когда свинье представляется случай съесть ребенка, она съедает и ребенка. Передайте ей, – продолжал Кенелм, приступая к третьей котлете, – что ни одно животное по устройству пищеварительных органов не похоже на человека так, как свинья. Спросите хозяйку, нет ли в доме ребенка, и если есть, то ради его же безопасности пусть она пришлет нам еще котлет.

Так как самый проникательный наблюдатель с трудом мог определить, когда Кенелм шутит и когда говорит серьезно, служанка на миг остановилась в попытке улыбнуться. Кенелм поднял свои черные глаза, невыразимо грустные и глубокие, и кротко сказал:

– Мне было бы очень жаль ребенка. Принесите котлет!

Служанка исчезла. Мальчик положил нож и вилку и посмотрел на Кенелм а пристально и пытливо. Кенелм, не обращая на него внимания, положил последнюю котлету на тарелку мальчика.

⁴⁷ Вестминстерское аббатство – собор святого Петра в Лондоне, в районе, называемом Вестминстер, служит усыпальницей великих людей и королей.

– Не хочу больше! – порывисто воскликнул мальчик и положил котлету обратно на блюдо, – я сыт.

– Молодой человек, вы лжете, – сказал Кенелм, – вы недостаточно насытились, чтобы душа держалась в теле. Съешьте этот кусок, или я вас проглочу, а я всегда делаю то, что говорю.

Мальчик вздрогнул, молча съел котлету, опять посмотрел на Кенелма и пробормотал!

– Я боюсь.

Вошла служанка. Она принесла еще бараньих котлет и яичницу с ветчиной. За этим вскоре последовал на оловянном блюде рисовый пудинг таких размеров, что его хватило бы, чтобы накормить целую школу. По окончании обеда Кенелм, по-видимому, забыл об опасных свойствах плотоядных животных и, беспечно растянувшись в Кресле, переваривал пищу, как самое безобидное домашнее травоядное.

Мальчик робко обратился к нему:

– Могу я просить вас еще об одном одолжении?

– Сбить с ног другого дядю или украсть еще одну тележку с лошадьёю?

– Нет, услуга очень простая: отыскать адрес моего друга и передать ему записку.

– Это неотложное поручение? «Поел сытенько, сосни маленько!» – говорит пословица, а пословицы так мудры, что Никто не может угадать их автора. Предполагают, что это отрывки философии допотопных людей, дошедшие до нас в ковчеге.

– Неужели? – серьезно сказал мальчик. – Как это интересно! Нет, мое дело можно отложить на час. Как вы думаете, сэр, до потопа бывали драматические представления?

– Драматические представления? Несомненно. У людей, живших по тысяче или по две тысячи лет, было вдоволь времени, чтобы выдумывать и совершенствовать все, что угодно, и театральное представление тогда могло иметь свою естественную продолжительность. Не было необходимости втискивать всю историю Макбета от его юности до старости в нелепый трехчасовой отрезок времени. Но передать подлинную человеческую природу этого интересного шотландца не удастся ни одному актеру, потому что, изображая Макбета, он обычно выходит на сцену в неизменном виде – как тогда, когда он убивает Дункана, так и тогда, когда его самого, уже старого и дряхлого, убивает Макдуф.

– Вы думаете, что Макбет был молод, когда убил Дункана?

– Конечно. Ни один человек не совершает первого тяжкого преступления например, убийства – после тридцати лет. Но, начав убивать раньше, он может продолжать это до любого возраста. А вот юность – та пора, когда зарождаются ошибочные расчеты, основанные на ложных надеждах и избытке физической силы. Так, по газетным сообщениям легко убедиться, что люди, убивающие своих возлюбленных, обычно бывают не старше двадцати – двадцати шести лет; если же причина убийства не любовь, а что-нибудь другое, например, месть, скупость или честолубие, то убийце чаще всего бывает двадцать восемь лет – возраст Яго⁴⁸. К двадцати восьми годам заканчивается пора особо интенсивной деятельности, человек уже перестает не задумываясь убирать со своего пути нежелательных ближних, и даже профессиональные кулачные бойцы к этому времени заканчивают свою карьеру. Я думаю, что Макбету было как раз двадцать восемь лет, когда он убил Дункана⁴⁹, а когда он начал хныкать о недостатке утешений в старости, ему, я полагаю, было от пятидесяти четырех до шестидесяти. Но доходит ли до зрителей эта разница в годах, когда они

⁴⁸ «...двадцать восемь лет – возраст Яго.» – В трагедии Шекспира «Отелло» Яго в разговоре с Родриго (акт I, сц. 3) говорит: «...я двадцать восемь лет живу на свете».

⁴⁹ «...Макбету было как раз двадцать восемь лет, когда он убил Дункана...» – Возраст Макбета у Шекспира не обозначен. Видимо, Кенелм слишком удлинит тот срок, который сведен Шекспиром в «нелепый трехчасовой отрезок времени». По историческим хроникам, Макбет царствовал семнадцать лет. Шекспир сближает во времени ради концентрации действия воцарение Макбета и его гибель. Несомненно, шекспировский Макбет стал королем не в двадцать восемь лет, а позже.

смотрят представление, продолжающееся три часа, и какой актер может создать нужное впечатление и казаться двадцативосьмилетним в первом акте и шестидесятилетним в пятом?

– Мне это не приходило в голову, – сказал мальчик, очевидно заинтересованный, – но я никогда не видел «Макбета». Однако я видел «Ричарда Третьего». Не правда ли, замечательная пьеса? Вы любите театр? Я – ужасно. Как великолепно должна быть жизнь актера!

Внимание Кенелма, который до сих пор говорил скорее с самим собой, чем со своим юным товарищем, пробудилось, он пристально посмотрел на мальчика и сказал:

– Я вижу, что ты помешан на театре. Ты удрал из дома для того, чтобы стать актером, и я не удивлюсь, если записка, которую ты поручаешь мне отнести, адресована режиссеру театра или одному из актеров его труппы.

Лицо мальчика, на которое были устремлены черные глаза Кенелма, ярко вспыхнуло, но сохранило упрямое и вызывающее выражение.

– А если и так, разве вы не отнесете записку?

– Как? Помочь ребенку твоих лет бежать из дому и поступить на сцену против согласия родных? Конечно, нет!

– Я вовсе не ребенок, но дело не в этом. Я и не собираюсь поступать на сцену. По крайней мере без согласия человека, который имеет право руководить моими поступками. Моя записка адресована совсем не режиссеру и не актеру его труппы, а джентльмену, который согласился несколько раз выступить здесь, настоящему джентльмену, замечательному актеру, моему другу – единственному другу на свете. Что ж, не скрываю, я бежал из дома только для того, чтобы послать ему эту записку, и, если вы не хотите ее передать, найдется кто-нибудь другой!

С этими словами мальчик встал и выпрямился во весь рост перед растянувшимся в кресле Кенелмом; губы его дрожали, глаза наполнились слезами, но вся его поза выражала решимость. Стало ясно: если ему не удастся построить свою жизнь по-своему, то отнюдь не из-за недостатка воли.

– Хорошо, я отнесу записку, – сказал Кенелм.

– Вот она, отдайте ее в собственные руки тому, кому она адресована, мистеру Херберту Комптону.

Глава IV

Кенелм отправился в театр и, обратясь к привратнику, спросил мистера Херберта Комптона.

– Мистер Комптон сегодня не играет, в театре его нет, – ответил сей муж.

– А где он живет?

Привратник указал на бакалейную лавку по другую сторону улицы и угрюмо сказал:

– Вон там дверь его квартиры, постучите или позвоните.

Кенелм поступил так, как ему сказал привратник. Неопрятная служанка отворила дверь и на его вопрос ответила, что мистер Комптон дома, но сейчас ужинает.

– Мне очень жаль, если я ему помешаю, – промолвил Кенелм, нарочно Возвышая голос, – так как из комнаты слева до него доносился стук ножей и тарелок, но мне нужно видеть его немедленно по важному делу.

И, отодвинув в сторону служанку, он вошел в пиршественный зал.

Там перед тарелкой с блюдом из тушеного мяса, заманчиво пахшего луком, сидел в свободной позе мужчина без сюртука и галстука, безусловно красивый, коротко остриженный и бритый, как и полагается актеру, у которого под рукой сколько угодно париков и бород всех цветов и фасонов. Он был не один: напротив сидела женщина, должно быть, немного моложе его, несколько увядшая, но все же миловидная, с густыми белокурыми кудрявыми волосами и выразительным лицом актрисы.

– Мистер Комптон, я полагаю? – спросил Кенелм с торжественным поклоном.

– Да, я. Комптон. Вас прислали из театра? Или вам самому что-нибудь от меня нужно?

– Мне? Ничего, – ответил Кенелм.

Затем, придав своему от природы несколько мрачному голосу зловещий и трагический оттенок, добавил:

– Вот это вам все объяснит.

Он подал Комптону письмо, и, протянув руки в позе Тальма⁵⁰, когда тот играл Юлия Цезаря, прибавил:

– Qu'en dis tu Brute?⁵¹

От мрачной ли наружности и зловещих слов посланца, его зловещих слов, или при виде почерка на адресе послания физиономия Комптона вдруг вытянулась, и рука его повисла неподвижно, будто бы не смея распечатать письмо.

– Не обращай внимания на меня, дружок, – тоном язвительной любезности сказала дама с белокурыми локонами. – Не стесняйся, читай свое *billet-doux*⁵², не заставляй ждать молодого человека, мой ангел!

⁵⁰ Тальма Франсуа-Жозеф (1763–1826) – французский трагический актер, стремившийся преодолеть холодно-условную классическую традицию исполнения трагедийных ролей, добиваясь выразительно-эмоциональной мимики, интонаций, жестов. Добиваясь сценического реализма, отказался от придворных костюмов XVIII в. в ролях античных героев. В годы революции выступал в пьесах революционного содержания. Кенелм, зная о Тальма только из книг, мог спутать свидетельства о нем. Дело в том, что в пьесах, где Тальма играл Юлия Цезаря, нет сцены и реплики, подобных описанным в романе. Но на современников Тальма большое впечатление производило исполнение им роли одного из героев древнего Рима, Манлия, в трагедии французского драматурга Антуана Лафосса (1653–1708) «Манлий Капитолийский», которая именно благодаря таланту Тальма держалась на сцене. Узнав о предательстве, совершенном его лучшим другом Сервилием, Манлий, встретясь с ним, протягивает Сервилию изобличающее его письмо, произнося: «Что ты скажешь на это?» Описание этой сцены, потрясавшей зрителей, Кенелм мог прочесть в книге французской писательницы Жермены де Сталь (1766–1817) «О Германии».

⁵¹ Что ты на это скажешь, Брут? (фр.).

⁵² Любовную записку (фр.).

– Какой вздор, Матильда, какой вздор! Billet-doux – в самом деле! Это скорее счет от портного Дьюка. Извини меня, я выйду на минутку, дорогая. Пожалуйста за мною, сэр!

Встав из-за стола и не надев сюртука, Комптон вышел из комнаты, закрыл за собой дверь, сделал Кенелму знак следовать за ним в небольшую комнатку через переднюю, и там при свете висячей газовой лампы торопливо пробежал письмо, которое, хотя и казалось очень кратким, заставило его издать ряд восклицаний.

– Боже мой!.. Какая нелепость!.. Что теперь делать?..

Потом, сунув письмо в карман брюк, он устремил на Кенелма блестящие черные глаза, но скоро был вынужден их потупить под твердым взглядом нашего мрачного искателя приключений.

– Вы пользуетесь доверием автора этого письма? – несколько растерянно спросил Комптон.

– Я не поверенный его, – ответил Кенелм, – но в настоящее время покровитель.

– Покровитель?

– Да.

Комптон пристально взглянул на неожиданного гостя. Разглядев гладиаторскую фигуру смуглого незнакомца, он побледнел и невольно отступил к звонку.

После краткого молчания беседа продолжилась:

– Автор письма просит меня зайти к нему. Если я зайду, могу ли я рассчитывать, что свидание произойдет с глазу на глаз?

– За себя я уверен, – с условием, что не будет сделано попытки увести из дома автора письма.

– Конечно, конечно, как раз наоборот! – с непритворным воодушевлением воскликнул мистер Комптон. – Передайте, что я приду через полчаса.

– Я исполню ваше поручение, – с вежливым поклоном сказал Кенелм, – но прошу извинить меня, если напому вам, что я назвал себя покровителем вашего корреспондента. Если произойдет хоть малейшая попытка воспользоваться его молодостью и неопытностью и способствовать побегу из дому и от друзей, сцена лишится одного из своих украшений, ибо Херберт Комптон со сцены исчезнет.

С этими словами Кенелм вышел, оставив актера совершенно ошеломленным. У выходной двери на Кенелма налетел какой-то мальчуган с картонкой. Кенелм чуть не сшиб его с ног.

– Болван! – закричал мальчик. – Не видишь, что ли, куда идешь? Отдай это миссис Комптон.

– Я заслужил бы право называться болваном, если бы даром исполнил то дело, за которое тебе заплатили, – нравоучительно ответил ему Кенелм и пошел дальше.

Глава V

– Я выполнил поручение, – сказал Кенелм, вернувшись в отель. – Мистер Комптон сказал, что будет здесь через полчаса.

– Вы видели его?

– Разумеется, ведь я же обещал отдать письмо в его собственные руки.

– Он был один?

– Нет, ужинал с женой.

– С женой? Что вы говорите, сэр? С женой! У него нет жены.

– Наружность обманчива. По крайней мере он был с леди, которая называла его «другом» и «мой ангел» таким колким тоном, каким может говорить только жена, а когда я выходил на улицу, какой-то мальчишка, столкнувшийся со мной в дверях, просил меня отдать картонку миссис Комптон.

Юный товарищ Кенелма побледнел как смерть, шатаясь отступил на несколько шагов и опустился на стул. Подозрение, закравшееся в пылливый ум. Кенелма, пока он ходил с письмом, подтвердилось. Он тихо подошел, придвинул свой стул к спутнику, которого навязала ему судьба, и шепотом промолвил:

– Ваше волнение непохоже на волнение мальчика. Если вас обманули, сбили с толку и я могу помочь вам советом и делом – положитесь на меня, как женщины в подобных обстоятельствах полагаются на мужчин и джентльменов.

Мальчик вскочил и начал бесцельно ходить по комнате. На лице его отражалась борьба противоречивых чувств, которые он напрасно старался преодолеть. Внезапно остановившись, он схватил Кенелма за руку, судорожно сжал ее и сказал, сдерживая рыдания:

– Благодарю, благодарю вас! Теперь оставьте меня, я хочу остаться одна. И встретиться с этим человеком я тоже должна наедине. Может быть, это еще ошибка. Ступайте!

– Вы обещаете не уходить отсюда, пока я не вернусь?

– Да, обещаю.

– И если подтвердится мое опасение, вы позволите мне помочь вам?

– Да поможет мне тогда небо! На кого еще я могу положиться? Идите, идите!

Кенелм опять очутился на улице, под смешанным светом газовых фонарей и летней луны. Он машинально дошел до окраины города. Там он остановился и, сев на камень, предался следующим размышлениям:

«Кенелм, друг мой, ты попал в еще худшую беду, чем я предполагал час назад. Теперь, очевидно, у тебя на шее женщина. Скажи, ради бога, что ты будешь с ней делать? – Женщина, беглянка, имевшая намерение убежать с кем-то другим, убежала вместо того с тобой, – таковы превратности и противоречия человеческой судьбы! Какой смертный может считать себя в безопасности? Когда я проснулся сегодня утром, я меньше всего мог предполагать, что в этот самый день у меня будет столько хлопот с прекрасным полом. Будь у меня пылкий любовный темперамент, это было бы хоть некоторым оправданием паркам⁵³, подстроившим мне такую ловушку, но в данном случае этим глупым старым девам, всюду сующим свой нос, никакого оправдания нет. Кенелм, друг мой, как ты думаешь, способен ли ты когда-нибудь влюбиться? А влюбившись, как ты полагаешь, мог ли ты стать глупее, чем теперь?»

Кенелм еще не решил этого запутанного вопроса на совещании с самим собой, когда до его ушей долетели легкие, тихие музыкальные звуки. Их очевидно, издавал какой-то струнный инструмент, и, они походили бы на бречанье, если б ночная тишина и прозрачный

⁵³ Парки – в древнеримской религии богини судьбы. Их представляли в образе трех сестер, прядущих и обрезающих нить жизни.

воздух не придавали бы им особую мелодичность и нежность. Вскоре послышался и мужской, мягкий, богатый по тембру голос, но слов Кенелм не мог разобрать. Он невольно пошел в ту сторону, откуда доносились звуки, потому что Кенелм Чиллингли сам того не сознавая, обладал музыкальной душой. Он увидел перед собой зеленую лужайку, на которой рос одинокий вяз. Под сенью этого дерева стояла скамья для путников. Лужайку окаймляли полукругом несколько лавок и сад при таверне, похожей на красивый коттедж. За столиками в саду сидели скромные посетители, очевидно, мелкие торговцы или зажиточные ремесленники. У них был очень степенный вид, и они внимательно слушали музыку. Так же внимательно прислушивались к ней люди, стоявшие у дверей лавок и выглядывавшие, из окон верхних комнат. На лугу, под сенью вяза, стоял музыкант, и в том музыканте Кенелм сразу узнал путника, подавшего ему мысль отправиться в пешее странствование, которое уже привело его к весьма щекотливому положению.

Инструментом, на котором певец аккомпанировал себе, была гитара, а песня, очевидно, – любовная, хотя Кенелм не совсем разобрал ее содержание, так как расслышал, только конец. Но и этого было достаточно чтобы заметить: слова не были пошлы, как это обычно, бывает в уличных песенках, а просты и понятны и могли бы прийтись по вкусу самым непритязательным слушателям.

Когда певец кончил, рукоплесканий не последовало, но чувствовалось, что зрители взволнованы после только что пережитого наслаждения. Белый шпиц, до сих пор сидевший тихо и незаметно под скамейкой у вяза, вышел вперед с металлическим подносом в зубах и, всмотревшись кругом, точно выбирая, с кого начать общий сбор, важно приблизился к Кенелму и, став на задние лапы, протянул ему подносик.

Кенелм положил на него шиллинг, и собака с довольным видом отправилась дальше, к садовым столикам.

Приподняв шляпу, ибо он был в своем роде очень вежливым человеком, Кенелм подошел к певцу и рассчитывая, что незнакомец, только раз встретившийся с ним, не узнает его в новом платье, сказал:

– Судя по тому немногому, что мне удалось услышать, вы поете очень хорошо, сэр. Могу я узнать, кто сочинил слова песни?

– Слова мои, – ответил незнакомец.

– А музыка?

– Тоже моя.

– Примите мои поздравления. Надеюсь, эти плоды вашей одаренности приносят вам достаточный доход?

Певец, до сих пор едва удостоивший небрежным взглядом по-деревенски одетого собеседника, теперь внимательно взглянул на Кенелма и с улыбкой сказал:

– Ваш голос выдал вас, сэр! Мы уже встречались.

– Это правда, но тогда я не приметил вашей гитары и не предполагал, что вы таким первобытным способом хотите придать известность своему поэтическому дарованию.

– А я не ожидал встретить вас в облике деревенского парня. Сохраним про себя наши тайны. Тсс! Меня здесь знают только как странствующего менестреля⁵⁴.

– Я и обращаюсь к вам как к менестрелю. Если это не дерзость, позвольте спросить, знаете ли вы песни, освещающие вопрос с другой стороны?

– С какой стороны? Я не понимаю вас, сэр.

– Песня, которую вы только что пели, восхваляет притворство, которое обычно называют любовью. Не могли бы вы спеть что-нибудь поновее и несправедливее, воздав должную дань презрения этому помрачению рассудка.

⁵⁴ Менестрель – поэт, состоявший на службе при дворе феодального сеньора.

– Если я это сделаю, я не покрою своих дорожных издержек.

– Как, неужели это безумие так распространено?

– А разве ваше собственное сердце вам этого не говорит?

– Ни чуточки, и даже наоборот. Кстати, ваши слушатели, по-видимому, люди живущие своим трудом; не думаю, чтобы у них было время для таких праздных фантазий, потому что, как заметил Овидий⁵⁵, поэт, много писавший об этом предмете и знавший его в совершенстве, «мать любви – праздность». Разве вы не можете воспеть, ну, скажем, хороший обед? У всякого усердно трудящегося человека должен быть прекрасный аппетит.

Певец вновь устремил на Кенелма вопросительный взгляд, но не заметив и намека на шутку на его серьезном лице, не знал, что ответить, и промолчал в недоумении.

– Я вижу, – продолжал Кенелм, – что мои замечания вас удивляют; удивление исчезнет после размышления. Другой поэт, более рассудительного склада, чем Овидий, сказал: «миром правят любовь и голод»⁵⁶. Но на долю голода тут, конечно, приходится львиная доля. И если поэт действительно хочет отразить в своих песнях подлинную жизнь, большая часть его стихов должна быть посвящена желудку.

Увлечшись, Кенелм бесцеремонно положил руку на плечо музыканту, а голос его принял тон, граничивший с вдохновением:

– Согласитесь, что нормальный, здоровый человек влюбляется не каждый день. Но если он нормален и здоров, голод он испытывает ежедневно. Как раз в те ранние годы, когда, как утверждаете вы, поэты, человек особенно подвержен любви, он до того прожорлив, что для удовлетворения аппетита ему мало есть три раза в день. Вы можете посадить человека в тюрьму на целые месяцы, годы, даже на всю жизнь, с младенчества и до того возраста, который полагает предельным сэра Корнуолл Льюис, и не дать этому человеку случая влюбиться. Но если вы запрете его на неделю, не позаботившись наполнить чем-нибудь его желудок, вы в конце недели найдете беднягу мертвым, как колода.

Тут певец, постепенно отступавший перед энергичным натиском оратора, почти упал на скамью под вязом и просительно произнес:

– Сэр, вы совсем сбили меня с ног вашими аргументами. Не сообщите ли вы мне то заключение, которое выводите из ваших предпосылок?

– Я просто хочу сказать, что там, где вы найдете одно человеческое существо, интересующееся любовью, вы можете найти тысячу существ, не менее интересующихся обедом. И если вы желаете быть популярным миннезингером или трубадуром нашего века, будьте ближе к природе, сэр, будьте ближе к природе, бросьте избитые восхваления румяных ланит и настройте вашу лиру на тему о бифштексе.

Собака тем временем уже кончила свой обход и теперь стояла перед хозяином на задних лапах с подносом в зубах, довольно обильно наполненным медной монетой. Наконец, справедливо обидевшись на невнимание, которое заставляло ее стоять в этой неудобной позе, она бросила поднос и заворчала на Кенелма.

В то же время из сада слышались нетерпеливые голоса. Слушатели требовали еще песен за свои деньги.

Певец встал, повинувшись призыву.

– Извините, сэр, я должен...

– Опять петь?

– Да.

– На ту тему, которую я вам предложил?

⁵⁵ «...как заметил Овидий...» – В поэме римского поэта Овидия «Лекарство от любви» сказано: «Уничтожь праздность, и гибнет лук Купидона» (I, 139).

⁵⁶ «...миром правят любовь и голод.» – Кенелм цитирует заключительные строки стихотворения И.-Ф. Шиллера «Мудрецы» (1795): «Чтоб не был мир расколот, царят любовь и голод».

– Нет, конечно.

– Как! Опять о любви?

– Боюсь, что да.

– В таком случае прощайте. Вы, кажется, человек образованный – тем более должно быть вам стыдно. Может быть, мы опять встретимся в наших скитаниях и тогда еще раз хорошенько обсудим этот вопрос.

Кенелм приподнял шляпу и повернул назад.

Прежде чем он успел дойти до улицы, нежный голос певца опять долетел до его слуха, но издали можно было расслышать лишь одно слово, звучавшее в конце каждого припева: «Любовь».

– Чепуха! – сказал Кенелм.

Глава VI

Когда Кенелм дошел до улицы, украшение которой составляло здание отеля «Трезвость», какая-то фигура, живописно задрапированная в испанский плащ, промчалась мимо него, но все же не настолько быстро, чтобы Кенелм не мог узнать в ней трагика.

— Гм, — пробормотал он себе под нос. — На его лице что-то незаметно особого торжества. Наверно, актер получил хорошую головомойку.

Когда Кенелм вошел в столовую, мальчик — если спутника Кенелма все еще можно называть таким образом — стоял, опираясь на каминную доску. В его сухих глазах и беспокойной позе отражалось глубокие уныние.

— Милое дитя, — самым мягким и грустным тоном сказал Кенелм, — я не жду от вас признаний, которые могут быть вам тягостны. Однако позвольте мне надеяться, что вы навсегда выбросили из головы мысль поступить на сцену.

— Да, — прозвучал едва слышный ответ.

— Стало быть, остается решить, что теперь делать.

— Право, не знаю. А впрочем, все равно!

— Так предоставьте мне знать и позаботиться о вас. И на миг приняв за факт величайшую ложь в нашем, лживом мире, а именно, что все люди — братья, смотрите на меня как на старшего брата, который будет советовать вам и направлять вас, как неразумную младшую сестру. Я вас хорошо понимаю. Так или иначе, вы после того, как восхищались Комптоном в роли Ромео или Ричарда Третьего, познакомились с ним лично. Он оставлял вас в убеждении, что не женат. В романтическую минуту вы и бежали из дома с целью поступить на сцену и сделаться миссис Комптон.

— Ах, — вскричала молодая девушка, так как для читателя уже не тайна, что она не мальчик, — ах, — воскликнула она, взволнованно всхлипывая, какая я была дура! Только не судите обо мне хуже, чем я заслуживаю. Этот человек обманул меня; он не думал, что я пойму его слова серьезно и последую за ним сюда, иначе он сумел бы спрятать от меня жену. Я не узнала бы о ее существовании, и... и...

От наплыва чувств у нее оборвался голос.

— Но теперь, когда вы знаете истину, надо благодарить бога, что вы спасены от стыда и несчастья. Я сейчас же пошлю телеграмму вашему дяде, скажите мне его адрес.

— Нет! нет!

— Никаких «нет» здесь быть не может, дитя мое! Надо спасти вашу будущность и вашу репутацию. Предоставьте мне объяснить все вашему дяде. Ведь он ваш опекун? Его нужно вызвать. Не спорьте, другого выхода нет. Сейчас вы можете сколько угодно ненавидеть меня за то, что я действую против вашей воли, но впоследствии вы меня поблагодарите. Если вам и тяжело будет увидеть дядю и выслушать его упреки, помните, что каждая вина заслуживает наказания. Мужественная натура переносит его бодро, видя в нем часть искупления за вину. Вы не малодушны. Покоритесь и, покоряясь, радуйтесь!

В голосе и во всем обращении Кенелма было столько доброты и в то же время властности, что своевольная девушка безоговорочно ему повиновалась. Она дала адрес дяди: «Джон Бовил, эсквайр, Оукдейл, близ Уэстмира». Потом, с грустью взглянув на своего молодого руководителя, проговорила просто и печально:

— Будете ли вы теперь больше уважать или, вернее, меньше презирать меня?

Девушка казалась совсем юной, почти ребенком, и сказала она это так по-детски, что Кенелм почувствовал отеческое желание посадить ее к себе на колени и поцелуями осушить ее слезы. Но он благоразумно воздержался от этого порыва и с грустной улыбкой сказал:

– Если люди будут презирать друг друга за молодость и ее ошибки, то чем скорее нас уничтожит та высшая раса, которая займет наше место на земле, тем лучше. До свидания, до приезда вашего дяди.

– Как, вы оставляете меня здесь... одну?

– Видите ли, если б ваш дядя застал меня под одной кровлей с вами теперь, когда мне известно, что вы его племянница, разве не имел бы он права вышвырнуть меня в окно? Позвольте же мне соблюдать ту осторожность, которую я проповедовал вам. Пошлите за хозяйкой, чтобы она проводила вас в вашу комнату, запритесь там, лягте и старайтесь не плакать.

Кенелм вскинул на плечи сумку, которая лежала в углу, разузнал, где телеграфная контора, отправил мистеру Бовилу телеграмму, снял комнату в «Коммерческом отеле» и наконец заснул, пробормотав мудрое изречение: «Ларошфуко⁵⁷ был совершенно прав, утверждая, что влюбленных было бы меньше, если бы вокруг постоянно не толковали о любви».

⁵⁷ Ларошфуко Франсуа (1613–1680) – французский писатель, автор «Мемуаров» (1662) и знаменитой книги «Размышления, или Сентенции и максимы о морали» (1655), представляющей блестящий образец афористической прозы..

Глава VII

Кенелм Чиллингли по обыкновению встал с зарей и направился к отелю «Трезвость». В этом скромном здании все казалось еще погруженным в объятия Морфея.

Молодой человек прошел в конюшню, где оставил серую лошадку, и с удовольствием увидел, что так сильно пострадавшее накануне животное добросовестно чистит конюх.

– Вот это хорошо, – сказал он конюху, – приятно видеть, что вы так рано на ногах.

– Да ведь хозяин лошади, – ответил конюх, – поднял меня в два часа ночи. И рад же он был, когда увидал, что у нее свежая подстилка и вообще она в порядке.

– Ага, так он приехал? Полный такой мужчина?

– Да, полный джентльмен и притом очень горячий. Приехал на паре почтовых и всполошил весь дом. И меня разбудил, чтобы я показал ему его лошадь, и страшно взбесился, когда не получил грога в отеле «Трезвость».

– Представляю себе. Жаль, что он остался без грога. Грог привел бы его в лучшее расположение духа. Бедняжка! – пробормотал Кенелм, уходя. – Боюсь, что ее изрядно отчитают. А там, полагаю, придет моя очередь. Впрочем, он, должно быть, добрый человек, раз прискакал за племянницей среди ночи.

В девятом часу Кенелм вторично явился в отель «Трезвость» и спросил мистера Бовила. Чисто одетая горничная провела его в гостиную, где Бовил весьма мирно сидел с племянницей за завтраком. Разумеется, она была еще в мужском костюме, так как другого в ее распоряжении не было. К величайшему облегчению молодого человека, Бовил поднялся с сияющим лицом и протянул ему руку:

– Сэр, вы благородный человек! – сказал он. – Садитесь, садитесь, позавтракайте с нами.

Как только служанка вышла из комнаты, он продолжал:

– От этой дурочки я узнал, как прекрасно вы поступили. Могло выйти хуже, сэр!

Кенелм наклонил голову и молча придвинул к себе хлеб. Потом, сообразив, что обязан как-нибудь извиниться, он сказал:

– Надеюсь, вы простите мне мою ошибку, когда...

– ...вы меня сбили с ног или, вернее, дали мне подножку. Считайте, что теперь все улажено. Элси, налей чашку чаю. Милая плутовка, а? И славная девушка, несмотря на свое сумасбродство. Это моя вина, что я пускал ее в театр и позволил сдружиться с полоумной старой девой, помешанной на искусстве. Все же можно бы, кажется, этой мисс Локит иметь настолько смысла, чтоб не вовлекать ребенка в подобную историю!

– Не вините ее, дядя, – решительным тоном воскликнула девушка, – и никого не вините, кроме меня!

Кенелм одобрительно взглянул на нее своими темными глазами и увидел, что она крепко сжала губы. Лицо ее выражало не горе или стыд, но твердую решимость. Однако, когда их взоры встретились, она тихо опустила глаза и вспыхнула до ушей.

– Ну да, – сказал дядя, – как это похоже на тебя, Элси: всегда готова взять на себя чужую вину! Хорошо, хорошо, оставим это. А вас, мой молодой друг, что заставило расхаживать пешком по белу свету? Простая фантазия?

С этими словами он пристально всмотрелся в Кенелма взглядом человека, привыкшего изучать лица собеседников. И действительно, более проницательной личности, чем Бовил, трудно было встретить на бирже или на рынке.

– Я путешествую пешком для личного удовольствия, – лаконично ответил Кенелм и невольно насторожился.

– Понимаю, – с добродушным смехом воскликнул Бовил, – однако вы не отказываетесь и от тележки с лошадкой, если они достаются вам даром! Ха, ха, простите, я пошутил!

Тут Бовил, по-прежнему не теряя отличного расположения духа, круто повернул разговор на общие предметы. Они поговорили об урожае: о торговле хлебом, о положении на рынке. Не забыл он и политики, коснувшись мимоходом международного престижа Англии. Кенелм почувствовал, что тот испытывает его, хочет заставить высказаться, и потому отвечал односложно, выказывая полное невежество по всем затронутым вопросам. И если бы философ, наследник Чиллингли, позволял себе чему-либо удивляться, он, несомненно, был бы поражен, когда Бовил встал, хлопнул его по плечу и с полным удовлетворением заявил:

– Я так и знал, сэр, вы ничего во всем этом не смыслите! Вы джентльмен по рождению и воспитанию – грубой одеждой вы этого не скроете. Элси была права. Дорогая, оставь нас на минуту, одних, мне надо переговорить с нашим молодым другом. А ты пока готовься, скоро поедем.

Элси встала и покорно направилась к двери. Там она приостановилась, обернулась и робко поглядела на Кенелма. Когда она вышла из-за стола, он, разумеется, тоже встал, сделал несколько шагов, чтобы отворить ей дверь. Их взоры встретились. Он не понял значения ее робкого взгляда, нежного, смиренного, умоляющего. Человек, привыкший к победам над женщинами, усмотрел бы в нем нечто большее, нечто такое, что могло бы служить ключом ко многому. Но это нечто было неведомым языком для Кенелма Чиллингли.

Когда мужчины остались одни, Бовил сел и предложил стул Кенелму.

– Теперь, молодой человек, – сказал он, – мы можем говорить свободно. Ваше вчерашнее приключение, пожалуй, счастливейший случай, который вам выпал.

– Я вполне счастлив, если мог быть полезен вашей племяннице. Но, я думаю, ее собственный здравый смысл помог бы ей, будь она даже одна, когда она узнала бы – а это неминуемо должно было случиться, что Комптон, умышленно или нет, оставлял ее в заблуждении, будто он человек холостой!

– Ну его к черту! С ним дело кончено. Я человек простой и прямо приступаю к делу. Увезли мою племянницу вы, с вами она приехала в этот отель. Когда же Элси рассказала мне, как благородно вы поступили, объяснила, что ваши манеры и разговор выдают в вас настоящего джентльмена, я тотчас принял решение. Я приблизительно угадываю, кто вы: сын дворянина, вероятно еще в колледже, надо полагать – не обременены избытком капиталов и в маленькой ссоре с отцом, который не дает вам денег. Не перебивайте меня! Так вот, Элси – славная и хорошенькая девушка, она будет наилучшей женой, какую только можно пожелать. И слушайте внимательно: за нею двадцать тысяч фунтов. Итак, доверьтесь мне, а если вы не желаете, чтобы родители ваши узнали об этом прежде времени, то есть до тех пор, пока дело не будет сделано и им ничего больше не останется, как просить вас и благословить, – что ж, мы в один миг женим вас на Элси, вы и глазом не успеете моргнуть.

Первый раз в жизни Кенелм Чиллингли испытал ужас. Он оцепенел. У него вытянулось лицо, язык прилип к гортани. Если волосы вообще способны встать дыбом, именно это случилось теперь с Кенелмом. Наконец, сделав над собой сверхъестественное усилие, он произнес:

– Жениться?!

– Да, жениться. Если вы джентльмен, вы обязаны это сделать. Вы скомпрометировали мою племянницу – девушку добродетельную, достойную уважения, сэр, сироту, но не беззащитную. Повторяю, вы силою вырвали ее из моих рук, напав на меня, и бежали с ней. Что бы сказал об этом свет? Поверил бы он, что вы вели себя благоразумно? Благоразумное поведение можно было бы объяснить только тем уважением, которое вы питали к своей будущей жене. Да и где вы найдете лучшую? Где найдете вы дядю, который согласился бы

расстаться со своей подопечной и двадцатью тысячами фунтов, не спросив даже, есть ли у вас шесть пенсов за душой? И девушке вы понравились, я же вижу – разве отказалась бы она так легко от актера, если б вы не похитили ее сердца? Нет, молодой человек, вы не подлец. Итак, по рукам!

– Мистер Бовил, – ответил Кенелм, к которому вернулось самообладание, я невыразимо польщен честью, которую вы мне оказываете; и я не отрицаю, что мисс Элси может составить счастье человека значительно достойнее меня. Но я питаю непреодолимое предубеждение против брака. Если дозволено религиозному человеку возражать против чего-либо, написанного апостолом Павлом⁵⁸, – а вольность эту, кажется, можно разрешить простому мирянину, раз высшие представители духовенства подвергают критике Библию так свободно, словно это «История королевы Елизаветы» Фрула⁵⁹, – я протестовал бы против доктрины, будто лучше жениться, чем сгореть; лично я предпочел бы последнее. При таких взглядах не подобает тому, кого вы наделяете почетным званием джентльмена, везти с собой другое существо на жертвенный алтарь. Что же касается репутации мисс Элси, то ведь в телеграмме, которую я вам послал, я предлагал вам спросить в гостинице про «молодого человека», а не про девушку, стало быть, здесь никому не известно, что она не мальчик, если только вы сами об этом не разгласили. И...

Кенелм не мог договорить, так как дядя Элси буквально пришел в бешенство. Чуть ли не с пеной у рта он топал ногами и размахивал кулаками перед самым носом молодого человека:

– Вы смеетесь надо мной, сэр! Но Джон Бовил не из тех, с кем можно так шутить. Вы женитесь на девушке! Я не потерплю, чтобы ее швырнули мне назад. Я не желаю, чтобы она отравляла мне существование всякими выдумками и причудами. Вы увезли ее, ну и оставляйте у себя, или я переломаю вам все кости!

– Что ж, ломайте, – покорно согласился Кенелм, но в то же время стал в такую грозную оборонительную позицию, что пыл его противника разом охладел. Мистер Бовил опустил на стул и отер лоб. Кенелм ловко воспользовался одержанным преимуществом и продолжал кротко рассуждать:

– Когда к вам вернется обычная ясность духа, мистер Бовил, вы сами увидите, в какую ошибку вы впали из-за весьма простительного желания, с одной стороны, упрочить счастье вашей племянницы, а с другой, добавлю я, вознаградить меня за то, что вы сами признаете поведением деликатным и благовоспитанным. Вы ничего обо мне не знаете. Я могу оказаться обманщиком или мошенником, могу иметь всевозможные пороки, однако вы, довольствуясь моим словом или, вернее, вашим собственным предположением, что я по рождению джентльмен, готовы отдать мне племянницу с ее двадцатью тысячами фунтов. Это у вас просто минутное помрачение ума. Позвольте мне уйти, чтобы вы могли успокоиться.

– Пойдите, сэр, – угрюмо остановил его Бовил, меняя тон, – я не такой сумасшедший, каким вы меня считаете. Сознаюсь, что я погорячился и говорил грубо. Тем не менее факты остаются такими, как я их изложил, и я не вижу причин, почему вы, человек чести, можете уклониться от женитьбы на моей племяннице. Разумеется, увозя ее, вы искренне заблуждались, но сам факт похищения не подлежит сомнению. И если, предположим, дело дойдет до суда, оно примет для вас и для вашей семьи некрасивый оборот. Одна женитьба могла бы все поправить. Ну, хорошо, я признаюсь, что слишком прямо приступил к деловой стороне. Я больше не настаиваю, чтобы вы тотчас женились на моей племяннице. Вы видели

⁵⁸ Апостол Павел – деятель раннехристианской церкви (I в; н. в.). Осуждал секты, проповедовавшие безбрачие. Таким образом, возражать против... написанного апостолом Павлом означает в данном случае питать предубеждение против брака.

⁵⁹ Фрул Джеймс (1818–1894) – автор многотомной «Истории Англии от падения Уолси до разгрома Испанской Армады», в значительной мере посвященной царствованию Елизаветы I.

ее только переодетой и в ложном положении. Навестите меня в Оукдейле, погостите с месяц, и если в конце этого времени она не полюбится вам настолько, чтобы вы могли сделать предложение, я отпущу вас и не скажу ни слова.

Пока Бовил говорил, а Кенелм слушал, ни тот, ни другой не заметил, что дверь тихо отворилась и на пороге остановилась Элси. Кенелм не успел ответить на последнее предложение Бовила, как она очутилась посреди комнаты и, высоко подняв голову, с густою краской на щеках и дрожащими губами, воскликнула:

– Дядя, стыдитесь! – потом обратилась к Кенелму и тоном глубокой тоски произнесла: – О, не подумайте, что это делалось с моего ведома.

Тут она закрыла руками лицо и замолкла.

В молодом человеке пробудилось все рыцарство, внушенное ему именем, которым он был наречен при крещении. Он вскочил со стула, преклонил перед девушкой колени и, взяв ее за руку, воскликнул:

– Я так же убежден в том, что слова дяди вас возмущают, как и в том, что вы девушка с чистым сердцем и возвышенной душой. И я буду гордиться вашей дружбой! Мы еще увидимся!

Потом, выпустив ее руку, он обратился к Бовилу со словами:

– Вы недостойны сэра, быть покровителем вашей племянницы. Иначе она не поступила бы так опрометчиво. Если у нее есть какая-нибудь родственница, вы должны отдать мисс Элси на ее попечение.

– Есть, есть! – воскликнула Элси. – Сестра моей покойной матери. Отпустите меня к ней.

– К начальнице школы? – насмешливо заметил Бовил.

– Отчего же нет? – спросил Кенелм.

– Раньше Элси ни за что не хотела к ней ехать. Я предлагал ей это год назад. Тогда ветреница никак не соглашалась отправиться в школу.

– Теперь я поеду, дядя.

– Прекрасно, я немедленно отправлю тебя туда. Надеюсь, ты там посидишь на хлебе и воде. Дура, дура! Испортила себе будущность. Ну, раз Элси сама себе враг, я могу доказать вам, мистер Чиллингли, что я вовсе не такой уж болван, каким вы меня считаете: я был на празднике, данном в честь вашего совершеннолетия; мой брат – арендатор вашего отца. В пылу нашей первой встречи я не узнал вас в этом платье, но, по пути домой, стал припоминать, что где-то вас видел, а когда вы сегодня вошли сюда, я тотчас вспомнил, кто вы. Между нами была стычка, кто – кого. Вы одержали верх, но лишь из-за этой дуры. Если б она не сунула мне палки в колеса, то могла бы сделаться миледи. Прощайте, сэр.

– Мистер Бовил, вы предлагали мне пожать друг другу руки. Сделаем это теперь и дайте мне честное слово благородного человека, что мисс Элси, если она того желает, немедленно отправится к своей тетке, начальнице школы. Знаете что, любезный друг (Это было сказано мистеру Бовилу на ухо): мужчине с женщиной никогда не управиться. До выхода замуж благоразумный человек предоставляет девушку попечению женщин, а после этого она начинает управлять мужем – вот и все.

Кенелм ушел.

– О, мудрый юноша! – пробормотал Бовил. – Элси, как же ты, милая, поедешь к тетке в таком наряде?

Девушка вздрогнула, будто пробудилась от сна, и все еще не отрывала взора от двери, в которую вышел Кенелм.

– Наряд! – презрительно сказала она. – Разве трудно заменить его другим в городе, где есть лавки?

– Ей-богу, – пробормотал Бовил, – этот юноша – сущий Соломон. Если я не могу управиться с Элси, то она-то управится с мужем, когда добудет себе его.

Глава VIII

«Клянусь всеми силами, охраняющими невинность и безбрачие, – говорил самому себе Кенелм Чиллингги, – я едва спасся. Будь это амфибиоподобное существо в женском платье, а не в костюме мальчика, когда оно появилось словно божество в древних драмах, я погрузил бы моих геральдических рыб в кипяток. Трудно, правда, предположить, чтобы молодая особа, вчера влюбленная по уши в Комптона, сегодня отдала свое сердце мне. Однако она взирала на меня так, будто это возможно; из чего следует, что никогда не надо доверять ни женскому сердцу, ни женским взорам. Прав Децимус Роуч: мужчина должен постоянно избегать женщин, если хочет приблизиться к ангелам».

Так рассуждал Кенелм, выходя из города, в котором подвергся столь тяжким искушениям и испытаниям, и направляясь по извилистой уединенной тропинке меж лугов и хлебных полей, так как этот путь сокращал на три мили расстояние до города с кафедральным собором, где юноша намеревался остановиться на ночлег.

Он шел уже несколько часов, и солнце начинало склоняться к ряду голубоватых холмов на западе, когда Кенелм очутился на берегу прохладного ручейка, осененного перистыми ивами и трепещущими листьями серебристого пирамидального тополя. Пленный свежестью и тишиной этого уголка, Кенелм бросился на траву, вынул из сумки куски хлеба, которыми благоразумно запасся, и, макая их в чистую влагу, струившуюся по каменистому руслу, поел с таким удовольствием, – что эпикурейцы отдали бы все свои пышные трапезы за подобный аппетит молодости. Потом он растянулся на берегу, примяв дикий чабрец, пышно растущий в чаще, особенно близ воды – будь то лужа или лесной ключ, – и впал в то состояние, среднее между сном и бдением, которое мы называем грезами. Невдалеке слышался тихий, усыпляющий звук серпа, и в лицо Кенелму веял воздух, полный благоухания только что скошенного сена.

Пробудил его от дремоты легкий удар по плечу. Лениво повернув голову, Кенелм увидел перед собой веселое, добродушное лица и массивные плечи и услышал сильный, но приятный голос, который говорил:

– Если вы не очень устали, молодой человек, не поможете ли мне убрать сено? У нас мало рабочих рук, а я боюсь, что скоро будет дождь.

Кенелм встал и отряхнулся, потом серьезно посмотрел на незнакомца и ответил обычным для него поучительным тоном:

– Люди рождены, чтобы помогать ближним, в особенности же убирать их сено, пока еще светит солнце. Я к вашим услугам.

– Вы добрый малый, и я вам очень обязан. Я, видите ли, рассчитывал на партию сезонных косарей, но их перехватил другой фермер. Идем сюда!

Он пролез сквозь кустарник и вышел в сопровождении Кенелма на большой луг, одну треть которого еще косили, тогда как на остальной части мужчины и женщины ворошили сено. Сняв куртку, Кенелм вскоре присоединился к работникам и со свойственным ему грустным и покорным видом тоже стал раскидывать сено. Хотя сначала ему трудно было приспособиться к незнакомым орудиям труда, но привычка к физическим упражнениям наделила Кенелма неоцененным качеством ловкостью. Скоро он стал выделяться среди других проворством и аккуратностью. Что-то в нем – быть может, наружность или просто то, что он был чужак, – привлекло внимание работниц, и прехорошенькая девушка, которая была к Кенелму ближе остальных, попыталась вступить с ним в разговор.

– Это дело для вас новое, – сказала она, улыбаясь.

– Ничего нового для меня не бывает, – мрачно возразил Кенелм. – Однако позвольте заметить вам, что двух дел разом хорошо не сделаешь. Меня здесь поставили сено убирать, а не болтать.

– Вот как! – изумленно воскликнула девушка и отвернулась, вскинув хорошенькую головку, «Хотел бы я знать, есть ли у этой дрянной девчонки дядя», – подумал Кенелм.

Фермер, который трудился вместе со всеми, останавливаясь по временам, чтобы осмотреться вокруг, с искренним, одобрением отметил усердие Кенелма и по окончании работы крепко пожал ему руку, оставив в ней монету в два шиллинга. Наследник рода Чиллингли поглядел на нее и повертел на ладони.

– Может, мало? – недоверчиво спросил фермер.

– Простите, – возразил Кенелм, – но, сказать по правде, это первые деньги, которые я заработал собственными руками, и я гляжу на них с любопытством и уважением. Однако, если вас это не обидит, я предпочел бы, чтобы вместо денег вы предложили мне ужин. С утра у меня ничего не было во рту, кроме хлеба и воды.

– Вы получите и деньги и ужин, дружище, – весело ответил фермер. – Если же вы согласитесь остаться и помогать мне, пока я не уберу сено, моя добрая хозяйка устроит вам постель получше, чем в здешнем отеле, если вообще там еще окажется свободная комната.

– Вы очень добры. Но, прежде чем я воспользуюсь вашим гостеприимством, разрешите задать вам один вопрос: нет ли у вас племянниц?

– Племянниц? – повторил фермер, машинально сунув руки в карманы штанов, словно рассчитывая там что-то найти. – Нет ли у меня племянниц? Что вы хотите сказать? Уж не так ли теперь называют медные деньги?

– Нет, скорее медные не деньги, а медные лбы. Впрочем, я говорил не в переносном смысле. Я вообще против племянниц, в силу теории, подтвержденной опытом.

Фермер вытаращил глаза и подумал, что, очевидно, его новый приятель значительно слабее в умственном отношении, чем в физическом.

– Успокойтесь в таком случае, – ответил он, посмеиваясь, – у меня только одна племянница, да и та замужем за торговцем железными изделиями и живет в Эксетере.

Придя домой, хозяин Кенелма повел его прямо в кухню и громко окликнул миловидную средних лет женщину, которая вместе со здоровенной работницей была занята приготовлением пищи.

– Эй, милая, я привел к тебе гостя, который заслужил ужин, поработав за двоих: и я обещал ему постель.

Фермерша быстро обернулась.

– К ужину милости просим от всей души. А что до постели, – прибавила она с сомнением в голосе, – то я, право, не знаю...

Тут она остановила взгляд на Кенелме. Весь его облик был настолько непохож на бродячего батрака, что она невольно присела перед ним и продолжала совсем другим тоном:

– Джентльмена можно положить в гостиной. Надо только сперва привести ее в порядок; ты знаешь, Джон, вся мебель под чехлами.

– Ладно, жена, все успеешь приготовить, времени хватит. Будь уверена, он не захочет взбираться на насест, пока не поужинает.

– Разумеется, нет, – подтвердил гость, принявшись к аппетитным запахам, доносящимся из кухни.

– Где девочки? – спросил хозяин.

– Они вернулись минут пять назад и пошли наверх привести себя в порядок.

– Какие девочки? – спросил Кенелм, запинаясь и отступая к дверям. Кажется, вы сказали, что у вас нет племянниц?

– Но я не говорил, что у меня нет дочерей. Не боитесь же вы их, надеюсь?

– Если ваши дочери, – возразил Кенелм, дипломатически уклоняясь от прямого ответа, – похожи на мать, я не убежден, что они не опасны.

– Ловко сказано! – воскликнул фермер с довольным видом, меж тем как жена его улыбнулась и покраснела. – Ловчее вы не могли бы произнести речь перед избирателями в графстве. Полагаю, не от косарей вы научились такому тонкому обращению? Может быть, я позволил себе вольности с тем, кто не мне чета?

– О какой вольности вы говорите? – спросил вежливо Кенелм. – Разве о вольном обращении с шиллингами. Извините, но назад вы их едва ли получите. Я, конечно, не так знаком с жизнью, как вы, но, по моему опыту, кому бы человек ни отдал свои деньги, вернее всего, что он их больше не увидит.

При этом изречении фермер расхохотался так, что чуть не задохнулся, жена его усмехнулась, и даже работница ухмыльнулась во весь рот. Сохраняя неизменно серьезный вид, Кенелм между тем рассуждал про себя:

«Острословие состоит из очевидных истин, представленных в виде эпиграмм, и самое глупое замечание о ценности денег, как и о ничтожности женщин, всегда и у всех встретит одинаковое сочувствие. Несомненно, я остроумец, сам того не подозревая».

Тут фермер коснулся его плеча – коснулся, а не хлопнул, как сделал бы это минут десять назад, – и сказал:

– Не надо мешать хозяйке, а то ужина мы не получим. Я пойду загляну на скотный двор. А вы понимаете что-нибудь в коровах?

– Как же, я знаю, что коровы дают сливки и масло. Лучшие коровы те, которые, не требуя больших расходов, дают наибольшее количество сливок и масла. Но как производить сливки и масло по такой цене, чтобы бедный человек мог без больших затрат видеть их за завтраком у себя на столе, – это вопрос, подлежащий решению нового парламента и либерального правительства. Однако не будем мешать приготовлению ужина.

Хозяин и гость вышли из кухни во двор фермы.

– Вы в наших краях совсем чужой?

– Совсем.

– И даже не знаете, как меня зовут?

– Нет, я только слышал, что жена ваша называла вас Джоном.

– Мое имя Джон Сэндерсон.

– А, так вы северянин! Вот почему вы так толковы и умны. Имена, кончающиеся на «сон», большей частью принадлежат потомкам датчан, которым король Альфред⁶⁰ – мир праху его! – щедро предоставил не менее шестнадцати графств. И когда датчанина называли чьим-то сыном⁶¹, это значило, что он сын значительного лица.

– Ей-богу, никогда об этом не слышал!

– Если б я предполагал, что вы это уже слышали, я и не стал бы об этом говорить.

– Я сказал вам, как меня зовут; теперь ваша очередь назвать свое имя.

– Человек умный задает вопросы, но отвечает на них только глупец. Предположите на минутку, что я не глупец.

Фермер Сэндерсон почесал в затылке с озадаченным видом, который не совсем приличествовал потомку датчан, поселенных королем Альфредом на севере Англии.

– Черт возьми, я думаю, что и вы йоркширец, – сказал он наконец.

– Человек, наиболее самодовольное из всех животных, утверждает, что только он один наделен высшим даром мышления, а остальные животные – лишь низшей, механиче-

⁶⁰ Альфред (849–900) – король Уэссекса (с 871 г.), наиболее могущественного из англосаксонских королевств. После упорной борьбы с датчанами, захватившими значительную часть Англии, ему удалось укрепить государство и склонить датского короля Гутруна на раздел территории.

⁶¹ Son – сын (англ.).

ской способностью, называемой инстинктом. Однако, поскольку инстинкт неизменно верен, а мысли по большей части ошибочны, людям нечего хвастать своим мнимым преимуществом. Думая обо мне и решая, что я йоркширец, вы ошибаетесь. Теперь скажите: положившись на один инстинкт, вы можете угадать, когда мы сядем за ужин... А вот коровы, которых вы идете осматривать, угадывают час и минуту, когда им дадут корм.

К фермеру вернулось сознание своего превосходства, когда он вспомнил, что он хозяин, а его собеседник только гость, которого он собирается угощать ужином.

– Ужин будет через десять минут, – сказал он, но немного погодя прибавил неодобрительным тоном, так как не хотел, чтобы его сочли чванливым: – Мы не ужинаем на кухне. Отец да и я сам всегда ужинали на кухне, пока я не женился. Но моя Бесс, хотя и лучшая жена, какая может быть у фермера, дочь торговца и воспитана иначе. За нею, надо сказать, было и денег порядочно. Но если бы и гроша не было, я все равно не хотел бы, чтобы ее родня говорила, будто я унизил ее: поэтому мы ужинаем в комнате.

– По-моему, – сказал Кенелм, – самое главное, чтобы был ужин. А если он обеспечен, – больше шансов на успех в жизни у того, кто предпочитает ужинать в комнате, а не на кухне. Однако я вижу насос; пока вы сходите к коровам, я вымою руки.

– Пойдите! Вы остры на язык и далеко не глупы. У меня сын – славный парень, но очень зазнался; никому из нас слова молвить не дает, воображает, что он не из последнего десятка. Вы оказали бы мне, да и ему самому, услугу, если б немного сбили с него спеси.

Кенелм, который уже усердно качал воду, в ответ только дружелюбно кивнул головой. Однако, как обычно в таких случаях, он не замедлил пофилософствовать, пока мыл лицо в струе воды, бившей из насоса:

«Неудивительно, что каждый маленький человечек находит приятным унижить большого, если даже отец просит постороннего сбить спесь с сына только за то, что тот считает себя не последним человеком. Основываясь на этом законе человеческой природы, критика благоразумно отказывается от притязаний на аналитическую научность и становится выгодным промыслом. Она рассчитывает, что ее читатели испытывают удовольствие, когда она низводит кого-нибудь с высоты».

Глава IX

Дом фермера был чистый и приятный для глаз, как и подобает дому с двумя или тремя-стами акров приличной пахотной земли, возделываемой заботливым хозяином, который хотя и обрабатывал ее по старинке, не употребляя ни косилок, ни паровых плугов и не занимаясь химическими опытами, но все же вкладывал в нее порядочные деньги и получал неплохой доход.

Ужин был накрыт в большой, хотя и низкой комнате со стеклянной дверью, отворенной теперь настежь, как и окна с частым переплетом. Последние выходили в садик, полный разросшихся там старомодных английских цветов, которые в настоящее время изгнаны из садов с большими притязаниями, хотя и с несравненно меньшим благоуханием. В одном углу находилась беседка, увитая жимолостью, против нее стоял ряд ульев. Сама комната была уютна и отличалась тем изяществом, которое свидетельствует о женском вкусе. По стенам висели на голубых лентах полки с книжками в красивых переплетах; на всех окнах стояли горшки с цветами; было тут и небольшое фортепьяно. Вперемежку красовались гравюры? изображавшие магнатов графства и премированных быков, а также образцы вышивки шерстью по канве, со стихами нравственного содержания, именами и днями рождения бабушки фермера, его матери, жены и дочерей. Над камином висело небольшое зеркало, а над ним, в качестве трофея, лисий хвост. В углу помещался стеклянный шкафчик, полный старого китайского, индийского и английского фарфора.

Общество состояло из фермера, его жены, трех цветущих дочерей и бледного, художавшего малого лет двадцати, единственного сына фермера. Юноша не питал склонности к земледелию. Он учился в средней школе и набрался там высоких идей о «шестивии разума» и «прогнесе века».

Будучи серьезнейшим из смертных, Кенелм, однако, не был застенчив. Вообще застенчивость – признак болезненного самолюбия; последним же свойством молодой Чиллингли едва ли был наделен в большей мере, чем три рыбы на его родовом гербе.

Он чувствовал себя совершенно свободно в обществе своих хозяев, однако строго следил за тем, чтобы оказывать одинаковое внимание трем девушкам и старался, чтобы у них не возникло и мысли о предпочтении какой-либо одной.

«Некоторые числа безопасны, – думал он, – особенно нечетные. Три грации не были замужем и также – девять муз».

– Вы, верно, любите музыку? – обратился Кенелм сразу ко всем трем девушкам, бросив взгляд на фортепьяно.

– Очень люблю, – ответила старшая.

А фермер, накладывая гостю на тарелку вареной говядины с морковью, добавил:

– Теперь не то, что было в мое время. Когда я был мальчиком, только дочерей крупных арендаторов учили играть на фортепьяно, а сыновей посылали в хорошую школу. Ну, а теперь мы, маленькие люди, помогаем своим детям взобраться на две-три ступеньки выше, чем стоим сами.

– Школьный учитель сейчас в почете! – провозгласил сын с торжественностью мудреца, прибавляющего новое изречение к сокровищнице человеческой мудрости.

– Без сомнения, в нынешнем поколении образование распространено шире, чем в предыдущем, – согласился Кенелм. – Люди всех сословий изрекают одни и те же общие места, даже почти в одних и тех же выражениях. И по мере того как демократия расширяет свои умственные пределы, в ней, по словам одного моего приятеля – доктора,

все чаще наблюдаются неприятные болезни, например, *tic douloureux*⁶² и другие невралгические страдания, прежде встречавшиеся только исключительно у так называемой аристократии, — хотя настоящего значения этого слова на простом языке я, право, не знаю, — и человеческая порода, по крайней мере в Англии, становится все слабее и мельче. Существует легенда о человеке, который, достигнув глубокой старости, превратился в кузнечика⁶³. Английская нация очень стара и, очевидно, близится к эпохе превращения в кузнечиков. Быть может, это оттого, что мы едим меньше мяса, чем наши предки. Позвольте мне еще кусочек!

Рассуждения Кенелма были несколько выше понимания его слушателей. Но сын хозяйина, приняв их за порицание просвещенному духу века, вспыхнул и, нахмутив брови, сказал:

— Надеюсь, вы не враг прогресса, сэр?

— Смотря по обстоятельствам. Я, например, предпочитаю оставаться там, где мне хорошо, чем идти дальше и найти худшее.

— Хорошо сказано! — воскликнул фермер.

Не устаивая вниманием замечание отца, молодой человек с усмешкой возразил Кенелму:

— Кажется, вы хотите сказать, что идти со временем в ногу — значит идти к худшему?

— Боюсь, что у нас нет выбора. Мы должны идти со временем в ногу. Но когда мы достигаем тон черты, за которой нас ожидает старость, мы, право, были бы очень довольны, если бы время любезно остановилось. Да и все хорошие врачи советуют не торопить его ход.

— В нашей стране нет никаких признаков одряхления, сэр, и, слава богу, мы не стоим на месте.

— Кузнечики тоже никогда не стоят на месте. Они все время скачут и прыгают, воображая, что двигаются вперед, пока не умрут от истощения из-за своих скачков и прыжков, или еще до того прыгнут в воду и попадут на обед карпу или лягушке. Могу я попросить у вас, миссис Сэндерсон, еще немного рисового пудинга?

Хотя фермер и не вполне понимал метафорические доводы Кенелма, он был в восторге, видя, что его мудрый сын озадачен более его самого, и потому воскликнул с радостью:

— Что, Боб, спорить с нашим гостем тебе, видно, не под силу?

— Ах, что вы! — скромно возразил Кенелм. — Я только искренне думаю, что мистер Боб стал бы умнее, приобрел бы больший вес и дальше отошел бы от состояния кузнечика, если бы меньше думал и больше ел пудинга.

По окончании ужина фермер предложил Кенелму глиняную трубку, набитую дешевым табаком, которую наш искатель приключений и принял со своей обычной покорностью судьбе. Все общество, за исключением хозяйки, вышло в сад. Кенелм и мистер Сэндерсон сели в беседке, а девушки и защитник прогресса остались среди цветочных клумб. Вечер был тихий и теплый, светила полная луна. Фермер сидел, глядя вдаль на свои луга, и спокойно курил. Кенелм, затянувшись три раза, отложил трубку в сторону и взглянул украдкой на трех граций. Они составили прелестную группу у затихших ульев: две младшие сестры сидели, обнявшись, на полосе дерна, которая окаймляла цветочную клумбу, старшая стояла позади них, и луна озаряла нежным светом ее каштановые волосы.

Немного поодаль юный Сэндерсон неутомимо расхаживал взад и вперед по усыпанной гравием дорожке.

«Странное дело, — рассуждал про себя Кенелм. — На девушек, когда их две или три, смотреть довольно приятно. Но стоит отделить от группы одну, и, наверно, она окажется

⁶² Воспаление тройничного нерва (фр.).

⁶³ «Существует легенда о человеке, который, достигнув глубокой старости, превратился в кузнечика.» — По греческому мифу, богиня утренней зари Эос полюбила смертного человека Тифона и просила для него бессмертия у Зевса. Но она забыла попросить вечной молодости. Став бессмертным, Тифон постепенно старел и дряхлел. Все более высыхая, он превратился в кузнечика.

плоской и малоинтересной, как доска от забора. Желал бы я знать: этот деревенский кузнецик, влюбленный в скачки и прыжки, которые именует прогрессом, считает ли он существование мормонов⁶⁴ одним из доказательств успехов просвещения? Много можно сказать в пользу того, чтобы обзаводиться целой кучей жен, как мы обыкновенно покупаем сразу целую партию дешевых бритв. Вполне вероятно, что из дюжины хоть одна да окажется хорошей. И, наконец, букет пестрых цветов, в котором кое-где мелькает поблекший лист, приятнее для глаза, чем однообразный капот одной и той же леди. Впрочем, такие мысли нечестивы, отбросим их».

– Хозяин, – сказал он вслух, – я думаю, ваши хорошенькие дочки – плохие помощницы в хозяйстве, уж очень у них утонченный вид. Я не видел их на сенокосе.

– Нет, они были там, но работали отдельно, на другом конце луга. Я предпочитаю, чтобы они держались подальше от поденщиц, из которых многие пришлые. Собственно, ничего дурного я о них не знаю, но не знаю и ничего хорошего, а потому мои дочки трудятся в другом месте.

– Мне сдается, что разумнее было бы удалить от работниц вашего сына. Я видел его в самой толпе этих нимф.

– М-да, – задумчиво протянул фермер, вынимая изо рта трубку, – я не думаю, чтобы бедняжки были так уж плохо воспитаны. И, на мой взгляд, молодым парням от них так же мало вреда, как и девушкам хорошего поведения, но моя жена смотрит на эти вещи несколько иначе. «Удаляй хороших девушек от дурных, – говорит она, – и никогда хорошие не собьются с пути». Вы увидите, что в этом есть доля правды, когда у вас самих будут дочери, которых надо охранять.

– Не ожидая этого времени молю судьбу, чтоб оно никогда и не настало, признаю мудрость замечания вашей превосходной супруги. Я разделяю мнение, что женщина скорее может повредить лицу своего пола, чем нашего, так как для нее немыслимо существовать, не причиняя зла тому или другому.

– И добра также, – вступился благодушный фермер, стукнув кулаком по столу. – Что случилось бы с нами без женщин?

– Я уверен, что нам было бы гораздо лучше. Адам, был чист, как золото, и не знал ни угрызений совести, ни засорения желудка, пока Ева не соблазнила его яблоком.

– Молодой человек, наверно, вы были несчастливы в любви, вот отчего у вас такой печальный вид.

– Печальный? Видали вы когда-нибудь человека, несчастного в любви, который повеселел бы, увидя перед собой пудинг?

– Ну, работать ножом и вилок вы молодец, за это я могу поручиться.

Фермер повернул голову и начал неторопливо рассматривать гостя. Когда он покончил с этим, голос его принял оттенок некоторой почтительности.

– Право, никак не разберусь, кто вы такой! – сказал он.

– Ничего удивительного. Я и сам себе удивляюсь. Продолжайте.

– Глядя на вашу одежду и... и...

– ...судя по тому, что я взял у вас два шиллинга... Ну?

– ...я принял вас за сына такого же мелкого фермера, как сам. Теперь, однако, по вашему разговору я вижу, что вы побывали в колледже, одним словом, вы – джентльмен. Прав я?

⁶⁴ Мормоны – религиозная секта в Америке и некоторых других странах, в своем вероучении значительно отошедшая от христианства (смещение пантеизма с многобожием). Мормонская церковь – теократическая община, богатая верхушка которой жестоко эксплуатирует рядовых членов.

– Любезнейший мистер Сэндерсон, я пустился странствовать недавно, с сильнейшим отвращением ко всякой лжи. Но теперь я начинаю сомневаться, чтобы человек мог долго пробыть в обществе своих ближних и не обнаружить вскоре, что способность лгать дарована ему природой как необходимое оружие защиты. Если вы станете меня расспрашивать, я непременно налгу вам о себе. Итак, для нас обоих, пожалуй, будет лучше, если я откажусь от предложенной вами постели и проведу ночь где-нибудь под кустом.

– Вздор! Я вовсе не хочу знать о ваших делах больше, чем вы сами пожелаете сообщить мне. Оставайтесь у меня, пока не уберем сено. И знаете, молодой человек, я рад, что вы, кажется, не очень падки на девушек. Я видел, на сенокосе с вами заигрывала прехорошенькая девчонка, а с нею, если не остеречься, мигом попадешь в беду.

– Как! Разве она хочет убежать от дяди?

– Дяди? Господь с вами, при чем тут дядя? Она живет у отца, и я не слыхивал, чтоб она собиралась бежать. В сущности, Джесси Уайлз – девушка совсем неплохая, ее все любят... пожалуй, чересчур. Но и то сказать, ведь Джесси знает, какая она красotka, и не прочь, чтоб за ней поухаживали.

– Это всякой женщине по душе, красotka она или нет. Но я все-таки не возьму в толк, почему Джесси Уайлз могла бы вовлечь меня в беду?

– А потому, что есть такой рослый, дюжий детина, который по ней с ума сходит. И чуть ему покажется, что кто-нибудь из молодых людей подъезжает к ней, он мигом расшибает его в лепешку. Так вот, молодой человек, берегитесь, чтобы не попасть в переделку!

– Гм! А какого мнения сама девушка об этих доказательствах его любви? Что ж, она больше любит его за то, что он расшибает других поклонников в лепешку?

– Какое там! Бедняжка видеть его не может. Но он клянется, что ни за кого, кроме него, она не выйдет, хотя бы ему за то грозила виселица. И, сказать вам по правде, я подозреваю, что если Джесси иногда чуточку заигрывает с другими, то лишь для того, чтобы отвлечь подозрение этого разбойника от единственного человека, который ей мил, – бедного болезненного малого, калеки, которого Том Боулз может прикончить мизинцем.

– Право, это очень любопытно! – с оживлением воскликнул Кенелм. – Я не прочь познакомиться с этим грозным поклонником.

– Нет ничего легче, – сухо сказал фермер, – вам стоит только прогуляться с Джесси после заката солнца, и вы познакомитесь с Томом Боулзом, да так, что с месяц, пожалуй, будете помнить эту встречу.

– Благодарю вас за предупреждение, – тихо и задумчиво ответил Кенелм. Приму его к сведению.

– Рад, что вы меня правильно поняли. Мне, право, было бы жаль, если бы с вами что-нибудь случилось, а иметь дело с Томом Боулзом, когда он входит в раж, это все равно что драться с бешеным быком. Однако завтра надо рано быть на ногах; я только обойду конюшни и пойду спать. Не мешает лечь и вам.

– Благодарю и последую вашему совету. Молодые девицы, я вижу, уже ушли. Доброй ночи!

Проходя по саду, Кенелм встретил Сэндерсона-младшего.

– Боюсь, – оказал поклонник прогресса, – что вы нашли моего отца страшно скучным человеком. О чем вы толковали?

– О девушках, – ответил Кенелм, – предмет всегда страшный, но не всегда скучный.

– О девушках? Старик говорил о девушках? Вы шутите!

– Желал бы обладать этой способностью, но мне это никогда не удавалось. Даже в колыбели я сознавал, что наше земное существование – вопрос серьезный и шуток не допускает. Никогда не забуду, как я в первый раз принимал касторку. И вы, мистер Боб, наверно, прошли через это преддверие к сладостям жизни. Углы вашего рта так и остались

опущенными, после того как вы вкусили это целебное снадобье. Подобно мне, вы серьезный малый и не склонный к шуткам. Что я говорю! Поклонник прогресса непременно должен быть недоволен настоящим положением вещей. А хроническое неудовольствие не признает минутного облегчения посредством шутки.

– Перестаньте, пожалуйста, дразнить меня, – взмолился Боб, оставив свой дидактический тон, – и скажите мне лучше, говорил ли вам что-нибудь обо мне отец?

– Ни слова; единственное лицо мужского пола, о котором шла речь, это Том Боулз.

– Драчун Том? Ужас всей округи? А, понимаю, старик боится, чтобы Том меня не поколотил. Но Джесси Уайлз вовсе не стоит стычки с этим скотом. Просто срам для правительства!

– Как, разве правительство не оценило геройского духа Тома Боулза или, напротив, не положило преграды избытку его энергии?

– Чепуха! Позор для правительства, что отца Тома не заставили послать сынка в школу. Если б образование было всеобщим...

– Вы думаете, тогда не было бы скотов? Возможно. Но вот в Китае широко распространено образование, и там же распространено наказание палками. Но припоминаю: вы сказали, что школьный учитель теперь в почете и настал век просвещения.

– Да, в городах, но не в таком захолустье, как у нас. Вот об этом-то я и хочу с вами поговорить. Я чувствую себя здесь затерянным, погибшим. У меня есть способности, сэр, и они могут проявиться только при общении с равными мне по уму. Не согласитесь ли вы мне помочь?

– С величайшим удовольствием.

– Дайте отцу понять, что теперь, когда я получил образование, он не может требовать от меня, чтобы я ходил за плугом и откармливал свиней. Намекните ему, что наиболее подходящее для меня место – это Манчестер.

– Почему же именно Манчестер?

– Там у нас родственник, он возьмет меня к себе в торговую контору. Только бы согласился отец! А Манчестер задает тон всей Англии.

– Я сделаю все от меня зависящее, чтобы содействовать вашему желанию, Боб. Мы живем в свободной стране, и каждому должно быть дано избирать свой собственный путь. И если даже человек пропадет, он, по крайней мере, не испытает тяжелого сознания, что его гнали по этому пути против воли. Ему некого винить, кроме себя самого. Это, скажу вам, мистер Боб, большое утешение. Когда, попав в беду, мы виним в этом других, то невольно становимся несправедливы, придирчивы, бессердечны, злобны и даже, чего доброго, мстительны. Мы поддаемся чувствам, которые подрывают наши нравственные устои. Когда же нам не на кого пенять, кроме как на самих себя, мы становимся скромны, раскаяваемся и после этого бываем снисходительны к другим. В самом деле, самообвинение – очень полезное упражнение совести, которое истинно хороший человек должен выполнять ежедневно. А теперь будьте так любезны показать мне комнату, где я буду спать и забуду на несколько часов, что я живу, – лучшее, что с нами может случиться в этом мире, любезный мистер Боб! Жизнь еще не так плоха, если мы можем забыть о ней, едва коснувшись головой подушки.

Молодые люди дружелюбно вошли в дом. Девушки уже отправились спать, одна хозяйка ждала Кенелма, чтобы проводить его в комнату для гостей, красиво обставленную двадцать два года назад по случаю свадьбы хозяина. Эта комната была тогда отделана на средства матери миссис Сэндерсон и предназначена для нее самой. Канифасовые занавески и клетчатые обои казались такими же новыми и чистыми, как двадцать два года назад.

Оставшись один, Кенелм разделся. Но, прежде чем лечь, он обнажил правую руку, согнул ее и внимательно осмотрел и проверил состояние мышц, поглаживая левой рукой

шаровидную выпуклость верхней части руки. Довольный размером и твердостью этой принадлежности боксера, он вздохнул и тихо произнес:

– Боюсь, что мне придется вздуть Тома Боулза.

Пять минут спустя он уже спал.

Глава X

На следующий день сенокос был окончен, большую часть уже высохшего сена увезли и начали метать в стога. Кенелм работал так же усердно, как и накануне, когда его похвалил Сэндерсон. Но, вместо того чтобы отказываться, как прежде, от знакомства с мисс Джесси Уайлз, он к полудню постарался оказаться поближе к этой опасной красавице и начал с ней разговор:

– Я боюсь, что вчера обошелся с вами грубовато, и хочу просить у вас прощения.

– Ах, это мне следовало бы просить у вас прощения за то, что я осмелилась заговорить с вами, – ответила девушка тем простым и ясным английским языком, который теперь гораздо больше распространен среди деревенских жителей, чем уверяют нас многие популярные романисты, – но я подумала, что вы у нас, наверно, чувствуете себя чужим. Я просто хотела сделать вам что-то приятное.

– Я в этом совершенно уверен, – заметил Кенелм, рыцарски сгребая ее охапку сена вместе со своей. – И я очень хотел бы дружить с вами. Кажется, уже пора обедать, а миссис Сэндерсон наполнила мои карманы превкусными сэндвичами с мясом, которыми я буду рад поделиться, если вы не откажетесь отобедать со мной здесь, вместо того чтобы идти домой.

Девушка поколебалась, потом покачала головой.

– Боитесь, что ваши соседи сочтут это дурным?

Джесси мило поджала губки и сказала:

– Я не очень забочусь о том, что говорят люди, но ведь это и вправду будет нехорошо?

– Вовсе нет. Позвольте мне успокоить вас. Я пробуду здесь всего дня два, и нам вряд ли придется встретиться еще, но, прежде чем я уйду, я был бы рад оказать вам хоть небольшую услугу.

Говоря это, Кенелм перестал ворошить сено и, облокотившись на грабли, в первый раз внимательно посмотрел на прекрасную работницу.

Да, она решительно хороша, хороша на редкость: ее пышные каштановые волосы были изящно причесаны и убраны под соломенную шляпу, без сомнения, ее собственной работы, ибо ничто так не развивает в деревенской девушке кокетства, как умение плести шляпы. У нее были большие кроткие голубые глаза, тонкие мелкие черты, а лицо, хотя и со здоровым румянцем – нежнее, чем обычно у сельских красавиц, подверженных действию ветра и солнца.

Она улыбалась, слегка краснея, пока Кенелм рассматривал ее, и, подняв глаза, бросила на него кроткий и доверчивый взгляд, который Мог бы пленить философа и обмануть завязатого волокиту. И все же Кенелм по интуиции, которая часто бывает вернее рассудочного знания, полного сомнений и противоречий, тотчас почувствовал, что в душе этой девушки кокетство, может быть, бессознательное, соединялось с невинностью ребенка. Он склонил голову и отвел от девушки свой пристальный взгляд, проникаясь к ней такой нежностью, точно она была ребенком, искавшим его покровительства.

«Непременно, – решил он, – я непременно должен отколотить Тома Боулза! Впрочем, сперва надо выяснить: может быть, в конце концов, он ей нравится».

– Конечно, – продолжал он вслух, – вы пока еще не представляете себе, чем я могу быть вам полезен. Прежде чем объяснить это, позвольте спросить, который из работающих в поле Том Боулз?

– Том? – удивленно и испуганно воскликнула Джесси, побледнев и поспешно оглянувшись. – Вы испугали меня, сэр, но он вообще не работает в поле. Откуда вы знаете про Тома Боулза?

– Пообедайте со мной, и я вам расскажу. Посмотрите, там, под шиповником, у воды, есть тихое местечко. Видите, все заканчивают работу. Я схожу за кружкой пива, а потом с вашего разрешения вернусь к вам.

Джесси помолчала, словно все еще ничего не решив. Потом, взглянув на Кенелма и успокоенная серьезным и добрым выражением его лица, пролепетала еле слышное согласие и пошла к шиповнику.

Так как солнце стояло теперь высоко над головой и стрелка на часах деревенской колокольни, как бы парившей над живыми изгородями, показывала первый час дня, все прекратили работу, и в поле все сразу стихло. Часть девушек пошла обедать домой, оставшиеся уселись в стороне от мужчин, а те устроились в тени большого дуба у живой изгороди, где их уже ждали бочонки с пивом и кружки.

Глава XI

– А теперь, – сказал Кенелм, когда оба они, окончив свою простую трапезу, сели под тенью шиповника у воды, окаймленной в этой части высокими камышами, приятно шелестевшими под легким ветерком, – теперь давайте поговорим о Томе Боулзе. Правда ли, что вы не любите этого славного молодого человека? Я говорю: «молодого» лишь на основании личного предположения.

– Любить его? Да я видеть его не могу!

– А всегда ли вы ненавидели его? Наверно, в свое время у него были основания предполагать нечто другое, правда ведь?

Девушка нахмурилась и ничего не ответила. Она сорвала нарцисс и безжалостно оборвала его лепестки.

– Боюсь, что вы привыкли обращаться с вашими обожателями не лучше, чем с этим несчастным цветком, – строгим тоном сказал Кенелм. – Но смотрите, иногда в цветке скрыто жало пчелы. Я вижу по вашему лицу, что вы дали отставку Тому Боулзу после того, как вскружили ему голову.

– Нет, я вовсе не такая уж плохая, – сказала Джесси несколько пристыженно, – но я была глупа и ветрена, признаюсь в этом. И когда он обратил на меня внимание, мне было это приятно, хотя я ничего особенного и не думала. Мистер Боулз (она сделала ударение на мистер) видите ли, не пара для такой бедной девушки, как я. Он ремесленник, а я всего лишь дочь пастуха, хотя, правда, мой отец скорее управляющий у мистера Сэндерсона, чем простой пастух. Я никогда не думала об этом серьезно и не знаю, почему он так загорелся.

– Итак, Том Боулз – ремесленник. Какое же у него ремесло?

– Он кузнец, сэр.

– И мне сказали, что он красивый молодой человек.

– Не знаю, право. Он очень высокий.

– Отчего вы так невзлюбили его?

– Прежде всего за то, что он обидел моего отца, смирного, робкого человека, и угрожал бог знает чем, если отец не заставит меня дружить с ним. Заставить меня! Но мистер Боулз – опасный, злой, вспыльчивый человек, и – не смейтесь надо мной, сэр! – мне как-то ночью приснилось, что он пришел убить меня. Я боюсь, что это так и будет, если он останется здесь. И мать его этого опасается. Она женщина очень хорошая и хочет, чтобы он уехал, а он не желает.

– Джесси, – тихо проговорил Кенелм, – я сказал вам, что хотел бы быть вашим другом. Я не могу быть для вас ничем иным, но другом готов быть с радостью. Можете вы положить на меня как на друга?

– Да, – твердо ответила девушка.

И когда она подняла на него глаза, во взгляде ее не было ни малейших следов кокетства – он был невинен, чистосердечен, признателен.

– Может быть, здесь есть какой-нибудь другой молодой человек, который ухаживает за вами немножко иначе, чем Том Боулз, и который дорог вашему сердцу?

Джесси поискала другой нарцисс и, не найдя его, удовольствовалась колокольчиком, который, однако, не разорвала, а стала нежно поглаживать. Кенелм взглянул на ее очаровательное личико с таким выражением, которое редко можно было у него встретить, – с той невыразимой нежностью, для которой философы его школы не знают оправданий. Если бы обыкновенные смертные, например вы или я, взглянули украдкой сквозь листву шиповника на молодую пару, мы или вздохнули бы, или нахмурили брови, в зависимости от нашего тем-

перамента, но непременно сказали бы с насмешкой или с завистью: «Счастливые молодые влюбленные!» И жестоко ошиблись бы! Все-таки нельзя не согласиться, что хорошенькое личико имеет весьма несправедливое преимущество над безобразным. И, в упрек филантропии Кенелма, можно усомниться, предложил ли бы Кенелм Чиллингли свои услуги Джесси и стал ли бы он замышлять ради нее бой с Томом Боулзом, если бы природа сотворила Джесси Уайлз курносой и косоглазой.

Но в тоне его не было ни малейшего оттенка зависти или ревности, когда он сказал:

– Я вижу, что есть человек, который нравится вам настолько, что вы были бы согласны выйти за него замуж. Ведь вы совершенно по-разному обращаетесь с нарциссом и колокольчиком. Какого же молодого человека представляет колокольчик? Ну-ка, признавайтесь!

– Мы вместе росли, – сказала Джесси, потупившись и все еще поглаживая лепестки колокольчика. – Он с матерью жил по соседству с нами. Моя мать очень любила его, и отец тоже. Мне не было еще и десяти лет, а они уже улыбались, когда бедный Уил называл меня своей женушкой.

Тут слезы, выступившие на глазах у Джесси, начали капать на цветок.

– Но теперь отец о нем и слышать не хочет. – Я старалась думать о ком-нибудь другом – я не могу: вот вам и вся правда.

– Но почему же? Разве он стал дурно вести себя? Сделался браконьером или пьяницей?

– Нет, нет, нет! Он степенный и добрый малый. Но... но...

– Ну, что же за «но»?

– Он теперь калека... И я еще больше полюбила его за это.

Тут Джесси горько зарыдала.

Кенелм был глубоко растроган и благоразумно молчал, пока Джесси не успокоилась. Потом, в ответ на свои осторожные расспросы, он узнал, что Уил Сомерс, прежде здоровый и сильный парень, упал с лесов, когда ему было шестнадцать лет, и так сильно расшибся, что его пришлось сразу же отвезти в больницу. Когда он вышел оттуда, от последовавшей за несчастным случаем продолжительной болезни Уил не только стал на всю жизнь калекой, но здоровье его настолько пострадало, что он уже не мог работать на открытом воздухе и оказался непригоден к трудной крестьянской жизни. Он был единственный сын вдовы и мог содержать ее лишь весьма ненадежным способом. Он научился плести корзины, и хотя Джесси уверяла, что произведения его были очень добротны и красивы, они в этой местности пользовались плохим спросом. Увы, если бы даже отец Джесси и согласился отдать дочь за бедного калеку, мог ли тот заработать достаточно, чтобы содержать жену?

– И все-таки раньше я была счастлива, – говорила Джесси. – Когда гуляла с ним по воскресным вечерам или сидела, болтая с Уилом и его матерью, потому что мы оба молоды и могли бы ждать. Но теперь я и этого не смею: Том Боулз поклялся, что если увидит нас вместе, то при мне изобьет его. А Уил тоже горячий, и у меня сердце разорвется, если с ним случится что-нибудь из-за меня.

– Мистера Боулза мы на время оставим в покое. Но скажите, если бы Уил мог содержать себя и вас, ваш отец и вы не стали бы противиться браку с бедным калекой?

– Отец не стал бы. А уж я-то, если б только могла послушаться отца, хоть завтра вышла бы за Уила. Я могу работать за двоих.

– Ну, я вижу, все берутся опять за грабли, а после работы позвольте мне проводить вас домой; по дороге вы покажете мне домик Уила и кузнеца Боулза.

– Но только вы Боулзу ничего не говорите. Я теперь догадалась: вы джентльмен. Но он не посмотрит на это, уж я его знаю. Он опасный человек, ах какой опасный! И ужасно сильный!

– Не бойтесь, – ответил Кенелм, засмеявшись, чего с ним не случалось с самого детства, – вы только после работы подождите меня несколько минут вон у той калитки.

Глава XII

На сенокосе Кенелм больше не возобновлял разговора со своей новой приятельницей. Но по окончании работы пошел искать фермера, чтобы предупредить его, что не придет к ужину. Он не нашел, однако, ни Сэндерсона, ни его сына. Оба работали на гумне. Довольный тем, что может обойтись без извинений и расспросов, Кенелм надел куртку и пошел за Джесси, поджидавшей его у калитки. Они направились по тропинке вместе с толпой крестьян, медленно тянувшейся домой.

Это была самая обыкновенная английская деревня, без затейливо разукрашенных образцовых коттеджей, но вовсе не казавшаяся от этого бедной и грязной.

Молодые люди увидели перед собой серую готическую церковь, четко выделявшуюся на фоне алых облаков, за которые только что зашло солнце. К ней примыкал участок земли, принадлежавший скрытому в зелени пасторскому дому. Потом показалась веселая лужайка с красивым зданием школы. А дальше потянулась длинная улица разбросанных белых домиков, окруженных садами.

Взошла луна во всем своем великолепии.

– Кто здесь помещик? – спросил Кенелм. – Мне сдается, это человек хороший и состоятельный.

– Да, сквайр Трэверс, знатный джентльмен и, говорят, очень богатый, но его имение довольно далеко от нашей деревни. Если вы еще останетесь здесь, вы можете увидеть сквайра, потому что он в субботу дает ужин в ознаменование уборки урожая. Мистер Сэндерсон и все фермеры будут там. В поместье чудесный парк, а мисс Трэверс так хороша, что стоит посмотреть. О, она прелестна, продолжала Джесси с непритворным восторгом, потому что женщины чувствительнее к красоте себе подобных, чем это думают мужчины.

– Такая же хорошенькая, как вы?

– Ну, слово «хорошенькая» к ней не подходит. Она в тысячу раз прекрасней.

– Гм! – недоверчиво произнес Кенелм.

Наступило молчание, прерванное вздохом Джесси.

– О чем вы вздыхаете? Скажите.

– Я подумала, как мало нужно для счастья людей, но почему-то это немногого добыть так трудно, как будто желаешь бог весть чего.

– Очень умно сказано. Всякий жаждет такого, за что другой не даст, может быть, и гроша. Но о чем же немногим вздыхаете вы?

– Миссис Ботри хочет продать свою лавку. Старушка страдает припадками и не находит покупателя. А если бы Уил мог купить эту лавку и я стала бы там торговать... Но что толку думать об этом!

– О какой лавке вы говорите?

– А вот она.

– Где? Не вижу.

– Но эта лавка – в деревне единственная. Она там, где почтовая контора.

– Ага!.. Я вижу через окно что-то похожее на красный плащ. Что же там продается?

– Все, что угодно: чай, сахар, свечи, шали, платья, плащи, мышеловки, почтовая бумага. И еще миссис Ботри покупает корзинки Уила и продает их намного дороже.

– Домик славный и, кажется, с полем и огородом позади.

– Да, миссис Ботри платит за него восемь фунтов аренды, но доходов с лавки на это вполне хватает.

Кенелм ничего не ответил. Оба молча дошли до центральной части улицы, когда Джесси, подняв глаза, внезапно задрожала от испуга и остановилась как вкопанная. Кенелм

проследил за ее взглядом и увидел в нескольких шагах, по другую сторону дороги, небольшой красный кирпичный дом с двором и пристройками, крытыми соломой. У дома, опершись о калитку, стоял человек, куривший коротенькую пенковую трубку.

– Это Том Боулз, – шепнула Джесси и инстинктивно взяла Кенелма под руку. Потом передумала, выдернула свою руку и шепнула: – Ступайте назад, сэр, ступайте!

– Нет. Я как раз хочу познакомиться с Томом Боулзом. Тише!

Том Боулз бросил трубку и стал медленно подходить к ним.

Глаза Кенелма внимательно следили за Томом. Это был необычайно сильный человек, на несколько дюймов ниже Кенелма, но все-таки выше среднего роста, с геркулесовскими плечами и грудью. Но его нижние конечности были менее развиты, и во время ходьбы он неуклюже волочил ноги. Лунный свет упал на его лицо: оно было красиво. Шляпы на Боулзе не было, а его светло-каштановые волосы мелко курчавились. Лицо было свежее и румяное, черты орлиные; по-видимому, ему было лет двадцать шесть, двадцать семь. Когда он приблизился, благоприятное впечатление от его физиономии, сложившееся у Кенелма, тотчас исчезло, потому что выражение лица парня внезапно переменилось: оно стало мрачным и свирепым.

Кенелм продолжал идти рядом с Джесси, как вдруг Боулз бросился между ними, схватил девушку за руку, взглянул на Кенелма в упор и, угрожающе взмахнув рукой, грубо спросил:

– Кто вы такой?

– Прежде выпустите руку девушки, а потом будем разговаривать.

– Будь вы здешний, – ответил Боулз, стараясь подавить нарастающую вспышку гнева, – вы за эти слова очутились бы в канаве. Но вы, верно, не знаете, что я Том Боулз и что я не позволю девушке, за которой ухаживаю, водить компанию с другим мужчиной. Убирайтесь!

– А я не позволю другому мужчине хватать за руку девушку, которая идет со мной. И я скажу ему, что он грубиян и что как только обе его руки будут свободны, я покажу ему, что он имеет дело не с калекой.

Том Боулз едва верил своим ушам. Изумление поглотило на минуту всякое другое чувство. Он машинально выпустил Джесси, которая упорхнула, как птичка, получившая свободу. Но она, очевидно, больше думала об опасности, грозящей ее новому другу, чем о собственном спасении, потому что не спряталась в отцовском доме, а побежала к кучке работников, остановившихся у трактира, и вернулась с этим подкреплением к месту, где оставила обоих противников. Жители деревни любили Джесси. Полагаясь на свою численность, они преодолели страх перед Томом Боулзом и побежали, в надежде вовремя стать между его грозной дланью и костями безобидного пришельца.

Между тем Боулз опомнился от первого изумления. Даже не заметив бегства Джесси и по-прежнему протягивая правую руку к тому месту, где она раньше стояла, он в то же время нацелился левой в лицо Кенелму.

– Ты увидишь, что я с тобой и одной рукой справлюсь! – презрительно прорычал он.

Но как быстро ни было его движение, Кенелм успел схватить приподнятую руку чуть выше локтя, и удар не попал в цель. Одновременно выставив правую ногу, Кенелм ловко подшиб своего могучего противника, так что тот растянулся на земле. Этот прием последовал так внезапно и произвел столь сильное воздействие, как физическое, так и моральное, что прошло более минуты, прежде чем Том Боулз мог подняться. Потом он еще целую минуту грозно хмурился, глядя на противника со смутным чувством почти суеверного, панического страха. Интересно отметить, что как бы ни был свиреп и бесстрашен человек или даже зверь, но если он привык к победам и торжеству и никогда еще не встречал врага, который мог бы с ним сладить, то первое поражение, особенно от презираемого противника, расстраивает и почти парализует всю его нервную систему.

Однако как только к задире вернулось сознание своей силы и он сообразил, что был повержен искусным трюком, а не могучей рукой кулачного борца, Том Боулз вновь стал самим собой.

– А, вот вы какой боец! – сказал он. – Мы здесь деремся не пятками, как корнуэльцы или ослы, а кулаками, любезный. И так как вы, очевидно, непременно желаете хорошей схватки, пусть будет по-вашему.

– Провидение, – торжественно ответил Кенелм, – послало меня в эту деревню нарочно для того, чтобы вздуть Тома Боулза. Это знак великого милосердия к вам, как со временем вы сами признаете.

И вновь испуг, вроде того, который мог почувствовать демагог у Аристофана, когда на него напал колбасник⁶⁵, охватил доблестное сердце Тома Боулза. Ему не понравились эти зловещие слова, а еще менее – мрачный тон, которым они были произнесены. Но, решив, что лучше по крайней мере подготовиться к битве, он медленно снял с себя толстую бумажную куртку и жилет, засучил рукава рубашки и не спеша направился к врагу.

Кенелм тоже снял куртку, которую сложил медленно и старательно, словно она была новая и единственная, и положил у изгороди. Потом обнажил руки, тонкие, почти худые по сравнению с мощными бицепсами противника, но с сухожилиями твердыми, как ноги оленя.

Тут как раз подоспели работники, которых привела Джесси. Они пытались развести врагов, но Кенелм отстранил их, махнув рукой, и спокойным, внушительным голосом сказал:

– Станьте около нас, добрые друзья, составьте круг и следите, чтобы я дрался честно. Я уверен, что и мистер Боулз – честный боец. Он достаточно велик ростом, чтоб не делать мелких гадостей. А теперь, мистер Боулз, позвольте мне сказать вам несколько слов в присутствии ваших соседей. Я не стану говорить ничего невежливого. Если вы немного грубы и гневны, что ж, человек – по крайней мере так мне говорили – не всегда может совладать с собой, когда он думает более чем следует о хорошенькой девушке. Но вот смотрю я на вас и даже при этом лунном свете вижу: хотя лицо у вас в эту минуту довольно сердитое, вы, в сущности, неплохой малый. И если вы дадите обещание как мужчина мужчине, вы непременно сдержите его. Так ли это?

Двое-трое из присутствующих одобрительно зашептались, другие толпились вокруг в безмолвном удивлении.

– Что это за лстивые прибаутки? – несколько неуверенно проворчал Том Боулз.

– Дело вот в чем: если я вас побью, вы мне обещаете в присутствии ваших соседей, что ни словом, ни делом больше не станете тревожить Джесси Уайлз?

– Ах, вот что, – заревел Том, – так вы сами волочитесь за ней?

– Допустим, что так, если это вам нравится. А я со своей стороны обещаю, если вы побьете меня, уйти отсюда, как только следы ваших кулаков мне позволят, и никогда не показываться снова в этих краях. Как? Вы не решаетесь обещать? Значит, вы действительно боитесь, что я вас вздую?

– Вы? Я сотру в порошок десяток таких, как вы!

– В таком случае, вы можете обещать. Послушайте, условие честное, – не так ли, соседи?

⁶⁵ «...испуг, вроде того, который мог почувствовать демагог Аристофана, когда на него напал колбасник.» – В комедии Аристофана «Всадники» борьбу за власть ведут два демагога, которых Аристофан изображает в виде рабов старика Демоса, представляющего афинский народ. В образе одного из рабов пародируется лидер радикальной демократии, владелец кожевенной мастерской Клеон, избранный после победы над спартанцами афинским стратегом на 424 г. В комедии это хитрый и наглый раб, кожевник, прозванный Пафлагонцем. В конце концов его все-таки побеждает его противник колбасник Агирокрит, который приносит Афинам долгожданный мир.

Покоренные веселостью Кенелма и чувствуя справедливость его слов, присутствующие единодушно выразили свое одобрение.

– Послушай, Том, – сказал пожилой работник, – этот джентльмен говорит правду, и мы все подумаем, что ты трусишь, если не согласишься на условие.

Лицо Тома подергивалось от волнения, но наконец он проворчал:

– Хорошо, я обещаю, то есть если он побьет меня.

– Прекрасно, – сказал Кенелм. – Вы слышите, соседи? И Том Боулз, хоть он и красив, не посмеет показать вам свое лицо, если нарушит слово. Пожмем руки в знак нашего уговора.

Драчун Том угрюмо пожал руку Кенелма.

– Вот это я называю действовать по-английски, – сказал Кенелм, – смело и без злобы. Посторонитесь, друзья, и расчистите для нас место!

Зрители отступили, и когда Кенелм занял свое место, в его позе были легкость и гибкость, говорящие о его силе, тогда как мощная грудь Тома придавала какую-то громоздкость всей верхней части его тела.

Оба стояли неподвижно и зорко приглядывались друг к другу. Кровь Тома начинала кипеть, да и Кенелм при всем своем спокойствии не мог не чувствовать гордого биения сердца, возбуждаемого свирепой радостью боя.

Том первый нанес удар, который был отражен, но не возвращен. Еще удар и еще – все они были отражены, но остались без ответа. Кенелм, очевидно, ограничивался обороной и пользовался всеми выгодами стратегии, какие давали ему более длинные руки и подвижность фигуры. Может быть, он хотел удостовериться, насколько велико искусство его противника, или испытать его внутреннюю силу, прежде чем отважиться наступать.

Том, задетый за живое тем, что удары, которые могли свалить кабана, никак не попадали в цель и, смутно сознавая, что столкнулся с каким-то таинственным искусством, которое превращало в ничто его животную силу и могло в конце концов одолеть его, мгновенно пришел к заключению, что чем скорее он воспользуется этой животной силой, тем будет лучше для него. Поэтому после трех раундов, ни разу не успев обмануть бдительность противника и получив несколько шуточных щелчков по носу и губам, он отступил и ринулся на врага как бык, именно как бык, потому что боднул его головой, а оба кулака заменяли ему рога. Но тут он с ходу очутился в «мельнице». Я надеюсь, что каждый англичанин, который может называться мужчиной, то есть каждый мужчина, который когда-то был английским мальчиком и, как таковой, не раз вынужден был пускать в ход кулаки, знает, что такое «мельница». Но я повествую не только *pueris*⁶⁶, но и *virginibus*^{67,68}. Итак, сударыня, «мельница» – прибегаю с неудовольствием и презрением к жаргону, который в таком ходу у писательниц и который современные девушки знают тверже грамматики Мерри⁶⁹, и обращаюсь не к писательницам и не к современным девушкам, но говорю это для невинных девиц и для иностранцев, изучавших английский язык только по Аддисону⁷⁰ и Маколею⁷¹, «мельница», повторяю, в переносном смысле означает такое положение, когда один из бойцов

⁶⁶ Отрокам (лат.).

⁶⁷ Девицам (лат.).

⁶⁸ «...не только *pueris*, но и *virginibus*» – цитата из Горация: «*Virginibus puerisque canto*» – «Отрокам и девицам пою» («Оды», III, 1, 4).

⁶⁹ Мерри Линди (1745–1826) – «отец английской грамматики», автор школьных учебников и руководств по грамматике, а также словаря английского языка. Про него говорили, что он научил англичан их языку.

⁷⁰ Аддисон Джозеф (1672–1719) – знаменитый английский писатель, преимущественно сатирик. Издатель сатирических журналов «Болтун» и «Зритель», которые явились прототипом для многих изданий подобного рода в других странах.

⁷¹ Маколей Томас (1800–1852) – английский критик и историк, по взглядам умеренный либерал, автор пользовавшихся большим успехом «Истории Англии» и «Опытов».

в благородном боксе, бешено ринувшись вперед, попадает головой точно в тиски между согнутой левой рукой и левым боком противника, и эта голова, оставаясь беспомощной и ничем не защищенной от града кулачных ударов правой руки победителя, мгновенно теряет всякое человеческое подобие. В это положение часто попадает тот, кто хотя бы превосходит противника в силе, но неуклюж, и он редко встречает пощаду со стороны того, кто одержал верх благодаря искусству и знанию приемов. Занеся правый кулак, Кенелм миг помедлил, потом, разжав левую руку, выпустил пленника, дружески хлопнул его по плечу и как бы в виде извинения обратился к зрителям:

– У него красивое лицо – грех его портить!

Опасность положения Тома была очевидна для всех, и добродушный отказ противника от своего преимущества показался зрителям таким великодушным, что они закричали «ура». А сам Том почувствовал, что с ним поступили точно с ребенком. Увы, увy! В то время как он повернулся и немного пришел в себя, глаза его остановились на лице Джесси. Губы ее были приоткрыты – у ней захватило дух. Том же вообразил, что она улыбается презрительно. Он сделался страшен. Теперь он бился, словно бык в присутствии молодой коровы, которая должна была достаться победителю.

Если Тому никогда еще не приходилось сражаться с противником, учившимся у профессионального боксера, то и Кенелм не встречал еще силы, которая, будь она натренирована по всем правилам искусства, неминуемо сломила бы его. Держаться оборонительной системы было бы уже ошибкой. Он больше не мог, как ловкий фехтовальщик, играючи отклонять подобные молоту удары могучих рук. Преодолевая защиту, они сыпались ему на грудь, как на наковальню. Он сознавал, что стоило одному такому удару поразить его голову – и он погиб. Он понял также, что его удары в грудь противника оказывали не более действия, чем удары трости по коже носорога. Но вот глаза его сверкнули огнем, ноздри раздулись – Кенелм Чиллингли перестал быть философом. Трах! с размаху ударил он противника, но как непохоже это было на неопределенные удары Тома Боулза! Он попал прямо туда, куда метил, точно пуля тирольца или английского стрелка в Олдершоте⁷². В этом ударе он сосредоточил всю силу мышц, воли и духа! Трах! – удар пришелся по переносице, и быстро, как мелькает раз за разом молния, последовал другой, менее сильный, но еще более опасный левой рукой под левое ухо. При первом ударе у Тома Боулза помутилось в глазах, и он зашатался, при втором – он вскинул руки, подпрыгнул, словно ему прострелили сердце, и тяжело повалился бесчувственной тушей.

Зрители в ужасе столпились вокруг. Они сочли Тома мертвым. Кенелм опустился на колени, быстро провел рукой по губам Тома, пощупал пульс и сердце и, встав, смиренно, будто оправдываясь, сказал:

– Будь он не так великолепно сложен, уверяю вас честью, никогда я не нанес бы ему второго удара. Первого было бы достаточно для каждого, кто создан природой менее крепким. Осторожно поднимите его и отнесите домой. Передайте его матери, вместе с дружеским? моим поклоном, что я зайду навестить его и ее. Пойдите, однако, много он пьет пива?

– Да, Том умеет пить, – заметил один из жителей деревни.

– Так я и думал. Слишком много жиру для таких мышц. Кто сбегает за доктором? Вы, любезный? Хорошо, бегите скорей! Опасности нет, но, пожалуй, придется пустить кровь.

Четверо самых сильных мужчин бережно подняли Тома и отнесли домой. Он все еще не приходил в чувство, но лицо его там, где оно не было покрыто кровью, хотя и очень бледное, было спокойно, и только легкая пена окаймляла губы.

Кенелм спустил засученные рукава рубашки, надел куртку и обратился к Джесси:

⁷² Олдершот – город неподалеку от Лондона, где был устроен постоянный военный лагерь.

– Ну, мой молодой друг, покажите мне теперь коттедж Уила.

Девушка подошла к нему, бледная и дрожащая. Она не осмеливалась заговорить. Новыми глазами смотрела она теперь на незнакомца. Кенелм нагонял на нее, пожалуй, не меньше страха, чем сам Том Боулз. Все же она ускорила шаг и, оставив трактир позади, направилась к дальнему концу деревни; Кенелм шел рядом с ней, что-то бормоча себе под нос. Джесси слышала отдельные слова, однако, на свое счастье, не понимала их. Это были столь обильные у классиков горькие укоры прекрасному полу, как главной причине всякой борьбы, кровопролития и зла вообще. Несколько успокоив свое раздражение этим обращением к мудрости древних, Кенелм наконец повернулся к своей безмолвной спутнице и ласково, но серьезно сказал:

– Боулз дал мне обещание; по справедливости я теперь могу требовать обещания и от вас. Дело вот в чем: подумайте, как легко такой красивой девушке оказаться причиной смерти человека. Ударь меня Боулз, как я сейчас ударил его, меня не спасли бы никакие врачи.

– О-о, – простонала Джесси, содрогаясь и закрыв руками лицо.

– Но ведь, кроме этой, есть и другая опасность, – продолжал Кенелм, ничто не может оправдать поведения женщины, которая своим легкомыслием и беспечностью смертельно ранит сердце мужчины и забывает, какие страдания, даже преступные замыслы могут быть вызваны одним ее словом, одним взглядом. Подумайте над этим и, выйдете ли вы за Уила Сомерса или нет, никогда больше не давайте мужчине повода предполагать, что вы можете полюбить его, если вам не подсказывает этого сердце. Даете вы мне слово?

– Да, да, даю!

Голос бедной Джесси прерывался от рыданий.

– Хорошо, дитя мое. Я не прошу вас перестать плакать, зная, как женщины любят слезы. А в этом случае они вам особенно полезны. Но мы в конце деревни, который же коттедж Уила?

Джесси подняла голову и указала на отдельно стоявший домишко, крытый соломой.

– Я попросил бы вас войти и представить меня. Впрочем, в этом случае могут подумать, будто я торжествую победу над бедным Томом Боулзом. Лучше я войду один. Доброй ночи, Джесси! Не сердитесь за нравоучение.

Глава XIII

Кенелм постучал в дверь коттеджа, и тихий голос ответил:

– Войдите!

Посетитель наклонил голову и переступил через порог.

Со времени боя с Томом Боулзом все сочувствие Кенелма было на стороне этого несчастного влюбленного, – ведь так естественно, что, победив человека, начинаешь чувствовать к нему симпатию. Во всяком случае, он сейчас нисколько не был расположен покровительствовать склонности Джесси к несчастному калеке.

Тем не менее, когда он увидел два кротких блестящих черных глаза и бледное, умное лицо с тем неуловимым отпечатком утонченности, который нередко придает слабое здоровье, особенно в молодости, сердце Кенелма мгновенно склонилось на сторону другого соперника. Уил Сомерс сидел у очага, где, несмотря на теплый летний вечер, тлели угли. Возле него стоял простой столик и на нем были разложены ивовые веточки и белые очищенные прутья; тут же лежала раскрытая книга. Белые художавшие пальцы плели недоконченную корзинку. Мать Уила убирала чайную посуду с другого стола, у окна. При входе незнакомого посетителя Уил встал с вежливостью, свойственной деревенским жителям. Вдова – худенькая старушка невысокого роста с добрым, терпеливым лицом – удивленно оглянулась и присела.

В доме все выглядело чрезвычайно опрятно, как бывает повсюду, где женщина может распоряжаться полновластно. Сосновый шкаф против двери был полон скромной фаянсовой посуды. Выбеленные стены украшены картинами, преимущественно из священной истории, как, например, «Блудный сын» – в голубом фраке и желтых невыразимых чулках, свисающих на пятки. В одном углу были нагромождены корзины разных размеров, в другом находился открытый шкаф с книгами – предмет, который в деревне встречается гораздо реже, чем яркие картинки и поблескивающая посуда.

Разумеется, Кенелм не мог разом охватить все эти подробности. Но так как ум человека, привыкшего все обобщать, удивительно быстро приходит к здравому заключению, тогда как тот, кто останавливается на одних подробностях, приходит к какому-либо выводу очень не скоро, да и не всегда к верному, то Кенелм был прав, когда сказал себе: «Я у простых английских поселян, но по какой-то причине, которая едва ли объясняется незначительным заработком, передо мной лучшие представители этого класса».

– Простите, миссис Сомерс, что беспокою вас в такой поздний час, начал Кенелм, который с раннего детства привык обходиться с простыми людьми и очень хорошо знал, как они ценят уважение и как глубоко их уязвляет пренебрежительный тон, – но я здесь на короткий срок и не хотел бы уехать, не увидав изделий вашего сына, о которых много слыхал.

– Вы очень добры, сэр, – возразил Уил с улыбкой удовольствия, чудесно осветившей его лицо, – но при себе я держу только вещи попроще. Изящную работу я обычно делаю по заказу.

– Видите ли, – вмешалась миссис Сомерс, – красивые корзинки для рукоделия и разные безделушки – на все это уходит много времени. Если их делать не по заказу, господь знает, удастся ли продать. Однако прошу садиться, сэр, – и миссис Сомерс подала посетителю стул, – я сейчас сбегая наверх за корзинкой, которую мой сын сплел для мисс Трэверс. Эту вещь надо отослать завтра, и я прибрала её, чтоб не случилось какой беды.

Кенелм сел и, придвинувшись со стулом к Уилу, взял в руки недоконченную корзинку, которую тот положил на стол.

– По-моему, работа очень тонкая и аккуратная, – сказал Кенелм, – и фасон корзиночки может удовлетворить самый придирчивый дамский вкус.

– Я плету ее для миссис Летбридж, – ответил Уил, – ей негде держать карты и письма. А фасон я взял из книги с картинками, которую любезно одолжил мне мистер Летбридж. Вы изволите знать его, сэр? Он очень хороший человек.

– Нет, я его не знаю. Кто это?

– Наш пастор. Вот и его книга.

К удивлению Кенелма, книга оказалась описанием Помпеи с гравюрами, изображавшими орудия и украшения, мозаики и фрески, найденные в этом небольшом знаменитом городе.

– Вот я вижу ваш образец, – сказал Кенелм, – так называемая патера⁷³ великолепный экземпляр. Вы копируете ее замечательно верно. Я не думал, что плетеной корзинке можно придать такой же вид, как бронзовому изделию. Но заметьте, как украшает эту плоскую чашу пара голубков, сидящих на краю. А вы этого украшения прибавить не можете!..

– Миссис Летбридж хотела поместить вместо голубков два чучела канареек.

– Боже мой! Что вы говорите! – воскликнул Кенелм.

– Но мне такая мысль почему-то не понравилась, – продолжал Уил, – и я позволил себе ей это сказать.

– Почему же не понравилась?

– Сам не знаю, но мне кажется, это как-то не годится.

– Это было бы действительно в высшей степени безвкусно и совсем испортило бы вашу корзинку, а почему – я сейчас постараюсь вам объяснить. Видите вы здесь, на следующей странице, рисунок прекрасной статуи? Разумеется, эта статуя должна изображать природу, но природу идеализированную. Вам, конечно, едва ли известно значение этого трудного слова, да и немногие его знают. Означает оно создание какого-нибудь произведения искусства согласно тому представлению, которое внушено человеку природой. Поэтому образец, взятый из природы для создания произведения искусства, должен быть тщательно изучен, прежде чем человек сможет верно воспроизвести его. Например, художник, творец этой статуи, должен был знать пропорции человеческого тела. Он должен был изучать разные части его голову, руки, ноги и так далее, – и уже потом, соединив все свои наблюдения над частностями, он создаст то целое, которое претворит в жизнь идею, возникшую в его воображении. Вам понятно, что я хочу сказать?

– Отчасти, сударь, но все-таки не совсем.

– Это не беда. Впоследствии, пораздумав над моими словами, вы поймете все. Представьте же себе, что, желая придать естественность статуе из бронзы или мрамора, я надену на нее парик из настоящих волос. Ведь вы сразу скажете, что я испортил свое произведение и что, как вы удачно выразились, «это как-то не годится». Вместо того чтобы придать статуе естественный вид, я сделал ее комично неестественной, из-за контраста между действительной жизнью, о которой зрителю говорит парик из настоящих волос, и художественной жизнью, которая выражается идеей, воплощенной в камне или металле. Чем выше произведение искусства, то есть чем выше вложенная в него идея, представленная в виде особого сочетания деталей, взятых из природы, тем больше вы его унижите и испортите, если попытаетесь придать ему более реальный вид, не считаясь с материалом, из которого произведение создано. Это же правило применимо ко всякому виду искусства, как бы скромно оно ни было. А два чучела канареек на краю корзинки, моделью которой послужила греческая чаша, были бы точно так же безвкусны, как парик из цирюльни на голове мраморной статуи Аполлона.

⁷³ Патера – у римлян низкий и неглубокий сосуд для питья и для возлияния богам. Патеры бывали глиняные, бронзовые, серебряные, золотые.

– Понимаю, – ответил Уил, потупив голову, как человек, который над чем-то размышляет, – по крайней мере мне кажется, что понимаю, и я вам очень обязан, сэр!

Миссис Сомерс давно уже вернулась и стояла с рабочей корзинкой в руках, не смея перебить джентльмена и слушая его с таким же великим терпением и таким же малым пониманием, будто это была одна из тех полемических проповедей о церковных обрядах, которыми мистер Летбридж в торжественных случаях одаривал своих прихожан.

Окончив эту лекцию об искусстве, из которой многие поэты и романисты, ухитряющиеся придавать идеалу карикатурный вид своими попытками надевать парики из человеческих волос на мраморные головы статуй, могли бы почерпнуть полезный для себя урок, если бы удостоили им воспользоваться, что, впрочем, маловероятно, – Кенелм заметил стоящую возле него миссис Сомерс, взял из ее рук корзинку, которая действительно была очень изящна и удобна благодаря множеству отделений для различных рукодельных принадлежностей, и отдал ей должную дань.

– Молодая леди хочет сама украсить ее лентами и выложить внутри атласом, – заметила миссис Сомерс.

– Ведь ленты ее не испортят? – нерешительно спросил Уил.

– Нисколько. Ваше врожденное чувство художественного соответствия должно подсказать вам, что ленты идут к соломе и вообще к легким плетеным вещам, хотя, разумеется, вы не станете украшать лентами грубые корзины и плетушки для дичи, которые стоят там в углу. Схожее к схожему, – и к ним как раз отлично подойдет толстая веревка. Так поэт, знающий свое дело, употребляет изящные выражения в изящных стихах, предназначенных для модных гостиных, и тщательно избегает их, заменяя простыми и твердыми – в стихах сильных, рассчитанных, на дальний путь и грубое обращение... Однако, право, вы, можете зарабатывать этими изящными: произведениями гораздо больше, чем обыкновенный ремесленник.

Уил вздохнул.

– Не в наших местах, сэр; разве что в городе. – Почему же вы не переселитесь в город? Молодой человек вспыхнул и покачал головой. Кенелм вопросительно поглядел на миссис Сомерс.

– Я готова ехать куда угодно, где моему мальчику будет хорошо, но...

Она не договорила и две слезинки тихо скатились по ее щекам.

– Здесь меня уже немного знают, – более веселым тоном продолжал Уил, – в конце концов работа придет, надо только терпеливо ждать.

Кенелм счел не деликатным при первом же свидании вызывать Уила на полную открытость. К тому же он стал все сильнее ощущать не только глухую боль от ударов, полученных в недавнем бою, но и порядочную усталость, естественную после долгого летнего дня работы на открытом воздухе. Поэтому он несколько поспешно простился с хозяевами, сказав, что будет рад приобрести несколько произведений Уила: и сам зайдет за ними или письменно известит о заказе.

Едва он поравнялся с домиком Тома Боулза, стоявшим на пути к Сэндерсонам, как заметил человека, который садился на пони, привязанного к воротам, и, прежде чем отъехать, обменялся несколькими словами с женщиной почтенного вида. Всадник проезжал мимо Кенелма, не обратив на него никакого внимания, когда наш странствующий философ остановил его вопросом:

– Если не ошибаюсь, сэр, вы доктор. Скажите, пожалуйста, как здоровье Боулза?

Доктор покачал головой.

– Пока не могу сказать ничего определенного. Его куда-то очень сильно ударили.

– Как раз под левое ухо. Я метил не туда, но Боулз случайно отклонился немного в сторону, быть может, от неожиданности, когда я хватил его по переносице, и удар, как вы пра-

вильно заметили, был очень сильный. Но, если он излечит Тома от привычки наносить сильные удары другим, которые не могут выносить их так легко, быть может, все послужит к его пользе, как, без сомнения, сэр, утверждал и ваш школьный учитель, когда порол вас.

– Господи боже! Неужели это вы так отделали Тома! Не могу этому поверить!

– Почему же?

– Как почему? Насколько я могу судить при этом свете, хотя вы и не маленького роста, Том Боулз должен быть несравненно тяжелее вас.

– Том Спринг⁷⁴ был чемпионом Англии, и, согласно записям, которые сохранились в архивах истории, он имел еще более легкий вес, чем я.

– Да разве вы боксер-профессионал?

– У меня много разных занятий. Однако вернемся к Тому Боулзу; пришлось пускать ему кровь?

– Да. Когда я приехал, он был почти без чувств. Я выпустил ему несколько унций крови и с удовольствием могу сказать, что теперь он пришел в себя, но ему необходим полный покой.

– Разумеется. Надеюсь, завтра он поправится настолько, что будет в состоянии принять меня.

Я тоже надеюсь, но утверждать наверно не могу. Ссора была из-за девушки, не так ли?

– Во всяком случае, не из-за денег. Не будь на свете денег и женщин, ссор не было бы вовсе, а врачей – очень мало. Доброй ночи, доктор!

«Странно, – сказал себе Кенелм, отворяя через некоторое время садовую калитку Сэндерсонов, – весь день я ничего не ел, кроме нескольких жалких сэндвичей, а между тем не чувствую голода. Подобной неисправности пищеварительных органов еще со мной не бывало. В этом есть что-то зловещее, роковое».

При входе в столовую он застал всех членов семейства за столом, хотя ужин давно был окончен. При виде Кенелма все встали. Слава его подвигов предшествовала ему. Он остановил поток поздравлений, похвал и расспросов, которыми осыпал его добрый фермер, печально воскликнув:

– Но я лишился аппетита! Никакие почести не могут вознаградить меня за эту потерю. Дайте мне спокойно лечь, и, быть может, в волшебной стране ночных видений природа восстановит мои силы, послав мне ужин во сне.

⁷⁴ Спринг Томас Уинтер (1795–1851), боксер, прозванный Томом Спрингом (т. е. Томом Пружиной), бывший чемпионом Англии в 20-х гг. XIX в.

Глава XIV

Кенелм встал рано и, хотя еще чувствовал себя немного не по себе и ощущал какую-то связанность в движениях, все же оправился настолько, чтоб испытывать волчий голод. На его счастье, одна из дочерей, на обязанности которой лежал надзор за молочным хозяйством, с рассветом была на ногах и принесла изнемогавшему от истощения герою громадную миску молока с хлебом. Подкрепившись, Кенелм пошел на сенокос, где почти все уже было закончено и, кроме него, оставалось всего несколько работников. Джесси там не было, чему Кенелм очень обрадовался. К девяти часам его работа была окончена, и фермер со своими людьми ушел метать во дворе последние стога. Кенелм незаметно удалился, чтобы нанести задуманные им визиты. Сперва под предлогом покупки цветного платка он заглянул в деревенскую лавочку, которую вчера показала ему Джесси. Благодаря своей неизменной вежливости он тотчас дружески разговорился с хозяйкой, миссис Ботри, маленькой болезненной старушкой. Голова ее тряслась, она была немного туга на ухо, но проницательна и сметлива – качества, ставшие у нее почти механическими в результате долгого навыка. Оказавшись очень разговорчивой, она откровенно сообщила о своем желании продать лавку и провести остаток дней в соседнем городе с сестрой, такой же вдовой, как и она. После смерти мужа поле и огород за лавкой перестали приносить доход, а забот и хлопот от них по горло. Да и в лавке сидеть стало утомительно. Но аренда у нее была действительна еще на двенадцать лет, так как договор ее муж заключил по низкой расценке на двадцать один год, и она желала получить неустойку. Кроме того, она хотела, чтобы тот, кто купит у нее лавку, приобрел и весь находившийся там товар. Вскоре он понял, что за все вместе она хотела бы получить сорок пять фунтов стерлингов.

– Может, вы сами желаете приобрести лавку? – спросила она, надевая очки и внимательно рассматривая посетителя.

– Может быть, если только она приносит порядочный доход. Вы ведете прихода-расходную книгу?

– А как же, – гордо заявила она, – я вела счета при жизни мужа, а он, бывало, мог обнаружить ошибку даже в один фартинг – в молодости-то муж служил писцом в конторе адвоката.

– Почему же он оставил контору адвоката и стал мелким лавочником?

– Он, видите ли, был сыном здешнего фермера, и его все тянуло к земле, да... кроме того...

– Ну?

– Скажу вам правду... Он в молодые годы стал пить, а человек был хороший и хотел это бросить, даже дал обет трезвости, но очень ему было трудно отстать от компании, которая сманивала его на пьянство. Раз как-то приехал он к родителям на рождество. Тут я ему и приглянулась. А тогда как раз умер мой отец, управляющий у мистера Трэверса, и оставил мне немного денег. Вот так оно и вышло, что мы поженились и получили у сквайра в аренду этот дом и землю за умеренную цену. А муж мой был человек с образованием, его уважали. Пить у него больше не было охоты, раз появилась хозяйка в доме, удерживавшая его, и он занялся разными разностями. Помогал обмерять строевой лес, знал, как надо осушать болота, вел счета у соседних фермеров. Мы держали коров, и свиней, и кур и жили хорошо, тем более что господь был милостив и детей у нас не было.

– А какой доход приносит в год лавка после смерти вашего мужа?

– Судите лучше сами! Не угодно ли посмотреть книги и взглянуть на землю и яблони? Только после смерти мужа за ними уж никто не смотрел.

Через минуту наследник рода Чиллингли уже сидел в опрятной комнатке, выходившей окнами во фруктовый сад, склонившись над приходе-расходной книгой миссис Ботри.

В лавку вошли покупатели, спрашивая сыр и бекон, и старуха оставила Кенелма одного. Хотя со счетоводством ему еще не приходилось иметь дело, он быстро постиг его основы, как это вообще присуще людям с ясной головой, приученным к умственной работе и привыкшим разбираться в книгах по самым различным вопросам. Результат его изучения был удовлетворителен: за последние три года лавка ежегодно давала в среднем около сорока фунтов дохода. Закрыв книгу, Кенелм вылез из окна в сад, а оттуда отправился в поле. И сад и поле были запущены: деревья уже давно не подрезали, а поле не удобряли. Почва, очевидно, состояла из жирной глины, фруктовых деревьев было много, и они уже давали плоды. Несмотря на недостаточный уход, они были в неплохом состоянии. Наметанным глазом человека, родившегося и воспитанного в деревне и бессознательно подхватывающего крупницы сельскохозяйственных знаний, Кенелм убедился, что земля при разумном ведении хозяйства с лихвой покроет арендную плату, церковную десятину и всевозможные подати, а доход с лавки останется чистой прибылью. И, несомненно, молодые люди, работая в лавке, повысят ее доходность.

Не считая нужным возвращаться теперь к миссис Ботри, Кенелм направился к дому Тома Боулза.

Дверь была заперта. На стук Кенелма поспешно вышла высокая, полная и представительная женщина лет пятидесяти, тяжесть которых она без особых усилий несла на своих широких плечах. Она была в весьма скромном черном платье, а каштановые волосы ее были просто заплетены и скрыты под плотно сидевшим на голове чепчиком. Черты лица у нее были орлиные и очень правильные – вообще в ней было что-то величественное, напоминавшее Корнелию⁷⁵. Она могла бы служить моделью для этой римской матроны, если бы не англосаксонская белизна ее лица.

⁷⁵ Корнелия – древнеримская матрона, дочь полководца Сципиона Африканского и мать обоих Гракхов – знаменитых государственных деятелей древнего Рима. Ради воспитания детей отказалась от брака с царем Египта Птолемеем VIII.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.